

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Philosophical Society of Uzbekistan
Faculty of Business Administration, University of Economics in Prague
Urgench State University named after al-Khorezmi
Academia Rerum Civilium – Higher School of Political
and Social Sciences

**MODERN PHILOSOPHIC PARADIGMS:
INTERRELATION OF TRADITIONS
AND INNOVATIVE APPROACHES**

Materials of the IV international scientific conference
on March 3–4, 2017

Prague
2017

Modern philosophic paradigms: interrelation of traditions and innovative approaches : materials of the IV international scientific conference on March 3–4, 2017. – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2017. – 133 p. – ISBN 978-80-7526-178-6

ORGANISING COMMITTEE:

Ilona G. Doroshina, candidate of psychological sciences, assistant professor, the chief manager of the Science Publishing Center «Sociosphere-CZ» (Prague, Czech Republic).

Eva Kashparova, Ph.D., research associate at University of Economics in Prague (Prague, Czech Republic).

Umidjon R. Kushaev, Ph.D., senior researcher applicant of Tashkent Islamic University (Tashkent, Uzbekistan).

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD:

Vadim N. Goncharov, doctor of philosophy, professor of philosophy chair at Humanities Institute of the North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia).

Anwar K. Kadyrov, doctor of philosophy, professor of Tashkent Institute of Chemical Technology (Tashkent, Uzbekistan).

Larisa D. Kozyreva, doctor of philosophy, professor of North-Western's Institute for Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow, Russia).

Shakhnoza O. Madaeva, Ph.D., assistant professor, head of the chair of the history of philosophy and logic at National University of Uzbekistan.

Miroslav Sapik, Ph.D., assistant professor, prorector of Academia Rerum Civilium – Higher School of Political and Social Sciences (Kolin, Czech Republic).

Tomas Sigmund, Ph.D., academic staff of University of Economics in Prague (Prague, Czech Republic).

Maksuda S. Hajieva, doctor of philosophical science, assistant professor, head of the chair «Theory of building a democratic society in Uzbekistan and Philosophy» at Urgench State University named after Al-Khwarizmi (Urgench, Uzbekistan).

Nigina A. Shermuhamedova, Doctor of Philosophical Sciences, professor at the National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek (Tashkent, Uzbekistan).

Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures, quotations, statistics, proper names and other information.

These Conference Proceedings combines materials of the conference – research papers and thesis reports of scientific workers and professors. It examines modern philosophic paradigms. Some articles deal with Eastern and Western philosophy. A number of articles are covered epistemological and ontological pluralism. Some articles are devoted to philosophic problems of development of modern spiritual culture. Authors are also interested philosophical issues of political processes.

UDC 1

ISBN 978-80-7526-178-6

The edition is included into Russian Science Citation Index.

© Vědeckovydatelské centrum
«Sociosféra-CZ», 2017.
© Group of authors, 2017.

CONTENTS

I. EASTERN AND WESTERN PHILOSOPHY TODAY: COMMON PRINCIPLES AND DIFFERENCES

Minaeva M. S.

The archetype of Father in the novel “Captain at fifteen” by J. Verne 7

Ruzmatova D. S.

The philosophical interpretation of Collins’ term
of “Man is a necessary agent” 11

Валеева Г. В.

Добро как высшая нравственная ценность в учении В. С. Соловьева 13

II. EPISTEMOLOGICAL AND ONTOLOGICAL PLURALISM

Кукарников Д. Г.

Философия социальных наук и социальная реальность
в онтологическом дискурсе 16

Миронова М. Ю.

Социальный символизм природных стихий 20

Федулов И. Н., Худобина О. Ф.

Постнеклассическая рациональность: что дальше? 25

III. VALUES IN THE STRUCTURES OF SOCIAL SPACE

Антошкина Е. А., Сидоренко А. В.

Критерии и методы оценки социально-психологического климата
в организации 29

Валеева Г. В.

Значение духовных ценностей для современного
русского общества 33

Воробьева О. Б.

Об аксиоматических принципах общества 35

IV. PHILOSOPHIC PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF MODERN SPIRITUAL CULTURE

Богатырева Е. Н.

Когнитивный потенциал темпорального подхода
в типологизации культуры..... 38

Вьюжанина И. И.

Человек, явившийся мне во сне..... 43

Ковалева М. В.

Творчество как преобразование мира 47

Подшивалова О. А.

Обряды перехода в балете «Весна священная» И. Ф. Стравинского 56

Хитарова Т. А.

Архетипический образ Коня в славянском фольклоре,
творчестве А. С. Пушкина и Р. Л. Стивенсона 64

Царева Е. А.

Сущностные характеристики кода культуры 67

V. TECHNOSPHERE AND NOOSPHERE: INTERRELATION, CONTRADICTIONS AND PROBLEM OF KNOWLEDGE INTEGRATION

Антюфеева М. А.

Опасности и перспективы технократизма в общественном сознании 71

Слок В. И.

Изменения системы социального управления в обществе риска 75

VI. PHILOSOPHICAL ISSUES OF POLITICAL PROCESSES

Ба Алави М. М., Ба Алави А. М.

Спустя шесть лет после революции: Кто управляет Йеменом? 78

Егоров П. М.

Образ современных политических конфликтов в представлениях
и ценностных ориентациях учащейся молодежи г. Якутска..... 83

Иванченко О. В., Кузнецова А. А., Алтанец Д. А.

Политическая реклама на основе инструментария маркетинга
социальных медиа..... 92

Кубракова Е. И.

Феномен политики обезличивания и унификации масс, утверждения
пронацистских и националистических режимов:
на примере Третьего Рейха 95

Юшкова Л. А.

Содержательная наполненность национального стереотипа
«американцы» у современной студенческой российской молодежи 97

VII. TOPICAL ISSUES OF THE PHILOSOPHY OF RELIGION AND LAW

Goncharov V. N.

Religion as a form of culture in society: social and philosophical analysis 101

Рюмин С. Г.

Актуальность философии права Ивана Ильина 105

VIII. MODERN AESTHETIC CONSCIOUSNESS OF SOCIETY: ARCHETYPAL BASES AND INNOVATIVE TENDENCIES

Бычкова М. Н., Балашова М. О.

Опора на архетипы и игра на положительных стереотипах клиента
как ключевое условие успешного дизайна упаковки товара 107

IX. TOLERANCE AS MORAL IMPERATIVE

Кушаев У. Р.

Нравственная суть толерантности 113

X. SPIRITUAL AND MORAL PROBLEMS OF INFORMATION SOCIETY

Kolosova O. Yu.

Informatization of society: social and philosophical analysis of spiritual
and moral development 118

Слизкова Е. В., Завьялова А. Н.

Формирование социально-трудовой компетентности
у детей-инвалидов 122

План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана и Чехии на базе Vědecko-vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» в 2017 году	128
Информация о научных журналах	130
Издательские услуги НИЦ «Социосфера» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»	132

I. EASTERN AND WESTERN PHILOSOPHY TODAY: COMMON PRINCIPLES AND DIFFERENCES

THE ARCHETYPE OF FATHER IN THE NOVEL “CAPTAIN AT FIFTEEN” BY J. VERNE

M. S. Minaeva

*Pedagog-psychologist,
GBU GPPC, Moscow, Russia*

Summary. This article observes the line of the father archetype in the adventure novel on the example of the ‘Captain at fifteen’ by Jules Verne. The main traits of father archetype are briefly described and then the text and the heroes of the novel analyzed accordingly to them. Also were analyzed main hero’s interactions with two types of father figures inside the text of the novel.

Keywords: archetype; father archetype; literature; adolescent.

The parental figures from collective unconsciousness usually have strong affection even on the persons, who don’t know their own parents. Those archetypes in multiple forms could be found in the world culture, and mass media, including fiction, movies and other production. As in the tale therapy or cinema therapy the psychologist can search between adventure novels the story that mirrors client’s actual problem or which contains important collective images or archetypical situations to work with.

For example, we can tell about distinct line of father archetype is Jules Verne’s novel “Captain at fifteen”, which Vern according his biographies had written for his teenage son [1; 2]. Apparently, the theme of the novel itself made author consciously or intuitively catch and outline archetypical situation of father and son relationship.

The purpose of this article is to show how the archetype of Father reveals itself on the base of the plot of J. Verne’s novel “Captain at fifteen” and to trace hero’s interactions with father figures.

In early years, the newborn has strong connection with the mother: they even can perceive each other as one being. The father takes child to the big outer world full of discoveries and perils. He encourages child’s activity and social skills and also demands proper behavior and qualities, which he controls and gives them objectively assesses.

Neumann tells that archetypical father figure is not constant, but due to cultural and the father’s authority as well. Fathers protect the values of the society they live in and maintain stability and order [7].

By Fromm’s opinion the love of father in contrary to mother’s unconditional love, could be won by submission and matching his expectation or can be

lost. The father can inspire and support the child or can break dependent being with too great demands or too strict rules. To become independent, young man must confront his father [5].

The teenage hero of the “Captain at fifteen”, Dick Sand, is an orphan from early childhood, but his relations with captain Hull resembles that of father and son. The experienced sailor and captain has a good attitude to the apprentice, teaches him not only work with sails and ropes, but also to find course of the ship with the help of simple devices. On the symbolic level, we can tell he gives to the boy landmarks and footholds at the sea of life. Also captain Hull has good opinion on novice’s talents and precedes good captain’s career to him. His attitude to the boy is indeed fatherly and Dick feels pain when he dies.

“Dick Sand stood motionless, his arms crossed, looking at the place where Captain Hull had just been swallowed up – Captain Hull, his protector, for whom he felt a filial affection” [8].

Here we can suggest the situation similar to the frequent twist in the fairy tale’s narratives: the good parent dies and evil step parent comes in his place and begins harass the hero. Clarissa Estes presumed that this plot is a symbol of changing adolescent child’s attitude to adults [4]. The parents are not idealized anymore and their shortcomings and weaknesses are exaggerated as teenager tries to free self from the primary dependence.

Father archetype means power, and the power can be used proper or not. The abuse, not proper and not fair use, or overuse of power on one side, or hesitation in its use in the case of need on the other side, could lead to negative consequences for child or for whole society. The power detached from the responsibility distorts father archetype, which as any archetype has both sides, and so the Loving Father becomes Terrible Father.

In the “Captain at fifteen”, when the primary father figure gone from the stage, the hero finds himself face to face with an unpleasant and suspicious adult man, the ship’s cook Negoro, and must confront him almost at once.

The Father archetype has many names, such as: the god, the leader, the captain or commander and the main traits of this archetype is power over the men, authority and control. With the power they have, “fathers” can lead people, judge them and punish. This archetype displays itself on three levels. The first level performed by the role of father in the family, the second – by the role of the “king” or leader, which include captain’s role and the third – by the role of God. So, the main hero of the novel suddenly finds himself on the second level of pyramid of power – the level of “king” – and doesn’t yield position to the adult man.

From this time on, Dick commands the elders and must sustain his authority. Of course, he listens to advices of Mrs. Weldon and old Tom, and it is Mrs. Weldon, who approves his status against Negoro’s claim, but it looks like adults don’t take real responsibility for a party. Cousin Benedict, fully gulped by science, is out of reality most of the time; Mrs. Weldon scarcely gives worlds of

hold up; the shipwrecked men saved from the “Valdec” also know nothing of navigation and can only help with sails and rigging. Their lives depend from young captain’s decisions. Dick was the only competent sailor on “Pilgrim” aside Negoro and during the sea voyage people became accustomed to submit to him as to their leader. Even after the little troop captured, and escaped Hercules successfully begins to act on his own, he still accepts Dick as captain and commander.

This new role of the boy makes opposition and conflict between him and Negoro inevitable.

The Fathers maintain stability and order in the world. But if there is too much order, the live became stale and the world slowly dies. So the mythical hero’s mission is to rebel against fathers and kings and bring something new into the world. He rises, often deposes the father-king and afterwards becomes king himself or dies in attempt. This rebellion can be represented in the real life by the teenage riot.

In “Captain at fifteen” we can see the boy, who in extra circumstances is forced to take on himself the father-captain’s duty and refuses to pass this status to the only qualified adult man. More of it, Dick does not hesitate to use word, gun and strength of his friends to confirm and sustain his status and authority.

It resembles struggle of the mythological hero with the Terrible Male – the dark parental (father) figure, described by Erich Neumann in his work “The Origins and History of Consciousness” [7].

To become self the hero that represents ego must be free from the embrace of primal parents and so he fights mythical enemies, which represent the dark sides of parental figures: the Terrible Mother and the Terrible Father or Terrible Male.

The Terrible Male as a part of Ouroboros submits to Terrible Mother who wants to devour her children. He wants to “castrate” the hero, to rob him of his power and to take ego back to the depth of unconsciousness.

Negoro resembles this image by his actions. It is not enough for him to kill Dick. He wants defeat the boy spiritually, to rob him of power and of spirit’s strength.

As a Terrible Male, obedient to Terrible Mother, he plans to drown Dick – to kill him with the Great Mother’s element, to devour him and put back to primal unconsciousness. But the water spares young sailor who doesn’t give up to the end.

This is the story of growing up and taking responsibility for other people and for important task. This is the story of rites of passage, but it also has some traits of myth and mirrors some processes of human psychic. “The Terrible Male, however, functions not only as principle that disintegrates consciousness, but even more as one that fixes it in the wrong directions” [7, p. 186].

From this point of view the broken compass may be a metaphor of the wrong life rout, taken by mistake and mischief. And this is also the goal of the

Terrible Male – to lead the ego-hero on the wrong way by treachery. As Dick was deceived by broken compass with piece of iron underneath, so real people can be deceived in their desires or life purposes by other people, by parents or by themselves. And they may go wrong way and made worthless deeds long enough without knowing it, only to find themselves in the end of all efforts in the wrong place with broken and shattered dreams.

To become self and free of the “primary parents”, the hero inevitable must defeat the Terrible Male and depose him.

When Dick kills Harris, his rage also directed to Negoro, who was the reason of their misfortunes and woes. For the hero those two villains could represent two sides of the same treacherous and evil figure. The boy physically kills the Terrible Male of his unconscious when stubs Harris and defeats him in the struggle of characters when confronts Negoro face to face.

When the dark father defeated, mythical hero can take his place to become good ruler and captain. We can presume that Dick’s true identification was at last with captain Hull, his “good father” figure, although the book doesn’t tell about it straight. We can see that at the end of the novel young novice begins to study hard and after three years of the hydrographical courses obtains the real captain’s status and takes Mr. Weldon’s ship under command. So, on symbolical level he replaces his foster-father and “became” him.

The line of father archetype became even stronger and clearer in the modern novel “Heart of the sword” by O. Chigirinskaya, which contains many references to the “Captain of fifteen’s” plot line, although has more complicated structure and unfolds at the futuristic setting. The young hero of that novel, who takes responsibility for the spaceship, confronts different father figures of all three levels of archetype including God, and the Dark Father figure of antagonist is very similar to the Neumann’s Terrible Male.

So as we can see, there is an archetypical plot in the “Captain at fifteen”, which tells about young man who is coming of age and about transformation of his father figures as the Terrible Father replace the deceased Loving Father. When the Terrible Father is defeated and dead, young man gets full power himself and became rightful captain in the place of his foster father.

Bibliography

1. Андреев К. К. Три жизни Жюль Верна. – М. : Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1956. – 121 с.
2. Жюль-Верн Ж. Жюль Верн. – М. : Прогресс, 1978. – 446 с.
3. Campbell J. The hero with a thousand faces. – Novato. : New World Library, 2008. – 418 p.
4. Estes C. P. Women Who Run with the Wolves: Myths and Stories of the Wild Woman Archetype. – New York. : Ballantine Books, 1992. – 520 p.
5. Fromm E. The Art of Loving. An Enquiry into the Nature of Love – Moscow: Pedagogy, 1990. — 160 p. (in Russian)
6. Hollis J. Under Saturn's Shadow: The Wounding and Healing of Men (Studies in Jungian Psychology by Jungian Analysts). – Toronto. : Inner City Books, 1994. – 143 p.

7. Neumann E. The Origins and History of Consciousness. – London. : Karnac books Ltd, 1989. – 493 p.
8. Verne J. The Captain at fifteen URL:
<http://www.gutenberg.org/cache/epub/12051/pg12051.html> (date: 20.12.2016 22:30).

THE PHILOSOPHICAL INTERPRETATION OF COLLINS' TERM OF "MAN IS A NECESSARY AGENT"

D. S. Ruzmatova

*Student,
National University of Uzbekistan
named after Mirzo Ulugbek,
Tashkent, Uzbekistan*

Summary. The article is devoted to philosophical views of English philosopher Anthony Collins. The article analyzes the philosopher's teaching about determinism.

Keywords: determinism; man is necessary agent, cause, necessity, consequence, freewill.

Anthony Collins (1676–1729), who was a contemporary and shared the views of John Toland, left significant heritage in the English philosophy with his unusual views, clear thoughts and different approaches to the problems of philosophy. The fact that he had close ties with John Locke and his correspondence with him had their impact on Collins' views. Determinism has a special place in his works [1, p. 108].

In his work entitled "A Philosophical Inquiry Concerning Human Liberty" Collins appears as a personality who is against teaching on freedom of will supported by Catholic and Anglican churches [2, p. 27]. The main idea of the work consists of the following thought: "Man is a necessary agent" [3, p. 14]. In the first instance, they are "arguments gained based on experience" and proved by man's different spiritual activities, conscience and behaviour. At the same time, Collins divides "human action" into four types: perceiving ideas; thinking or expressing thoughts; wish; acting based on his will [3, p. 25]. Having learned these actions one after another, the philosopher comes to the conclusion that "human is always conditioned (determined) [1, p. 108]..." [3, p. 35–36]. According to Collins, feeling or perception, or "accepting ideas" in Locke's terminology has the peculiarity of necessity which does not depend on the freedom of will, in other words [2, p. 28], "feeling and reflexes are linked with us, we want it or not, we cannot separate them from ourselves" [3, p. 26]. Likewise, logical thoughts are very important as well, that is to say, the point whether they are true or false does not depend on us, but they depend on subjects that we are talking about. Human being is conditioned (determined) in his wishes as well, in other words, wishes are based on people's demands. This, in its turn, is closely related to life activities. As regards will, in this case, "like others, here we obey necessity" [3, p. 36]. In fact, as Collins comments, if we act based our will (for

example, if we study, walk or ride a horse), we continue these activities unless external obstacles emerge. As soon as they emerge we will have to stop our activities. Like this, if we change our wishes, we have to stop our activities, that we had started, due to necessity, and due to this necessity, we will begin to fulfil new wishes.

Likewise, putting necessity and freedom of the will, which are peculiar to all types of thinking, against each other, especially, interpreting causal conditioning and necessity in the same way has methodological foundation. Thus, if freedom which is strictly refuted by determinism is pointlessness and interpreting in the same way, the result of aforementioned approach which is based on causality means ignoring chance. At the same time, the difference of the concept of freewill and chance between each other was not explained, which led to making the necessity as absolute [2, p. 29].

In order to approve the thought that a man is a necessary agent, Collins especially stresses that all our actions have a beginning. "For whatever has a beginning must have a cause" and every cause is a necessary cause" [3, p. 38]. Continuing his thoughts, the philosopher says: "If the cause of not based on necessity, in that case it is not any sort of necessity". Proceeding from this, he was against the point of view in "the teaching of Epicureanism on chance" which says that "this orderly world might have been produced by a disorderly or fortuitous con-course; or which is all one, by no cause at all" [3, p. 38].

At the same time by denying the fact that freewill could exist separately from necessity, Collins also does not deny the fact that "other type of" freewill also exists separately. A man is able to act as he wishes or as he thinks it is acceptable. As long as there is no any obstacle or limitation, or until he loses any moving part of his body or something happens to him due to any other reasons he can speak or keep silent, stay up or sit down, walk or run, move quickly or slowly. It is also worth paying attention to Collins paying attention to the freewill of human spirit. Under this, he first of all understood freewill of thought and expression. On his own freewill, a man could judge about specific objects and speak about them. However, this does not mean separating necessity from freewill which is peculiar to movements of human body and spirit. When we act based upon our wishes and will, we should not forget one thing that "our wishes, inclinations, feelings and consciousness form (determines) our choice", in the end, a man is conditioned (determined) "in the nature of things" [3, p. 44, 46] in his actions and behaviour.

Thus, Collins' determinism with all its limitations is aimed at substantiating the fact that people's consciousness and behaviour are financially conditioned, as well as approving objectivity and commonness. The English philosopher applied the approach of determinism about a man who can feel, think and put into practice to everything. As he separates the shortcomings of material determinism, which interprets cause and necessity in the same, together with philosophers (Hobbes and Spinoza) who lived before himself, Collins makes way

for them. However, in this sense he cannot find the joining point between the concepts of necessity and freewill. This is why Hobbes' thought that freewill and necessity can exist together and Spinoza's idea of free necessity were alien to him. This made Collins' views on determinism different from other approach of philosophers. By pointing out these shortcomings of mechanical determinism Collins absolutely differed from philosophical views of XVI–XVIII centuries.

Bibliography

1. Фалсафа. Қомусий луғат. – Тошкент: “Ўзбекистон файласуфлари миллий жамияти нашриёти”, “Шарқ” нашриёт-матбаа акциядорлик компанияси бош тахририяти, 2004.
2. Кузнецов В.Н., Мееровский Б.В., Грязнов А.Ф. Започно-европейская философия XVIII века. – М.: Высшая школа, 1968.
3. Английский материалисты XVIII в. Собр. произв. В 3 т. – М.: 1967-1968.

ДОБРО КАК ВЫСШАЯ НРАВСТВЕННАЯ ЦЕННОСТЬ В УЧЕНИИ В. С. СОЛОВЬЕВА

Г. В. Валеева

*Кандидат философских наук, доцент,
Тульский государственный
педагогический университет
им. Л. Н. Толстого, г. Тула, Россия*

Summary. In the doctrine of the Russian philosopher V. S. Solovyov the good acts as the supreme moral value and as the central concept determining moral consciousness of the person. The good has absolute nature, exists eternally, doesn't depend on the person, but is shown in it, through feelings of pity and shame. Angrily, as the reverse side is kind, is shown through destruction by the person of ethical standards.

Keywords: moral values; good; evil; Russian philosophy; personality; completeness of life.

Добро, как высшая нравственная ценность, характеризует свободно произведенные действия, сопоставленные с определенным идеалом. Добро – это «выражение положительного значения чего-либо в его отношении к некому стандарту или сам этот стандарт» [3]. Добро это то, что положительно оценивается и рассматривается как значительное и важное в жизни человека и общества в целом; это то, что позволяет человеку и обществу развиваться, достигать совершенства и гармонии. Обратной стороной добра является зло – это все то, что имеет отрицательную оценку; это нарушение нравственного порядка.

В своем учении русский философ В. С. Соловьев, рассматривал добро, как подлинную и единственно возможную основу жизни. Однако, мыслитель не дает четкого и логического определения понятию «добро» как высшей нравственной ценности, он считал, что его дать невозможно, можно

только указать на первичное начало и аргументировать следствия, происходящие из него. По мнению мыслителя, добро существует вечно, имеет абсолютный характер и не зависит от человека, но, в силу всеобщности проявляется в нем: «Человек в принципе и по назначению своему есть безусловная внутренняя форма для добра как безусловного содержания; все остальное условно и относительно. Добро само по себе ничем не обусловлено и через все осуществляется» [1]. Человеку необходимо совершенствоваться нравственно, осознать добро как цель и идеал своей деятельности.

В. С. Соловьев выделяет основные атрибуты добра: автономность, т. е. добро ничем не обусловлено и является самоценностью; полнота, т. е. добро все определяет и обуславливает; сила, т. е. добро через все реализуется. По мнению мыслителя, добро заключается в следующих особенностях человеческой природы: чувство жалости, которое включает в себя показатель отношений к подобным себе; чувство стыда, которое должно напоминать человеку о достоинстве; чувство благоговения, как показатель принадлежности человека к высшему началу. Основываясь на таких критериях добра, Соловьев указывает на три принципа: аскетизм, основу которого составляет чувство стыда: «подчиняй плоть духу, насколько это нужно для его достоинства и независимости» [1]. Альтруизм, в основе которого чувство жалости, наставляющий человека поступать с другими, как желал бы, что бы поступали с тобой, ведет справедливости и милосердию. Религиозный принцип: «сознательно и разумно делать добро я могу только тогда, когда верю в добро, то есть, другими словами, верю в нравственный порядок, в Бога» [1]. Мыслитель полагал: «добродетельный человек есть человек, каким он должен быть; добродетель есть нормальное или должное отношение человека ко всему» [1]. Зло же, в понимании В. С. Соловьева это все то, что со стороны человека получает порицание или отрицание. В более узком смысле, зло означает терзания и мучения человека, а так же пренебрежение и разрушение им нравственных устоев и норм. «Зло выражается не в одном отсутствии добра, а в положительном сопротивлении и перевесе низших качеств над высшими во всех областях бытия» [2]. Однако, зло не устойчиво и его преодоление сводится к организации мира: «зло является недостатком и несовершенством, само собою исчезающим с ростом добра» [2].

Учение русского мыслителя В. С. Соловьева показывает, что добро является высшей нравственной ценностью, от восприятия которой будет зависеть жизнь человека и жизнь общества в целом. Такие ценности как семья, отечество, религия, любовь, красота, истина, увенчанные высшей нравственной ценностью добром – это все то, что должно нравственно развивать и направлять человека на его пути «полноты жизни». Зло же, в той степени и мере, в какой человек, проявляя свободу выбора, отступает от высшей нравственной ценности.

Библиографический список

1. Соловьев В.С. Оправдание добра. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.odinblago.ru/filosofiya/solovev/solovyev_opravdanie_dobra (дата обращения: 20.02.2017)
2. Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории [Электронный ресурс] Режим доступа: http://az.lib.ru/s/solowxew_wladimir_sergeewich/text_1900_tri_razgovora.shtml (дата обращения: 20.02.2017)
3. Философский словарь// Добро. [Электронный ресурс] доступа: <http://www.philosophydic.ru/dobro> (дата обращения: 20.02.2017).

II. EPISTEMOLOGICAL AND ONTOLOGICAL PLURALISM

ФИЛОСОФИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК И СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В ОНТОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Д. Г. Кукарников

*Кандидат философских наук, доцент,
Воронежский государственный
университет, г. Воронеж, Россия*

Summary. Philosophy of social sciences (PSS) is a branch of philosophy where relations between philosophy and social sciences are traced and investigated. This article clarifies the nature of relations between PSS, philosophical ontology and social philosophy, reveals the ontological content of social reality.

Keywords: philosophy of social sciences; social reality; social ontology; methodology of social sciences; philosophy of sociology; social philosophy.

Несмотря на существование нескольких различных концепций в области философии социальных наук (ФСН), формулирующих её основные цели и задачи, и, соответственно, сформировавшихся теоретических моделей ФСН [Подр. см.: 2, с. 19–21], на наш взгляд, вполне уместно говорить о том, что в самом общем виде она проблематизирует и исследует взаимоотношения между философией и социальными науками. Такое определение предполагает осуществление концептуальных разработок как в области различных философских дисциплин, так и в области создания методологических теорий в социальных науках. В настоящей статье мы по преимуществу обратимся к анализу собственно философского аспекта ФСН.

Мы можем согласиться с Ю. А. Кимелевым и Н. Л. Поляковой, выделяющих три базовые задачи философии социальных наук, к которым они относят онтологический блок задач, методологический блок и собственно метатеоретическое исследование социально-научных теорий, в процессе которого ФСН фактически осуществляет функцию философии науки применительно к сфере социально-научного познания. Центральным звеном здесь, безусловно, выступает блок онтологических задач, направленных на прояснение общего характера социальной реальности как объектно-предметной сферы социальной теории, поиск общего «онтологического» определения предметной сферы социальных наук [1, с. 21].

При этом заметим, что в социальной философии и социологии само понятие «социальная реальность» ещё не получило чёткой экспликации и употребляется в основном как синоним понятий «общественная жизнь», «общество», «социально-историческое бытие». Дать дефиницию понятию

социальной реальности столь же проблематично, как и зафиксировать соответствующий феномен или, тем более, постулировать его как теоретическую конструкцию.

Ещё в конце XIX в., в рамках разделения «наук о природе» и «наук о духе», начались активные поиски термина, обозначающего весь «человеческий мир». Именно в качестве такого термина В. Дильтей первым использовал словосочетание «социальная реальность», получившее широкое распространение в XX в. благодаря работам А. Шюца, П. Бергера, Т. Лукмана и других представителей феноменологического направления в социологии. В настоящее время термин «социальная реальность» используют в двух основных смыслах: онтологическом, отражающим все объективно существующие социальные процессы и явления, и эпистемологическом, являющимся предметом конкретных социально-гуманитарных наук и теорий.

В истории социологии понятие «социальная реальность» в онтологическом смысле рассматривалось в контексте двух доминирующих теоретических линий, особенным образом объясняющими её природу и сущность: индивидуалистской (феноменологическая, экзистенциалистская, веберовская, конвенционалистская) и позитивистской (дюркгеймовская, марксистская, структуралистская, функционалистская, бихевиористская).

Согласно индивидуалистской позиции, социальная реальность есть результат целенаправленного или осмысленного человеческого поведения. Феноменологическая социология определяет социальную реальность как «тотальную сумму объектов и событий в социокультурном мире в том виде, как они воспринимаются в опыте обыденного мышления людей, живущих повседневной жизнью среди других людей, связанных с ними множеством отношений и взаимодействий» [6, с. 55]. Таким образом, под социальной реальностью понимается нечто, выходящее за пределы теоретизирования и служащее средством соединения теоретического и обыденного. «Поле наблюдения социального учёного – социальная реальность – имеет специфическое значение и структуру релевантности для человеческих существ, в нём живущих, действующих и думающих. С помощью набора конструктов обыденного знания они расчленили и по-своему интерпретировали этот мир, данный им в опыте как реальность их повседневной жизни» [6, с. 61].

В процессе обоснования социальной реальности как объектно-предметной сферы социальной теории, определения онтологического содержания предметной сферы социальных наук ФСН обнаруживает тесную связь и переплетение с определёнными разделами философского знания (прежде всего с философской онтологией) и соответствующими философскими дисциплинами (социальная философия) [1, с. 21–22]. Центральной функцией онтологических теорий социальной реальности, складывающихся в рамках ФСН, выступает функция общего определения исследовательского поля для социальных наук. Философия социальных наук как

бы берёт на себя «посреднические» функции в отношениях между философией и социальными науками, артикулируя различные разделы и дисциплины философии в направлении последних. Разнообразные философские разработки рассматриваются в перспективе возможностей их использования в целях социально-научного познания, наделяются инструментальной функцией в отношении социальных наук.

Безусловно, особого внимания требует рассмотрение вопроса о линиях взаимосвязи между ФСН и социальной философией, поскольку и та, и другая осуществляют различными способами концептуализацию социальной реальности. Но каковы характерные особенности социальной философии как специфической формы осмысления общества и его динамики, каков характер её коммуникативной связи с современными социально-гуманитарными науками?

Широко распространено мнение о том, что социальная философия предполагает философскую рефлексию над обществом и его компонентами в их историческом развитии, раскрытие закономерностей существования и динамики всех основных сфер общественной жизни и социального бытия человека. Это определение предполагает обращение к анализу, хотя и взаимосвязанных, но принадлежащих к различным формам бытия феноменов – бытию социальных структур, учреждений и институтов, с одной стороны, и бытию человека в обществе, с другой. Дело в том, что социальная философия самым тесным образом связана и с социальным, и с гуманитарным познанием, предмет которых различается. Предмет социальных (обществоведческих) дисциплин – социологии, экономики, политологии – раскрытие законов и механизмов функционирования социума. В качестве основного предмета гуманитарных наук (идеалом которых Г. Риккерт считал исторические науки) выступает раскрытие мотивационных факторов и ценностно-смысловых параметров человека как личности в обществе [Подр. см.: 4].

По мнению ряда авторитетных авторов (К. Х. Момджян, Я. С. Яскевич), специфика социальной философии состоит в наличии у неё двух основных интерпретаций социального мира – рефлексивной (научно-рефлексивной) и ценностно-нормативной (валюативной). Рефлексивное постижение социума предполагает анализ мира в его логике и фактологии, ставит задачу познать социальный мир так, как он предстаёт в интересующем человеческом сознании (ориентация на постижение сущего, стремление представить общество как объективную реальность). Валюативное осмысление социальной действительности имеет предметом не мир сам по себе, а его значение для человека, и соотносит общественные явления с ценностями человеческого существования (ориентация на конструирование должного и желаемого в обществе – проектирование предпочтительных форм общественного устройства и норм взаимоотношений между людьми) [3, с. 79].

И, наконец, следует обратить внимание на ещё один важный момент в выяснении характера связи между социальной философией и социальными науками, а также в определении онтологических задач социальной философии в познании общества.

В философии достаточно давно сформировались и существуют сегодня две принципиально взаимосвязанные, но автономные интенции – эпистемная, выражающаяся в стремлении к достижению репрезентирующего познаваемый мир истинного знания о нём, и софийная, воплощающаяся в ценностно-императивных рассуждениях о сущности происходящего в мире. Итогом реализации первой интенции философии (по преимуществу профессиональной) является претендующее на объективный характер отражения действительности знание, второй (часто понимаемой как «философствование» о мире, человеке и месте человека в этом мире) – мнение.

В изучении общества первый путь, представляющий собой путь познания общественных событий («события» людей), явлений, их индивидуализации или генерализации, доходящей до открытия эмпирических закономерностей, выступает прерогативой социальных наук и создаваемых ими концептуальных моделей отдельных сфер и феноменов общественной жизни (политологические, культурологические, экономические и иные дисциплинарные концепции).

Второй путь заключается в познании общественного бытия как такового и составляет предмет социальной метафизики, ориентированной на раскрытие глубинных закономерностей и ценностных параметров общественной жизни – того, что скрыто под напластованиями социально-исторических событий, что стоит за видимой хаотичностью или размеренностью, ставшей привычной и будничной чередой социальных явлений. Как об этом писал русский философ С. Л. Франк, «в то время как научные исследования ведутся по отдельным предметам, знать о которых каждому совершенно не обязательно, философия имеет дело с бытием в целом, которое имеет отношение к человеку как человеку, а также с истиной, которая там, где она вспыхивает, захватывает глубже, чем любое научное познание» [5, с. 19]. Эти знания метафизического или метатеоретического уровня составляют принципиальную особенность социальной философии как учения об обществе.

По его С. Л. Франка, обращение именно к метафизическому измерению общества имеет важнейшее мировоззренческое, методологическое и аксиологическое значение. Оно не уводит познание общественной жизни в область спекулятивно-схоластических рассуждений, а наоборот, даёт возможность приблизиться к реальной конкретике социального бытия. По его словам, «истинный реалист не тот, кто видит лишь то, что непосредственно стоит перед его носом (...), истинный реалист – тот, кто умеет, поднявшись на высоту, обозреть широкие дали, увидеть реальность в её полноте и объективности. Социальная философия и есть попытка увидеть очертания

общественной реальности в её подлинной, всеобъемлющей полноте и конкретности» [5, с. 15].

Дальнейшие исследования в области философии социальных наук, направленные на прояснение характера её связей с философской онтологией и социальной философией, выявление онтологического содержания социальной реальности, предполагают, на наш взгляд, осуществление критического анализа тех конкретных философских традиций (аналитическая, континентальная) и концепций отдельных авторов (Ю. Хабермас, Дж. Сёрл, М. Фуко и др.), которые обладают наибольшим влиянием в современной ФСН.

Библиографический список

1. Кимелев Ю.А. Философия социальных наук / Ю.А. Кимелев, Н.Л. Полякова // Вестник МГУ. – Сер. 18. Социология и политология. – 2014. – № 1. – С. 20-46.
2. Кукарников Д.Г. Основные концепты современной философии социальных наук // Социосфера. – 2010. – № 4. – С. 14-23.
3. Момджян К.Х. О ситуации в современном обществознании или кризис фрагментации как с ним бороться / К.Х. Момджян // Личность. Культура. Общество. – 2002. – Т. 4. – Вып. 3-4 (13-14). – С. 76-92.
4. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре / Г. Риккерт. – М. : Республика, 1998. – 413 с.
5. Франк С.Л. Духовные основы общества / С. Л. Франк. – М. : Республика, 1992. – 510 с.
6. Шюц А. Формирование понятия и теории в социальных науках // Шюц А. Мир, светящийся смыслом. – М. : РОССПЭН, 2004. – С. 51-68.

СОЦИАЛЬНЫЙ СИМВОЛИЗМ ПРИРОДНЫХ СТИХИЙ

М. Ю. Миронова

*Студентка,
Пензенский государственный
технологический университет,
г. Пенза, Россия*

Summary. The article discusses the main elements that make up the space in the mythological world picture. Lists of their symbolic meanings associated with the specifics of being of different social strata. The conclusion of the projection in the mythological consciousness of space structure on the structure of society.

Keywords: myth; symbol; natural elements; society; social stratification.

В традиционных воззрениях различных этносов природные стихии наделены чрезвычайно широким спектром значений, часть из которых имеет самое непосредственное отношение к социальной реальности.

Воздух, являющийся первым элементом в большинстве мифологических космогонических теорий, самым теснейшим образом связан с духовной сферой жизнедеятельности общества в силу его отождествления с из-

начальным духом – например, андаманским создателем мира Пулугой, олицетворением муссонного ветра; С библейским духом божьим, носившимся над водами перед сотворением мира и др.

Ассоциировавшийся также с дыханием и речью, он обнаруживает некоторые аспекты своего значения в связи с деятельностью различных категорий и разновидностей лиц, чья основная деятельность относилась к сфере духовного. В их магической практике у многих народов использовалось дыхание изо рта ко рту, через бычий или бараний рог и т. п. для изгнания злых духов; древние кельты верили, что дуновение друида способно разрушить вражеские укрепления, обратить врагов в камни и т. п. [5]. С обусловленной дыханием речью, очевидно, связано применявшееся индо-ариями наименование считавшихся творцами ведических гимнов поэтов – риши (rsi), в качестве славянского эквивалента которого предлагается слово «рекущие» [1, с. 245].

Огонь – стихия, относящаяся к солнцу и молниям, несущая свет и тепло, но в то же время грозная и зачастую разрушительная, в социальном аспекте связана с войной и категориями людей, чьим призванием она была, а также тех, кто обладал властью и сопровождающей её силой.

Это было обусловлено тем, что в примитивных и древних культурах огню поклонялись как самому Богу, а позже – как символу божественной силы. Большинство культов огня были предельно кровавы, наиболее яркими примерами чему служат религия ацтеков и ханаанский культ Молоха, включавший жертвенное сожжение детей.

Значительная часть восходящего к незапамятному прошлому ассоциативного ряда, относящегося к огню, имеет тревожный, сопряженный с конфликтностью и насилием, характер. С давних пор огонь с его амбивалентностью, включающей опасный и разрушительный аспект, воспринимается зачастую как орудие кары – например, когда жар солнечных лучей оказывается губительным, словно огонь войны, а пожар, подобно фугаскам и зажигательным бомбам, приводит к панике и обращает в бегство. При толковании сновидений возгорание огня, сопровождающееся дымом, интерпретируется как предзнаменование ссоры, а горящий огонь – как угроза от врагов. К символам огня относятся острое оружие (прежде всего – стрела и копье), а также меч, обозначающий как физическое разрушение, так и решительность духа; свастика; треугольник, опирающийся на своё основание. В геральдике огонь символизирует дух борьбы, схватки, порыв.

Воинственность отличает и богов, олицетворяющих огненную стихию в её различных проявлениях. Так, бог огня в шумеро-семитской мифологии – Мардук характеризуется как «пожигающий врагов пламенем». В Древней Индии огонь был связан не только с интеллектуальным озарением и благотельным теплом, олицетворяемым солнцегомом Сурьей, но выступал и как огонь ярости, символизируя волю к победе воинственного разрушителя, будучи персонифицируем громовержцем Индрой с его атрибутами – небес-

ным огнём, громом и молнией. Как с огнём, так и с ратным делом были связаны у воинственных скандинавов эпохи викингов Один и Тор.

Огонь и пламя – характерные символы сердца, выступающего, согласно традиционным воззрениям, центром эмоций, символизируемых жаром как проявлением огня в противоположность другому, олицетворяющему интеллект, его проявлению – свету [7]. Согласно Платону, именно чувственно-эмоциональные качества, в первую очередь, отличают идеальных стражей – людей той категории, что наиболее пригодны, согласно его учению, осуществлять военно-полицейские функции при наилучшем общественно-политическом устройстве. К таковым этот греческий мыслитель отнёс остроту восприятия, отважность, мужественность, яростность, свирепость, горячность и пылкость [8, с. 165] (отметим, что два последних качества прямо ассоциируются с огнём), а в изначальной сущности людей, пригодных для исполнения функции стражей, имеется примесь золота [8, с. 220] – металла, в наибольшей мере связанного с Солнцем, а значит, и огнём соответствующего типа. Платон усматривал в стражах не только защитников от внешней угрозы и внутреннего беспорядка, но и носителей власти [8, с. 220], при ухудшении качеств которых она из аристократической превращается в тимократическую, т. е. основанную на честолюбии [8, с. 389–390] – качестве, также ассоциируемом с огнём [7].

В целом же власть как один из ассоциируемых с огнём социальных феноменов, получила своё отражение в таких символах данной стихии, как грива льва «царя зверей») и пирамида. С властью и высоким общественным положением огонь соотносился уже в древнеегипетской иероглифике. Политико-правовой аспект данной стихии нашёл своё выражение и в мадеистской (зороастрийской) религии Древнего Ирана, где огонь почитался как воплощение божественной справедливости, арты и символ самого доброго небесного божества, повелителя мира [7]. В древнегреческом мифе о Кадме – основателе Фив, с властью и военной силой ассоциируется одно из главных в мифологии, часто изображаемое огнедышащим, чудовище – дракон [2, с. 183]. В славянской и примыкавшей к ней этнокультурной среде с воинским сословием и властью была связана совокупность родственных лексем, в т. ч. этнонимов и хоронимов, в числе которых «Русь» и «Россия», имевших корни «рус», «рос», их прототипы и эквиваленты, которые маркировали прежде всего такие атрибуты огненной стихии и олицетворявших её божеств, как свет, блеск, красный, рыжий, желтый и белый цвета [3, с. 72–73].

Вода, как и зачастую отождествляемая с нею земля, выступает в мифологии выражением женского начала, а также изначального хаоса. Она символизирует главным образом земное, природное, материальное бытие, в связи с чем даже подчеркивалось отсутствие у неё метафизического значения. Отождествление воды с землёй в ряде случаев олицетворяют соот-

ветствующие мифологические персонажи – иранские Ардвисура Анахита и Арматой, скифская Апи [4], славянские Рожаницы [3, с. 79].

На социальном плане в противоположность огню, соотносимому в контексте присущей традиционному мировоззрению двоичной символической классификации с властью, аристократией, вода соотносится с народом, массами демоса, плебса [3, с. 79]. В связи с этим важно отметить специфическую характеристику воды – её «мягкую», преимущественно созидательную, но способную быть и крайне разрушительной в длительной временной перспективе или же при накоплении некоей критической массы, силу. Ей уделял значительное внимание Лао-цзы, писавший: «Вода имеет выдающуюся способность творить добро. Если на ее пути соорудить дамбу, она останавливается. Если ей проложить путь, она течет по нему. Поэтому говорят, что она не борется. И однако ей нет равных в разрушении того, что сильно и твердо» [Цит. по: 4]. Как бы вторя русской народной мудрости «Терпение и труд всё перетрут» эту особенность воды многие народы осмысливают в образе воды, капля за каплей точащей камень, выражающем идею последовательности, постоянных усилий, способных преодолеть величайшие трудности, возможность достичь неторопливостью и последовательностью того, что недостижимо посредством силы. Близко к этому и значение воды в христианском искусстве, где вода зачастую символизирует смирение [4]. Все эти качества действительно свойственны и необходимы трудящимся массам в их на протяжении значительной части истории различных стран нелёгкой, полной тягот и лишений, жизни, и как правило культивируются для обеспечения их лояльности и управляемости идеологическими и религиозными институтами.

Другая «женская» стихия – земля, – выступает в трёхчастной структуре мифологической Вселенной её центральной частью, населённой людьми, животными и другими существами, чья природа является плотской.

Её соответствие в структуре общества явственно «высвечивается» рядом символических значений данной стихии: земля-кормилица; покровительница плодородия, пахоты, сева; практичность, материализм, противоположность духовному началу; земная мудрость как противоположность небесной мудрости – хитрость, изворотливость, тщеславие, суетность, лукавство [6]. Они характеризуют основную сферу деятельности, а также достоинства и недостатки людей, занятых производством и распределением материальных благ в традиционном обществе – прежде всего крестьян, а также ремесленников и торговцев, тех, кто составлял демократические массы во времена рабовладения и феодализма, а при капитализме дифференцировался на сельский и городской пролетариат и буржуазию. Соответствие этого широкого и разнородного конгломерата демократических слоёв населения вышеназванной стихии закреплено коренящимся в традиционной терминологии именовании в дореволюционной российской историографии народного вечевого самоуправления понятием **«Земля» в про-**

типоволоженность «Власти» как обозначению княжеско-дружинной, аристократической «верхушке» общества средневековой Руси [3, с. 79].

Таким образом, выяснение основных социальных значений чрезвычайно обширного и многообразного символизма природных стихий в различных традиционных культурах свидетельствует о том, что последним было свойственно анагагизировать структуры общества и религиозно-мифологически интерпретированного природного универсума, одним из важных следствий чего являлась легитимация посредством сакрализации иерархического общественного порядка.

Библиографический список

1. Гудзь-Марков А. В. Индоевропейцы Евразии и славяне / А. В. Гудзь-Марков. – М. : Вече, 2014. — 448 с.
2. Дорошин Б. А. Диалектическая триада как алгоритм истории: архаические корни и актуальное значение классических периодизаций // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. Периодическое научное издание. – Пенза : Изд-во Пенз. Гос. Технол. Ун-та., 2013. – № 1(15). – Т. 1. – С. 181–188.
3. Дорошин Б. А. Мифологический аспект семантики хоронима "Россия" как отражение архетипа Самости // Этногенез и ранняя история народов Евразии: материалы международной научно-практической конференции 5–6 апреля 2010 года. – Пенза – Прага: ООО Научно-издательский центр "Социосфера", 2010. – С. 71–82.
4. Вода // Энциклопедия символики и геральдики. URL: <http://www.symbolarium.ru/index.php/%D0%92%D0%BE%D0%B4%D0%B0> (дата обращения: 14.02.2017 г.).
5. Воздух // Энциклопедия символики и геральдики. URL: <http://www.symbolarium.ru/index.php/%D0%92%D0%BE%D0%B7%D0%B4%D1%83%D1%85> (дата обращения: 14.02.2017 г.).
6. Земля // Энциклопедия символики и геральдики. URL: <http://www.symbolarium.ru/index.php/%D0%97%D0%B5%D0%BC%D0%BB%D1%8F> (дата обращения: 14.02.2017 г.).
7. Огонь // Энциклопедия символики и геральдики. URL: <http://www.symbolarium.ru/index.php/%D0%9E%D0%B3%D0%BE%D0%BD%D1%8C,%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%85%D0%B8%D1%8F> (дата обращения: 14.02.2017 г.).
8. Платон. Государство (Пер. А. Н. Егунова) // Платон. Сочинения в четырех томах. Т.3. Ч.1 / Под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса; Пер. с древне- греч. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та; «Изд-во Олега Абышко», 2007. – С. 97–494.

ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ: ЧТО ДАЛЬШЕ?

И. Н. Федулов

*доктор философских наук, профессор,
Волгоградский государственный*

О. Ф. Худобина

*социально-педагогический университет
Кандидат педагогических наук, доцент,
Волгоградский государственный
медицинский университет,
г. Волгоград, Россия*

Summary. There is considered the main criteria of transition between different types of scientific rationality. Authors also try to predict direction of evolution of post non-classical rationality.

Keywords. scientific rationality; epistemology; methodology.

Традиция выделения различных типов научной рациональности берет свое начало еще в работах М. К. Мамардашвили. Он определяет научную рациональность как «вполне определенную онтологию ума, наблюдающего объективные физические явления <...>, знание о которых извлекается и строится в науке» [2, с. 3]. Современные исследователи в области философских и методологических проблем науки выделяют три типа научной рациональности: *классическую, неклассическую и постнеклассическую*. Научной рациональности в целом присущ исторический и конкретный характер, который реализуется и закрепляется в парадигмальных для той или иной области научного исследования представлениях об идеале научного знания и способах его достижения. Любой из указанных типов научной рациональности отличается от общей рациональности более строгой и точной экспликацией всех основных свойств рационального мышления, стремлением к максимально достижимой определенности, точности, доказательности, объективной истинности рационального знания [1]. Однако, на протяжении почти четырёхсотлетней истории существования науки современного типа, ключевые особенности научной рациональности претерпевали заметные изменения, что и послужило впоследствии основанием для выделения указанных типов.

Исторически первый тип научной рациональности получил название «классическая», поскольку представлял собой результат философской рефлексии главным образом над классической наукой XVII–XIX столетий. Термин «классическая наука» призван ассоциировать все отличия науки данного периода от более поздних. Три главных особенности классической науки — ньютоново субстанциональное пространство-время, принципиальный редукционизм и жесткий («лапласовский») детерминизм — и послужили основанием классической рациональности. Классическая парадигма была изначально связана с поисками «правильной» методологии научного исследования, которая должна привести к построению точной

картины природы. Однако главная ее особенность, на наш взгляд, лежит скорее в области эпистемологии. Она заключается в жесткой оппозиции и, что самое характерное, в *асимметрии* отношений субъекта и объекта познания. Последнее отчетливо проявляется в анализе *проблемы наблюдения* в науке. Объект познания способен влиять на субъект, сообщая тому новую информацию о себе, однако субъект убежден, что при желании он может свое влияние на объект сделать пренебрежимо малым. То есть, объект влияет на субъект, а субъект на объект не влияет, выступая в качестве «пассивного наблюдателя». «Проблемы наблюдения» как таковой для классической рациональности не существует в принципе. Сложность и неоднозначность самого акта наблюдения не осознается в классической науке, «наблюдать, не влияя» является для нее самым собою разумеющимся.

«Проблема наблюдения» как таковая появляется лишь в первой половине XX столетия в связи с попытками интерпретации результатов экспериментов с участием микрочастиц. Опыты показали, что к системам микрочастиц неприменимы многие фундаментальные физические понятия и уравнения. Непротиворечивая интерпретация экспериментальных фактов в существующей на тот момент концептуальной системе физики оказалась невозможной и требовала введения совершенно иных концепций. В частности, было наконец осознано, что любое измерение так или иначе связано с взаимодействием между наблюдателем (прибором) и наблюдаемой системой. То есть никакое «незаметное подглядывание» невозможно осуществить в принципе, а «пассивный наблюдатель» является абстракцией, работающей лишь в тех случаях, когда масса наблюдаемой системы сравнительно велика. Таким образом, процесс измерения представляет собой полноценный акт взаимодействия между субъектом и объектом, причем результат этого взаимодействия – неконтролируемое измерение состояния наблюдаемой системы. В доквантовой и квантовой физике измерение отвечает на разные вопросы. В первом случае – каким является состояние системы в текущий момент времени, во втором же – каким оно было в момент, непосредственно предшествующий измерению. Получается, что связь между объектом и субъектом невозможно разорвать в одностороннем порядке, в противном случае мы лишаемся возможности хоть что-то узнать о природе.

Таким образом, неклассический тип рациональности на фундаментальном уровне отвергает *асимметрию* отношения между субъектом и объектом познания, но до некоторой степени все еще оставляет в силе оппозицию субъект-объектных отношений. Субъект еще не готов ассоциировать себя с изучаемым объектом. Ученые, воспитанные в классических традициях, привыкли считать природу простой, а протекающие в ней процессы описывать простейшими (линейными) законами. До определенного момента это работает, пока предсказания теорий не слишком сильно расходятся с действительностью. Поворотным пунктом является открытие яв-

лений самоорганизации в открытых системах, показавшее универсальный характер эволюции, доселе считавшейся специфичной лишь для живой природы. Распространение эволюционных представлений на природу в целом неизбежно приводит к необходимости считать самого наблюдателя ее неотъемлемой частью. Это обстоятельство в свою очередь способствует снятию «субъект-объектной оппозиции». В этом, на наш взгляд, заключается главное онтологическое основание доктрины «постнеклассической рациональности». В современной науке «субъект понимается не как абстрактная мыслительная способность, а как человек, когнитивная способность которого детерминирована его телесной, социальной, коммуникативной природой. Субъект и объект не противостоят друг другу, а дополняют, доопределяют друг друга» [4]. Процесс научного познания все более «очеловечивается», сохраняя тем не менее нормативную преемственность с предшествующими этапами развития науки. Большую роль в оценке обществом результатов научных исследований играют экологические и этические экспертизы. Активно обсуждается необходимость создания различного рода «этических кодексов» для ученых, инженеров и пр. Необратимо трансформируется идея «ценностно нейтрального исследования». Объективно истинное объяснение и понимание применительно к «человекомерным» объектам (медико-биологическим объектам, объектам экологии, объектам биотехнологии, системам человек-машина) не только допускают, но и предполагают включение аксиологических факторов в состав объясняющих положений. Сами исследования все чаще становятся *междисциплинарными*, объединяющими специалистов из подчас далеких друг от друга областей научного знания.

Итак, в постнеклассической науке идея неразрывного единства субъекта и объекта познания и эволюционные представления сливаются в общую картину глобального эволюционизма. В данной связи возникает справедливый вопрос о перспективах данного процесса. Что может быть дальше, есть ли куда эволюционировать самой научной рациональности и во что она может трансформироваться? Однозначного ответа на данный вопрос сегодня дать невозможно, однако, анализируя явные на сегодня тенденции, можно попытаться спрогнозировать очередной этап этого процесса. Очевидно, что сложившиеся на предыдущих этапах тенденции получают свое дальнейшее развитие. Прежде всего это относится к взаимопроникновению субъекта и объекта познания вплоть до их тождественного совпадения. С этой позиции процесс познания природы можно трактовать как *процесс самопознания*, в котором субъект (человек) играет роль главного (единственного?) инструмента. Методологическим основанием такого подхода служит *синергическая парадигма*, утверждающая идею самоорганизации и непрерывного, нескончаемого развития как природы в целом, так и когнитивных структур. Следующая важная особенность «рациональности будущего» – объединение альтернативных форм видения мира. Язык

науки, играющий главную роль в познании, в том виде, в котором мы его знаем, плохо приспособлен для передачи виртуальных смыслов, придаваемых вещам человеком. Поэтому можно ожидать появления у формализованного языка науки средств *символического описания реальности*, что уже сейчас можно наблюдать в социально-гуманитарном знании. Е. Я. Режабек называет возникающую в культуре XXI века новую рациональность *диспутационно-диалогической*, подчеркивая, что она «способна не закрывать дорогу возвратной причинности, не перекрывать каналы интуитивным прозрением, ценностному видению мира» [3, с. 180]. Это рациональность, в которой формальный язык науки и символический язык интуитивного и ценностного постижения реальности взаимодополняют друг друга, создавая качественно новую картину мира, несводимую к существовавшим ранее.

Библиографический список

1. Лебедев С.А. Философия науки: Словарь основных терминов. – М.: Академический Проект, 2004. – 320 с. (Серия «Gaudeamus»).
2. Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. Изд-е второе. Под ред. Ю.П. Сенокосова. – М., Изд-во «Лабиринт», 1994 г.
3. Режабек Е.Я. Гетерогенность сознания как «несущая конструкция» рациональности нового типа // Режабек Е.Я. В поисках рациональности (статьи разных лет) / Е.Я. Режабек. – М.: Академический Проект, 2007. – 383 с. – (Gaudeamus). С. 170–182.
4. Черникова И.В. Трансдисциплинарные методологии и технологии современной науки. // Вопросы философии. № 4. 2015. Электронный ресурс: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1139

III. VALUES IN THE STRUCTURES OF SOCIAL SPACE

КРИТЕРИИ И МЕТОДЫ ОЦЕНКИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КЛИМАТА В ОРГАНИЗАЦИИ

Е. А. Антошкина
А. В. Сидоренко

*Кандидат философских наук, доцент,
студент,
Брянский институт
управления и бизнеса,
г. Брянск, Россия*

Summary. The article reveals the structure of socio-psychological climate of collective, due to the combined circumstances of team building, which is implemented through the relationship between its members and characterized as a component of synthesis of social and interpersonal relations.

Keywords: assessment criteria; methods; socio-psychological climate; organization.

Существенный вопрос при изучении социально-психологического климата стоит в выявлении факторов, которые его формируют. Наиболее значимыми детерминантами благоприятного психологического климата любого коллектива являются личность руководителя и система подбора и расстановки административных кадров. Чтобы иметь влияние на подчиненных, менеджер должен выработать личный стиль лидерства и методы руководства. Также важны авторитет руководителя и личностные особенности каждого члена группы [17, с. 162].

Руководитель оказывает влияние практически на все факторы, определяющие социально-психологический климат. От него зависит подбор кадров, поощрение и наказание членов коллектива, продвижение их по службе, организация труда работников [1; 10].

Структура социально-психологического климата коллектива объясняется совокупными обстоятельствами, построение команды осуществляется через отношения между ее членами и может быть охарактеризовано как компонент синтеза социальных и межличностных отношений. С помощью социальных отношений раскрывается социальное содержание личных отношений людей в коллективе. Это производственные, политические, правовые, этические и эстетические отношения. Межличностные отношения – это организационно-технологические взаимодействия, вытекающие из статуса сотрудника и его роли, соблюдение административных и психологических взаимодействий, эмоциональные и логические связи. Они возникают на основе предметно-практической деятельности коллектива и производства технических, организационных, управленческих и

других обстоятельств межличностных отношений в группе. Целостность социальных и межличностных отношений проявляется в виде взаимоотношений людей (сотрудничества, соревнования, сплоченности, совместимости, дружбы, согласия), а также качества, связанные с психологическими особенностями общения людей в коллективе [21].

Сущность любого человека проявляется только в отношениях с другими людьми и в конфигурации коллективного взаимодействия, в процессах общения. Через отношения человек воспринимает свою социальную ценность. Таким образом, самооценка выступает в качестве эффекта группы как одна из форм проявления социально-психологического климата. Оценка собственного положения в системе общественных отношений и личных отношений есть чувство большей или меньшей удовлетворенности собой и другими [7].

Для изучения психологического климата в организации, в которой приходят новые люди, часто используется метод социографии, описанный в книге Ларисы Бирман. Суть этого метода заключается в том, что каждому члену исходной группы, где все уже достаточно хорошо знакомы друг с другом, предлагается выбрать двух человек, с которыми он в основном хотел иметь возможность выполнить предлагаемую работу, или, наоборот, старался избегать их общества. Это позволяет определить, во-первых, лиц, готовых к сотрудничеству (они и составят основу коллектива будущего подразделения); во-вторых, людей, которые дали наибольшее число голосов (потенциального руководителя); в-третьих, «изгоев», которых не следует включать в команду. Существует также возможность построить матрицу отношения, когда каждому члену коллектива предлагаются оценить свое отношение к другим: - 1 (минус), 0 (равно), +1 (положительная). Затем оценки обобщаются в таблице [15; 22].

Однако у этих методов исследования психологического климата (социографического и построения матрицы предпочтений) существуют свои подводные камни, а именно, в случае утечки конфиденциальной информации коллектив может быть расколот конфликтом, а во-вторых, лидер опроса – не самый подходящий с точки зрения интересов дела, а самый популярный человек (неофициальные, не формальный лидер) [15].

Тогда все зависит от лидера, насколько успешно он сможет установить комфортный психологический климат в коллективе на основе полученных данных. Но, несмотря на отсутствие стопроцентно работающих рецептов, существуют определенные условия, которые способствуют созданию комфортного психологического климата в организации [1; 3].

По определению комфортного психологического климата мы помним, что все участники производственного процесса должны быть удовлетворены своим положением в команде и обращаться с командой, как мать. Однако они не обязательно должны быть друзьями. Первое и главное условие комфортного психологического климата – все члены команды заняты инте-

ресным делом для себя, понимая, что обеспечить каждому полное удовлетворение его потребностей, в полной мере не возможно. Второе условие – четкое понимание общих целей организации, ее место в достижении цели. Третье условие – четкая иерархия персонала, с указанием зоны ответственности, компетенции не должны дублироваться, а взаимно дополняться. Поток информации и стандартов, по которым оценивается качество работы, должен быть четко определен. Четвертое условие – для команды должна быть нормальной ситуация, при которой каждое мнение имеет право на звучание, воспринимается с уважением [8; 20].

Наконец, последним условием для достижения комфортного психологического климата в коллективе выступает деловой этикет. Нормы поведения должны быть одинаковы для всех, от дворника до президента компании. В таких условиях создается атмосфера демократии и вовлечение всех отдельных членов коллектива, что крайне важно [9; 12; 16].

Проанализировав сущность, факторы, влияние на управление поведением работников в организации, условия создания комфортного психологического климата, мы хотели бы сосредоточить внимание на том важном аспекте проблемы, с которыми сталкиваются руководители при создании комфортного психологического климата.

Для создания комфортного психологического климата в коллективе, менеджер должен быть способен урегулировать конфликт. Понятие психологического климата связано с понятием конфликта, которые по сути и воздействию делятся на 2 типа: конструктивные (функциональные) и деструктивные (дисфункциональные). Конструктивный конфликт разрешается путем нахождения точек соприкосновения, что служит основой для дальнейших действий обеих сторон. Он формируется на основе постепенного сближения, признания приоритета общих интересов перед частными, или путем компромисса, создает основу для сотрудничества [7; 14].

Деструктивный конфликт возникает, когда позиции сторон не могут быть согласованы, он наносит ущерб организации, поскольку энергия коллектива не направлена на объединение усилий и борьбы. Причинами разрушительного конфликта может выступать объективная конфликтная ситуация в результате неблагоприятных факторов внешней или внутренней среды. Это может быть низкая квалификация руководителя, авторитарность, неправильный выбор членов команды для психологической характеристики и т. д. [15].

Обязательное условие разрешения конфликта – устранение объективных причин для его возникновения. Конфликт должен быть урегулирован не только рациональными, но и эмоциональными средствами. В сплоченной команде любая конфликтная ситуация будет преодолена; при отсутствии конфликтных ситуаций небольшие частные случаи будут решены доброжелательностью персонала [21].

Комфортный психологический климат создается и поддерживается непрерывными, целенаправленными и квалифицированными действиями всего персонала [14].

Обобщить теоретический обзор научной литературы по проблеме исследования, мы отмечаем, что комфортный психологический климат-это среда в организации, которая позволяет людям получать удовольствие от работы, что сегодня является одним из самых важных условий для получения максимальной отдачи команды и тем самым получить постоянное конкурентное преимущество. Наиболее важной характеристикой комфортного психологического климата является сплоченность коллектива, под которой понимается готовность и способность команды преодолеть проблемы за счет совместного действия всех его членов.

Наиболее эффективным методом достижения сплоченности коллектива выступает необходимость выработки гибкого, индивидуального подхода к сотрудникам, формирование принципов работы команды. Также руководитель должен быть в формировании первичной группы используют различные методы социографическим (социограмма, матрица предпочтений).

Продолжить работу по созданию и поддержанию комфортного психологического климата зависит от умения руководителей всех уровней, особенно высших чиновников, их понимание важности этого аспекта производства. Убедившись, что все основы комфортного психологического климата наблюдается, руководителю следует обратить внимание на неразрывную связь между состоянием психологического климата и содержания корпоративной культуры.

Библиографический список

1. Андреева Г.А. Социальная психология / А.Г.Андреев. - М.: Аспект Пресс, 1996. – 436 с.
2. Андриенко Е.В. Социальная психология: Учебное пособие для студентов высших пед. Тез.докл.учреждений / изд. В.А. Сластенин. – М.: Издательский центр "Академия", 2002. – 264 с.
3. Бирман Л.А. Общий менеджмент / Л.А. Бирман. - Москва, изд. "Дело" 2008.
4. Виханский О.С. Менеджмент / О.С. Виханский, А.И. Наумов. - Москва: Экономист, 2006.
5. Гришина Н. В. Психология конфликта / Н.В. Гришина. – СПб.: Питер 2006. – 564 с.
6. Гришина Н.В. Я и другие: общение в трудовом коллективе / Н. В.Гришина. – СПб.: Питер 2008. – 486 с.
7. Гришина Н.В. Психология социальных ситуаций / Н. В. Гришина // Вопросы психологии. – 2007. - Постановление № 1. – С. 121-132.
8. Донцов А.И. Психология коллектива / А.И. Донцов. - М.: Изд-во Моск. Университет пресс, 2004. – 248 с.
9. Егоршин А.П. Управление персоналом / А.П. Егоршин. - Н. Новг.: Издатель ХАЛО 2009. – 432 с.
10. Зизилев А.В. Руководитель команды / А.В. Зизилев. - Ставрополь, 2011.
11. Захарова Л.Н. Личностные особенности, стили поведения и профессионального самоопределения / Л.Н. Захарова // Вопросы психологии. - 1991. - Дело № 2. - С. 60.

12. Куницына В.Н. Трудности межличностного общения: Автореф.дис....д-ра психол.наук. наук / В. Н. Куницына. – СПб. 2011.
13. Мескон М. Основы менеджмента / М. Мескон, М. Альберт, Ф. Хедоури. - М.: Дело, 2012.
14. Нордстрем К. Бизнес в стиле фанк / К. Нордстрем, Й. Риддерстрале. - СПб. 2012.
15. Петровский А.В. Основы теоретической психологии / А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский. – М.: ИНФРА-М, 1998 // webmaster@psylib.kiev.ua
16. Питик Н.В. Социально-психологический климат в коллективе как ресурс стабильности предприятия / Н.В.Питик // <http://www.trening27.ru>
17. Платонов Ю.П. Психология коллективной деятельности: Теоретико-методологический аспект / Ю.С. Платонова. - СПб: речь, Издательство 2008. – 368 с.
18. Практическая психология для менеджеров / изд. под М.К. Тутушкиной. - М.: Информационно-Издательский дом "ФИЛИНЪ", 2006. – 284 с.
19. Радина Н.К. Социальная психология / Н. В.Радина. – Нижний Новгород: Нижегородский Институт менеджмента и бизнеса-2008. – 187 с.
20. Райзберг Б.А. Психология в экономике и управлении / Б.А. Райзберг. – М.: Московский психолого-социальный институт 2005. – 552 с.
21. Розанова В.А. Психология управленческой деятельности / В.А. Розанова. – М.: Издательство "Экзамен", 2003. – 414 с.
22. Социальная психология: ключевые идеи / Р. Бэрн, Д. Бирн, Б. Джонсон. - 4-е изд. - СПб.: Питер, 2003. – 512 с.: Ил. (Серия "мастера психологии").
23. Чалдини Р. Социальная психология. Пойми себя, чтобы понять других! / Р. Чалдини, Нейберг С. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2002. – 336 с.
24. Ягер Дж. Деловой этикет. Как выжить и преуспеть в мире бизнеса / Дж. Ягер / транс. с английского. - М., 2004. – 284 с.

ЗНАЧЕНИЕ ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Г. В. Валеева

*Кандидат философских наук, доцент,
Тульский государственный
педагогический университет
им. Л. Н. Толстого,
г. Тула, Россия*

Summary. The peculiarity of the values of Russian society is the primacy of the spiritual over the material. These spiritual values as unity, religion, truth, service to the homeland, justice, freedom, etc., established through a thousand years of history, are traditional for the Russian people. One of the tasks of the state is to strengthen the spiritual foundations of society, by following the traditional, spiritual values, spiritual enrichment of the individual and the formation of national identity.

Keywords: spiritual values; system of values; Russian society; Russian culture; state; the spiritual basis.

Социально-экономические и политические преобразования, которые сегодня преобладают в российском обществе, свидетельствуют о том, что происходит смена идеалов. Доминирующими становятся личное благопо-

лучие, карьерные достижения и т. д., тогда как духовные ценности уходят на второй план. Духовная сфера современного российского общества пребывает в состоянии кризиса, который является одной из причин глобальных проблем современной действительности, «дальнейшее развитие которых представляет угрозу для дальнейшего существования и развития цивилизации» [3]. Таким образом, современные преобразования влекут за собой трансформацию системы ценностей: каковы ценностные предпочтения личности, таково и мировоззрение общества в целом.

Ценность, в широком смысле – «сложившаяся в условиях цивилизации и переживаемая людьми форма их отношения к общезначимым образцам культуры и к тем предельным возможностям, от осознания которых зависит способность каждого индивида проектировать будущее и сохранять в памяти прошлое» [2, с. 88]. Содержание данного понятия крайне изменчиво, так как в процессе социального и культурного развития характер отношения человека к окружающей действительности меняется. Следовательно, различные исторические эпохи «накладывают свой отпечаток» на понимание сущности ценности. «Современное российское общество ориентировано на ценностные предпочтения, которые связаны с развитием рыночных отношений, с экономической и политической ситуацией, с усложнением отношений между людьми. А в качестве мировоззренческого ориентира человек выбирает благо личности как высшей цели» [1, с. 38]. Однако неоспоримым фактом остается то обстоятельство, что специфической чертой ценностей русской культуры является преобладание духовного над материальным. Таким образом, можно отметить следующие ценности, сложившиеся благодаря тысячелетней истории и ставшие традиционными для российского общества: «мировоззренческие ценности: представления о цели и смысле жизни, религиозная вера, совесть и достоинство; общественные ценности: патриотизм, гражданская ответственность, служение Родине, чувство долга и общественное признание; жизненные ценности, среди которых приоритетными являются отношение к родителям и детям, своей семье; ценности межличностного общения, такие, как любовь, дружба, честность, порядочность, гостеприимство» [3]. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации (на период до 2025 года), предполагает опору государства на систему духовных ценностей, установившихся в процессе социального и культурного развития страны. Так, в документе отмечаются такие духовные ценности как: «справедливость, честь, совесть, воля, достоинство, стремление к исполнению нравственного долга перед самим собой, своей семьей и своим Отечеством» [5]. Так же, глава государства, на заседании Валдайского форума, отметил: «Необходимо обеспечить суверенитет духовного пространства Российской Федерации... Наше движение вперед невозможно без духовного, культурного, национального самоопределения. Иначе мы не сможем противостоять внешним и внутренним вызовам, не сможем добиться успеха в условиях

глобальной конкуренции...» [4]. Таким образом, одним из необходимых условий для становления национальной идентичности российского общества является следование традиционным духовным ценностям.

Библиографический список

1. Валеева Г.В. Нравственные ценности «добро» и «зло» в контексте современного российского общества// Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 6. Ч. 1., 2015. С.36-38.
2. Кемерова В. Е. Современный философский словарь. - М.: Академический проект, 2004. – 864 с.
3. Колин К.К. Духовная культура как стратегический фактор обеспечения национальной и международной безопасности. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://refdb.ru/look/1704020.html> (дата обращения: 19.02.2017).
4. Основы государственной культурной политики. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://rbcdaily.ru/economy/562949988967150> (дата обращения: 19.02.2017).
5. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.rg.ru/2015/06/08/vospitanie-dok.html> (дата обращения: 19.02.2017)

ОБ АКСИОМАТИЧЕСКИХ ПРИНЦИПАХ ОБЩЕСТВА

О. Б. Воробьева

*Кандидат философских наук, доцент,
Самарский государственный
университет путей сообщения,
г. Самара, Россия*

Summary. The Golden rule gives the complete idea of morality, mainly which is related to the other person as yourself. Starting with the original thinkers of the Ancient East and antiquity to the philosophers of our time the Golden rule of morality, changing different wording, has retained its essence-that is, requiring the individual to put yourself in the place of another.

Keywords: morality; humanity; the categorical imperative.

Одним из аксиоматических принципов общества выступает золотое правило нравственности. Оно упоминается уже в древнеиндийской «Махабхарате» у мудреца Бхишмы и в учении Будды. Конфуций, разъясняя ученику смысл человечности («жэнь»), говорит: «Не делай человеку того, чего не желаешь себе» (Лунь Юй, XV, 24) [8, с. 79].

Античность формулирует нормы нравственности мудростью Питтака, Фалеса, Аристотеля, Сенеки [1, с. 78]. Так, Аристотель на вопрос, как вести себя с друзьями, сказал: «Так, как хотелось бы, чтобы они вели себя с нами» [2, с. 69]. Древнеримский философ Сенека сформулировал золотое правило в таком виде: «...вот общая суть моих советов: обходишь со стоя-

щими ниже так, как ты хотел бы, чтобы с тобою обращались стоящие выше» [3, с. 19].

В Евангелиях принцип нравственности признается важнейшей заповедью: «Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить» (Евангелие от Матфея 7, 1-2), «Не судите, и не будете судимы; не осуждайте, и не будете осуждены; прощайте, и прощены будете; давайте, и дастся вам: мерою доброю, утрясенною, нагнетенною и переполненною отсыплют вам в лоно ваше; ибо, какою мерою мерите, такою же отмерится и вам» (Евангелие от Луки 6, 37-38).

В Новое время Т. Гоббс рассматривает золотое правило не только как основу морали, а более широко – как основу морали и права, основу здоровья общества. Для Т. Гоббса золотое правило – «закон всех людей» [4, с. 99], «закон, объемлющий все прочие законы» [5, с. 323], правило, с помощью которого «можно понять, противоречит или нет закону природы чье-либо намерение» [4, с. 99], правило, в котором «резюмированы» естественные законы» [4, с. 122].

По Дж. Локку золотое правило – «самое непоколебимое нравственное правило и основа всякой общественной добродетели» [7, с. 117], «великий принцип нравственности – «поступать с другими так, как хочешь, чтобы другие поступали с тобою» [7, с. 119]. Оба философа считают это правило естественным продолжением нормального отношения человека к самому себе. Нарушение правила «было бы безумием и противно интересу, которым люди жертвуют, когда они сами поступают вопреки этому /правилу/» [7, с. 119].

Как категорический императив (требование, закон) золотое правило нравственности формулируется И. Кантом: «Поступай так, чтобы максима твоего поступка могла стать всеобщим законом» [6, с. 323] или «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству»; «Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом, так как будто бы максима твоего действия по твоей воле должна сделаться всеобщим законом природы» [6, с. 260].

Люди руководствуются золотым правилом нравственности благодаря чувствам совести и сострадания – считает русский философ В. С. Соловьев. Совесть говорит: не делай другим того, чего не желаешь себе, т. е. не делай зла. Сострадание побуждает оказывать помощь страждущим, поступать с ними так, как хочешь, чтобы поступали с тобой в аналогичной ситуации.

Золотое правило нравственности имеет две формы своего прочтения. В своей отрицательной форме: не делай другим того, чего не хотел бы, чтобы делали тебе, золотое правило устанавливает нижний предел шкалы

морального отношения человека к другим людям, то есть устанавливает минимум нравственных требований к поведению человека.

В своей положительной форме: поступай с другими так, как хотел бы, чтобы поступали с тобой, оно устанавливает максимально высокую планку морального отношения человека к другим людям, то есть определяет максимум нравственных требований к поведению человека.

Таким образом, золотое правило охватывает весь диапазон нравственных поступков и служит основой для определения моральных категорий добра и зла. Оно устанавливает определенный баланс интересов, предлагает человеку мерить своей меркой поступки других и, наоборот, мерить чужой меркой свои поступки.

Библиографический список

1. Белякова О.Б. Золотое правило нравственности как главный принцип человеческого общежития // Наука и культура России: Материалы III Международной научно-практической конференции. 2006. С.78-79.
2. Воробьева О.Б. Проблема происхождения морали. Античная философия // Наука и культура России: Материалы VIII Международной научно-практической конференции. 2011. С. 68-70.
3. Воробьева О.Б. Философия позднеантичного мира: этико-религиозный аспект // Система ценностей современного общества. 2010. № 12. С. 18-21.
4. Гоббс Т. Соч. в 2-х томах. Т. 2. М.: Мысль, 1991. – 736 с.
5. Гоббс Т. Соч. в 2-х томах. Т. 1. М.: Мысль, 1989. – 627 с.
6. Кант И. Соч. в 6-ти томах. Т. 4. Ч. 2. М.: Мысль, 1965. – 478 с.
7. Локк Дж. Соч. в 3-х томах. Т. 1. М.: Мысль, 1988. – 668 с.
8. Переломов Л.С. Слово Конфуция. М.: Фабула, 1992. – 192 с.

IV. PHILOSOPHIC PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF MODERN SPIRITUAL CULTURE

КОГНИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕМПОРАЛЬНОГО ПОДХОДА В ТИПОЛОГИЗАЦИИ КУЛЬТУРЫ

Е. Н. Богатырева

*Доцент,
Саратовский национальный
исследовательский государственный
университет им. Н. Г. Чернышевского,
г. Саратов, Россия*

Summary. The article investigates the cognitive capabilities of the temporal approach to the history of culture, it analyzes the difference between the historical tempochirality of temporality culturological. Recognition asynchronous historical and cultural processes is the basis for a application temporal approach procedures, typology of culture.

Key words: culture time , a temporal approach , the type of culture , typology method.

Типологизация культуры, как теоретическая проблема, рефлексировалась как одна из важнейших задач, в процессе становлении наук о культуре. Понимание того, что объект исследования – культура, постоянно изменяется, осуществляется в различных формах, осложняет задачу исследователя, не позволяет выстроить раз и навсегда единую систему. Причина схематической незавершенности объясняется тем, что философия культуры, теоретическая культурология стремятся открыть во всех проявлениях культуры общие свойства, упорядочить культурное многообразие, обозначить уникальное и единичное, типичное и неповторимое, что, по сути, является невыполнимым, учитывая специфику объекта исследования.

Эмпиричная практика показывает, что типологизация возможна только на теоретическом уровне исследования, поскольку выделение общих и существенных свойств явлений, как правило, сопровождается построением идеальной, абстрактной модели культуры. По определению М. Вебера, тип изначально является идеальным типом, сугубо теоретическим построением, одним из примеров идеализации, которые создаются наукой для описания мира, но, в самом мире они отсутствуют [1, с. 87]. Тип, как эмпирическая модель, всегда шире и сложнее, по своему содержанию. Его невозможно найти в чистом виде. Вместе с тем, реальные явления культуры нельзя понять и объяснить, если их не отнести к определенному типу.

В гуманитарных науках типология культур разрабатывается в нескольких направлениях и опирается на методологию отраслевого потенциала: исторического, социологического, культурологического, лингвистиче-

ского, искусствоведческого и т. д. Именно поэтому, ответ на вопрос о типе культуры, границах ее бытия, средствах и характере перехода от одного типа культуры к другому, неоднозначен в многочисленных исследовательских выводах. Сложность формулирования алгоритма единого метода типологизации состоит в том, что исследователь культуры может выстраивать схему типологии произвольно, выбирая за основу любой из элементов культуры (способ производства, ментальность, тип мышления, картину мира, религиозность и т. д.). Любой из выбранных элементов имеет познавательную значимость, ибо в культуре нет ничего второстепенного. Как правило, практика исследования показывает, что наиболее остро процедурные проблемы типологизации проявляются тогда, когда внимание обращено к неоднородным, инвариантным, разрозненным по своей структуре и организации системным объектам, в которых необходимо определить характер взаимосвязей, принципы упорядоченности, для того, чтобы в итоге дать наиболее подробное описание. В каждом случае понятие «тип» выдвигается, как базовое методологическое средство, с помощью которого и выстраивается некая теоретическая модель, на примере которой можно представить, проиллюстрировать объективно конкретное, историческое бытие культуры, в виде идеально целостной гармоничной системы, при этом, указав на ее собственные внутренние механизмы функционирования, устойчивости и развития.

Ретроспективный взгляд на проблему типологизации, позволяет обозначить перечень используемых принципов в аналитической систематизации.

Исторический принцип типологии культуры является самым древним в системе рационального знания. Познание окружающего мира, его инаковости, рефлексия на оппозицию «свой – чужой» инициировали потребность уяснения сходства и различия Своей культуры с культурой Другого. Описание и первые попытки исторического анализа есть в сочинениях Фукидида, Геродота и Тацита, Цицерона и Константина Багрянородного, Павла Диакона и Беды Достопочтенного, Нестора и многих других древних авторов. Хронологическое выстраивание событийного исторического ряда, всегда опирается на некую точку отсчета (сакральную дату, дату начала, основания династии, рождения или смерти героя, астрономического явления и т. д.). Исторический принцип типологии органически связан с необходимостью периодизации событий и явлений, он проецирует линейную схему в реконструкции мирового исторического процесса.

Развитие собственно исторического познания обозначило теоретическую проблему временной типологизации. В среде историков была обозначена проблема недостаточности инструментария в исторической хронологии. Именно историки, впервые обратили внимание на асинхронность исторических и культурных процессов, нетождественность исторического фактического материала и культурно-событийного. Признание нетожде-

ственности (асинхронности), обозначило необходимость решения новой познавательной задачи. Ее решение подтолкнуло исследователей к комплексному анализу конкретно исторического и когнитивного культурного, что и привело к появлению философии времени, теоретического направления в философском знании, содержание которого сосредоточилось на изучении темпоральных особенностей и характеристик онто-гносологического многообразия культуры. Последнее позволило культурологам разрабатывать культурно-исторический типологический принцип, использование которого позволяет представить культуру как особую ступень в ее историческо-культурном развитии, проанализировать в сопоставлении другими историческими типами, рассмотреть ее стилевые границы, структурированные пространства вне жесткой привязанности к исторической хронологии.

На недостаточность сугубо исторического подхода в исследовании культурных явлений и феноменов указывал Г. Зиммель. Единство исторического содержания есть форма жизни. «Заполнение пустот» исторического ряда событий происходит посредством «идеи живого»: «Но полученная таким образом картина жизни лежит на другом, *более абстрактном теоретико-познавательном уровне (курсив наш)*, чем единичные элементы, которые еще должны быть подняты из своей описательной конкретности» [2, с. 526]. Исторические события – «исторические атомы», взятые в отдельности обладают «малым квантом смысла», однако они имеют значение в «точности познания вещей, как они действительно были» [2, с. 527]. «Пустоты» должны быть заполнены «идеей живого» или «квантом смысла». Анализ «квантов смысла» и заполнение «пустот» – задача более высокого теоретико-познавательного ряда, уровня культурфилософии. Именно на этом уровне формулируется временный образ длительности «суммы событийного ряда», который должен пройти через мыслительную процедуру понимания.

Временный образ длительности являет исследователю «духовную форму исторического». На наш взгляд «духовная форма исторического» Г. Зиммеля и есть базовое когнитивное понятие, с помощью которого и выстраивается некая теоретическая парадигма изучения культуры, как некоего типа и как процесса. Согласно Г. Зиммелю, история сосредоточена на анализе «частного в форме события», но этот анализ не может отразить всю «энергию жизни», разворачивающуюся в большом числе культурных форм. Определение культуры Г. Зиммеля не является номинально единым: «Каждый, кто говорит о культуре, должен ограничить для своих целей многозначность этого понятия. Я понимаю под культурой, то совершенство души, которого она достигает не непосредственно сама, как это происходит в религиозном чувстве, в нравственной чистоте, в творчестве, обходным путем через образования духовно-исторической деятельности рода: путь субъективного духа в культуру идет через науку и формы жизни, через искусство и государство, профессию и знание мира...» [2, с. 489].

В российских гуманитарных науках типологическое изучение культуры, в том числе, и с точки зрения темпорального подхода, долгое время было на периферии научных исследований. Господство формационного подхода в изучении культуры ограничивало свободу методологического выбора для исследователей. Сегодня, в начале XXI века, ситуация изменилась. В.С. Степин пишет: «*Основания культуры определяют тип общества на каждой конкретной стадии его исторического развития, они составляют мировоззрение соответствующей исторической эпохи (курсив наш)*» [3, с. 269].

В монографии И. М. Савельевой, А.В. Полетаева уточняется: «Гуманисты ввели в методологию истории разграничение далекого и близкого прошлого, в свою очередь отделенного от настоящего. Настоящее трактовалось не как пролонгация непосредственно предшествующего, а как возобновление далекого прошлого (вспомним письма Петрарки к Ливию, Цицерону и другим как к своим современникам). Ренессанс воспринимался как возвращение к античности, а Средневековье осмысливалось как провал в развитии европейской цивилизации, лишившейся на много веков истинной литературы, искусства, философии. (Эти представления во многом не преодолены и сегодня!) При этом люди Возрождения считали свое время в лучшем случае приближающимся к эпохе античности, но никак не превосходящим ее» [4, с. 199]. И хотя, отличие и несхожесть культур были признаны еще в древности, со времен Геродота и Гомера, гуманисты впервые демонстрируют темпоральное видение событий прошлого и настоящего, их качественное различие, достоинства и недостатки не только героев, но и целых эпох.

Осознание и понимание исторических и культурных границ, относительности и неуниверсальности культурных явлений, позволяют обратиться к проблематике типологии времени культуры. М. М. Бахтин подчеркивал: «культура всегда лежит на границах» [5] с другими культурами и эпохами, они отличаются друг от друга и всегда есть маркеры, «пустоты», переходные эпохи, которые наличествуют о конце и начале, исчезновении и появлении нового.

Темпоральность культуры, и в этом ее первое принципиальное отличие от темпоральности исторической, оперирует диалектическим временем – временем-процессом и временем-результатом. Иными словами, время культуры концептуально. Его развитие воспринимается как развитие идеи, наличие мировоззрения, сформулированная картина мира, повседневные практики, то есть того, что не укладывается в фактическое и событийное повествование истории, того, что не подлежит строгой хронологизации.

Итак, уточним различие исторической и историко-культурной типологии. Историческая типология конкретна датами и фиксацией событий.

Историко-культурная типология относительна в рамках исторических границ. Сам язык указывает на эту относительность. Мы можем сказать: «В 476 г. история античности завершилась, началась эпоха средневековой истории», но мы не можем сказать: «В 476 г. античная культура прекратила свое существование». Характеристика «упадка» или «возрождения» сопряжена с оценкой культуры, но не истории. Советский период российской истории завершился подписанием межгосударственных договорных документов в Беловежской пуще. Но, советская культура продолжает свое существование и ныне. Был найден термин, фиксирующий длительность во времени советской культуры – «постсоветская культура». Его активное употребление свидетельствует о том, бытийность советской культуры перешагнула исторические границы советской эпохи.

Рациональные мотивации культурно-исторической типологии в каждой конкретной теоретической конструкции являют особый пример собственно культурной эволюции, эволюции отличной от исторической. Исторический принцип в культурно-исторической типологии позволяет обозначить хронологическую ретроспективу, охватить бытие культуры в историческом прошлом. Прошлое само по себе есть история, а хронологический принцип основа исторического познания.

Культурно-исторический типологический метод позволяет представить культуру как особую ступень в ее историческом развитии, проанализировать в сопоставлении исторические типы культуры. Сравнительно-исторический метод, посредством которого устанавливается общее и особенное культурных явлений, присущих различным историческим эпохам и социальным системам позволяет исследовать как культурные универсалии, так и неуниверсальность, локальность, неповторимость культуры. В процессе типологизации, как правило, выделяются существенные признаки, в соответствии с которыми осуществляется распределение и упорядочение культурно-исторического материала.

Время культуры, в контексте тепорального подхода, выражает не последовательно событийное, описанное и интерпретированное знание и суждение, не фиксированное, пространственно-временное свидетельство о прошлом, оно содержит реальное и идеальное типовое обобщение. Содержательно фокусирует в себе некие качественные процессы и изменения гораздо более высокого порядка, того, что связано нарративностью культуры, с ее многообразием всеобщности и субъективности.

Библиографический список

1. Вебер М. Избранные произведения: пер. с нем. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
2. Зиммель Г. Избранное. В 2 т.: Проблема исторического времени. Т.1. М.: Юрист, 1996. – 671 с.
3. Степин В. С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М., 2000. – 676 с.

4. Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. В поисках утраченного. – М.: «Языки русской культуры», 1997. – 800 с.
5. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. – М.: Худож. лит., 1990. – 545 с.

ЧЕЛОВЕК, ЯВИВШИЙСЯ МНЕ ВО СНЕ

И. И. Вьюжанина

*Студентка,
Новосибирский государственный
университет экономики
и управления «НИНХ»,
г. Новосибирск, Россия*

Summary. This article is written in a form of a fairytale which imaginably happened with a young newsman in her dream the sense of which was a meditation about the variants of a human' pride.

Keywords: pride; fantastic dream; meditation.

Он шел, задумавшись, перебирая конверт руками, вероятно, чтобы успокоить себя. Его напряжение передалось мне, как будто между нами существовала какая-то невидимая ниточка связи. Он подходил все ближе и ближе ко мне, при этом энергично жестикулируя руками. И вдруг резко остановился, стал всматриваться в мои черты, словно пытался вспомнить что-то или кого-то. А я смотрела на него и не могла понять, как в человеке может быть все настолько прекрасно. Казалось, что все происходит не со мной. Неожиданно я поняла, что это происходит не в реальности, а во сне, из которого я не в силах выбраться. Могу сказать с уверенностью, этот человек очаровал меня. Его черты лица, изгибы тела, мимика и жесты – всё было великолепно в нем. Первое, что привлекло мое внимание, это были огромные нечеловечески сияющие глаза. Их золотисто-карий цвет напоминал отблески осеннего заката, такого теплого и бархатного, плавно растекающегося по водной глади. Глаза сияли, искрились, словно две звезды на бескрайнем небе. По краю двух этих искорок росли пышные, густые и черные, как смоль, ресницы. Скулы, тонкие брови, четко очерченные губы были, как будто вырезаны из мрамора, словно это не человек, а бюст древнегреческого бога.

Я посмотрела на него и поняла, что он пришел ко мне не просто так, незнакомец хотел мне о чем-то рассказать. В голове мелькал только один вопрос: «Как спросить его об этом?». Видимо, он догадался и начал говорить:

- Знаешь, я давно наблюдаю за людьми, но таких, как ты, мне еще не приходилось видеть. Хочу рассказать тебе маленькую историю, надеюсь, что она тебе понравится.

По его желанию, мы оказались на тихом и безлюдном саду со множеством фруктовых деревьев и цветущих кустарников. Солнце садилось, и становилось прохладнее, но лучи заката обволакивали своим теплом и не давали продрогнуть. Незнакомец облокотился на огромный камень, стоявший позади него и начал свой рассказ:

- В старом заброшенном домике на краю забытой всеми деревни жил старичок. По словам жителей, он был мудрый, но очень замкнутый, не любил толпу, а предпочитал проводить свое время в одиночестве. Каждый теплый день ровно в шесть часов вечера, когда солнце пекло уже не так сильно, и в воздухе благоуханно растворялись потоки холодного морского воздуха, он выходил на террасу и усаживался в свое хлипкое деревянное креслице. Глядя на последние лучи заката, на трепет листы, старичок размышлял обо всем на свете: о мире, о богатстве и бедности, чести и злости.

В некоторые дни мужчина приглашал к себе своего давнего товарища, с которым они пили имбирный чай и любовались пейзажами природы. В один из таких дней друзья завели разговор на тему гордости. И что же они решили? Оказывается, что есть, по их мнению, два типа гордости: «гордость добра» и «черная гордость». К первому типу они отнесли материнскую гордость. Ты, конечно, сейчас спросишь: «Почему?». Все очень просто. Вспомни лицо твоей мамы, когда она смотрела на тебя из зрительского зала, а ты, совсем еще крошка, танцевала или выступала на сцене. Её глаза сияли настолько, что звезды на небе позавидовали бы такому завораживающему блеску. Знаешь, это любовь светилась изнутри. Маме было неважно, как выступаешь, запуталась или нет, все равно ты её дочка, и она всегда будет гордиться тобой!

И всегда в добрых сказках хорошее противостоит плохое, то есть нашей «гордости добра» противостоит «черная гордость». Старички утверждали, что самым главным ее проявлением является гордыня, не зря же её вознесли одним из смертных грехов. Рассуждая, они пришли к выводу, что по внешнему виду можно легко определить одержим человек гордыней или нет. Стан таких людей всегда прямой, словно к спине прикрепили стальной прут, голова никогда не наклонится ниже положенного, она всегда смотрит только вперед, а что ниже уровня глаз не достойно внимания. Глаза горят непостижимой яростью, и в них всегда можно увидеть отвращение к людям, имеющим какие-либо изъяны. Эти люди поверхностны, а их души, словно огромные серые булыжники, непробиваемые, тяжелые.

Еще долго мужчины размышляли за чаем, есть ли у них какая-нибудь гордость? Наверное, только гордость за Родину, но им отвратительны люди, уничтожающие её. Они прочли необъятное количество книг на эту тему, но лишь одна фраза перевернула весь мир: «Гордись лишь теми победами, какие ты одержал над самим собой». И теперь все стало ясно! Гордость – это собственное достоинство, которое показывает отличие

людей друг от друга. Человек, не имеющий такой черты, обречён подчиняться окружающим всю оставшуюся жизнь.

Так и прожил этот безобидный старичок, сидя в своем ветхом кресле с чашечкой любимого чая, приходя все к новым и новым выводам.

Незнакомец слегка привстал с камня и тихо прошептал:

- Прошу, только ничего не говори, подумай обо всем сама.

Мысли, словно хоровод, мелькали одна за другой в моей голове. И я поняла, что часто пренебрегаю гордостью. Мне иногда даже казалось, что я безликое существо, готовое всегда и во всем уступать, лишь бы другим было хорошо и неважно, что в этот момент чувствовала я сама. Стало так грустно и обидно, ведь своими руками мне пришлось губить судьбу, уступая не тем людям. Что-то дрогнула внутри меня, словно порвалась струна, все обрело совершенно иное значение. То, что мне казалось раньше таким сложным, теперь является сущим пустяком. Наверное, это осознание ошибок пришло ко мне, чтобы дать толчок к новой жизни.

Мы сидели с ним еще недолгое время, разговаривали на отвлеченные темы. Это очень добрый, спокойный, наслаждающийся мирной жизнью человек. Его главное пристрастие и любовь – поэзия, которую он может читать бесконечно, погружаясь в этот волшебный мир таинственных ощущений и нежных грез. Он не любит вычурных и пафосных людей, которые пытаются выставить себя кем-то другим, а на самом деле они жалкие персонажи своей жизни, мечтающие, чтобы их вознесли на трон тщеславия.

У этого пришельца невероятно светлая и чистая душа, но стоит только задеть ее грубым словом, и она начинает черстветь. Его мир тонкий и хрупкий, как будто фарфоровая ваза, стоящая на самом почетном месте дома.

Мы стояли в саду, а над нами нежно и плавно шелестела цветущая вишня, ее благоуханный запах лился по всей окрестности. Аромат пьянил, одурманивал и влюблял, мне хотелось вдыхать все больше и больше и растворяться в этом желанном сладком аромате. Мой друг подошел и аккуратно сорвал тонкую ветвь вишни, осыпанную мелкими бархатными цветочками бледно-розового цвета, и, улыбаясь, приставил ее к моим слегка растрепанным волосам.

- С давних времен говорят, что вишня символизирует красоту, но не простую, а духовную, она важнее всего на свете. Я наблюдал долгое время за тобой и понял, ты не ценишь свою внутреннюю красоту. Твоя жизнь – это гонка за какими-то мнимыми идеалами, которые тебе навязывают, а ты, наивная простота, веришь им! О, какая глупость с твоей стороны! Настоящая красота – внутренняя, она идёт от всего сердца, в котором живёт любовь. Всякая внешняя красота меркнет перед красотой души и сознания. Я вижу у тебя прекрасное сердце, ведь ты светишься изнутри, твоего тепла и внутреннего света хватит на целую планету. Прошу тебя, оставайся такой, но не забывай поддерживать этот внутренний огонь поленья-

ми добрых поступков. Я счастлив, что мне выпал такой шанс побывать в твоём сне, – сказал он своим очаровательным голосом.

И вдруг силуэт моего нового знакомого стал рассеиваться! Я умоляла его остаться еще чуть-чуть, но он лишь улыбнулся своей изумительной, но утомленной улыбкой, и исчез.

Может быть и вправду, внешняя красота – это всего лишь ложь? За ней же может скрываться и прекрасный человек, и истинный негодяй. Смотря в зеркало, я всегда спрашивала себя: «Как можно полюбить такое создание?». Эти короткие ножки, неуклюжие движения, лицо в веснушках и совсем обычный цвет волос и глаз. Кажется, мой друг из сна открыл мне глаза! Он разглядел во мне то, что так тщательно я пыталась скрыть от себя и от окружающих, убегала от этого, боялась признать, что все те идеалы, к которым я стремилась, всего лишь уловка и нет ничего прекраснее простоты и душевного тепла. Никакая косметика не поможет, если твоё сердце сухарь.

И вдруг я резко очнулась и поняла, что заснула за рабочим столом. Все тело ныло от боли, в голове смешивались мысли. Я не хотела верить, что это произошло со мной. Разве все это произошло со мной? Мир казался другим, он уже не станет таким, каким был прежде.

Встав со стула, чтобы размять уставшее тело, я провела взглядом по комнате. Передо мной лежал все еще чистый лист бумаги и ручка. На часах было 6.30 утра, а статья для газеты еще не готова. Собравшись с мыслями, мне пришла в голову идея изложить весь этот прекрасный сон на бумагу. А вдруг повезет, и мою работу примут!

Медленно и вдумчиво я описывала каждый элемент сна, не упуская ни малейшей детали. Меня согревала мысль, что грядут перемены. Ведь меня образ мышления, мы направляем вектор нашей жизни к достижению целей.

После этого дня мое сознание изменилось: мысли стали чище, поступки добрее. Постепенно избавляюсь от всех придуманных проблем и идеалов, мне кажется, даже солнце стало светить ярче, а небо завораживает своей голубизной! Все кажется таким необычным и прекрасным.

Спустя неделю я узнала, что мою работу приняли для печати, и чувство благодарности наполнило мою душу. Спасибо, человек из сна, ты зажег во мне новый огонь! Он стал пламенем, ведущим меня к новой жизни!

ТВОРЧЕСТВО КАК ПРЕОБРАЖЕНИЕ МИРА

М. В. Ковалева

*Кандидат философских наук, доцент,
Курский государственный университет,
г. Курск, Россия*

Summary. This article is devoted to the problem of absolute values. Russian religious philosophers try to make sense of human existence through the creation. This problem is one of the most emotional and mysterious.

Keywords: culture; religious philosophers; creation, value.

Понимание культуры как воплощения абсолютных ценностей, их действенности и значимости является следствием признания русскими религиозными философами трансцендентного начала в человеке. Отрицание абсолютных ценностей, по их мнению, ведет к нигилизму. Однако, быть абсолютно добрым – непосильная задача, абсолютно мудрым – бесконечная, а человек – существо конечное.

Понимание человека, как наделенного божественной потенциальностью, вера в реальность и творческую силу должного, идеалопологающее мышление, подводят русских религиозных философов к осмыслению пути приобщения человека к абсолютным ценностям, это связано с попыткой понять и описать феномен творчества. Следует сказать о том, что в русле исследования проблемы творчества культурно-философская проблематика обретает нравственно-антропологический характер. Истоком понимания феномена творчества является идея Вл. Соловьева о том, что перед человеком стоит теургическая задача творения мира и творческий акт есть продолжение дела творца. Осмысление феномена творчества – эта еще одна линия исследовательского поиска, которая составляет проблемное поле анализа культуры в русской религиозной философии конца XIX – начала XX века.

Проблема творчества одна из самых загадочных и волнующих. Предметом специального изучения эта проблема стала только в XX веке, когда в связи с мощным ростом массовой культуры миллионы людей живут за счет творческого труда десятков тысяч людей, то есть за счет чужого творчества [4].

Культура – это не только традиции, не только память о прошлом, не только культ предков. Культура лишь тогда соответствует своему назначению, когда она постоянно творится. Когда появляются новые культурные ценности, когда она осмысливает самое себя и пути своего развития. Какое место в культурно-философских взглядах русских религиозных философов отведено феномену творчества? Какие аспекты понимания творчества выдвинули и обосновали представители данного направления?

Идеологом творчества можно назвать Н. А. Бердяева. Его основополагающая позиция состоит в том, человек призван к творчеству. Творчество – это нравственный долг, назначение человека на земле, его задача и миссия. Творчество «всегда прирост, прибавление, создание нового, не бывшего в мире» [1, с. 76–77].

Известное противостояние Н. А. Бердяева философии объективации, обоснованное в работе «О назначении человека» подводит его к утверждению о том, что, с одной стороны, в условиях объективации, «которая закрывает тайну жизни человека, мира и Бога», происходит исчезновение экзистенции. Но, с другой стороны, в мире объективации творчество – это актуализация, направленная на реализацию свободы.

Итак, творчество, по мнению Н. А. Бердяева, – есть возникновение новизны. Оно включает три элемента. Первый – свобода, которая существует от Бога, свобода как потенциал новизны, но не определяемая как новизна. Второй элемент творчества – дар, гений. Он дан человеку и не связан с его нравственным усилием достигнуть совершенства, преобразить себя. Творец не властен над собой в творчестве. Третьим элементом выступает уже сотворенный мир, в котором творчество разворачивается и из которого черпает свой материал.

Проблематика книги «Смысл творчества» – это прорыв за грани здешнего, «принудительно-данного», уродливого бытия к «миру иному», это освобождение от «тяжести необходимости», просветление и преобразование мира; наконец, это творение «нового бытия», просветленного и свободного. «Творческий порыв» должен служить противоядием от мира. С точки зрения философа, от «жизни» исходит тоска и без творческого подъема нельзя вынести всего этого мещанства, в которое погружен мир.

Н. А. Бердяев обосновывает идею отказа, отрыва от мира, что делает возможным самотворчество. Когда культура доходит, согласно Н. А. Бердяеву, до своих пределов, до последних уточнений и усложнений своих проблем, то появляется сознание того, что высшие продукты культуры несоизмеримы с творческим порывом. Это происходит потому, что творческий порыв, направленный вверх, пресекается тяжестью этого мира, и направляется вниз.

Культурные ценности создаются творческим актом человека. Но, важно отметить, что всегда есть несоответствие между творческим замыслом, творческим актом и творческим продуктом. Творчество – это огонь, а культура – охлаждение огня. Творческий акт – это взлет, победа над тяжестью объективированного мира, продукт творчества в культуре есть уже притяжение вниз. В культуре происходит как бы отчуждение, экстериоризация человеческой природы.

В работе «Опыт эсхатологической метафизики» Н. А. Бердяев определяет человека как существо, преодолевающее мир, в этом основная его сущность. Философ исследует глубинные истоки раздвоения духа и нахо-

дит в его способности обращаться на самое себя и порождать внешние объективации. Результат интериоризации – рождение духовного царства подлинной свободы, результат экстериоризации – порождение неподлинного мира объективаций, мира необходимостей [6, с. 3–8].

Чтобы действительно выйти за пределы культуры к высшему творческому бытию, нужно изжить пути культуры, нужно дойти до ее вершин, и лишь там творец может согласно позиции Н. А. Бердяева, разбить цепи, приковывающие к этому миру. Два явления способны вывести за пределы канонических форм культуры – это святость и гениальность. Великие творцы создают великие произведения. И это возвышает творчество над миром. Но мир требует от творящего соответствия себе, он хочет воспользоваться творческими актами. Поэтому всякий творческий прорыв есть одновременно и неудача творчества.

Совершенство творческих созданий есть нечто иное, чем творческое горение. Гениальным называют творца, который создал совершенное произведение. Но и самое совершенное произведение оказывается не на высоте того, что было в гениальном творце. Философ говорит о роковой неудаче всех воплощений творческого огня, ибо он осуществляется в мире культуры, должен к ней приспособляться, должен использовать материал культуры, современные каноны, должен быть кем-то понят.

Итак, творчество есть трансцендирование, есть постоянный выход за пределы сложившегося наличного мира, за пределы культуры. Можно сказать, что Н. А. Бердяев не занимался разъяснением и систематизацией своих взглядов к данной проблеме. Его понимание творчества скорее не анализ вопроса, а своеобразный гимн в честь *homo creativus*.

В работе «О рабстве и свободе человека» Н. А. Бердяев отмечает, что культура – это не последнее, а предпоследнее. Последним основанием человеческой жизни является бытие, и поэтому перед творцами всегда стояла задача претворения культуры в новое бытие, задача изначально обреченная на поражение, поскольку новое бытие, новое прозрение, новая вещь сейчас же окультивируется, становится культурой. «За идеальными ценностями в свое время стояли пророки и гении, творческое вдохновение и горение. Но когда пророкам и гениям поставлены памятники и их именами названы улицы, образуется охлажденная срединная культура, которая уже не терпит нового пророчества и новой гениальности. Всегда образуется законничество и фарисейство культуры, и всегда неизбежно восстание профетического духа» [1, с. 77–78].

Таким образом, творчество реализуется, по установке Н. А. Бердяева, двумя путями – путем трансцендирования и путем объективации. На пути трансцендирования творчество направлено за рамки культуры, к вечному, к тому, что не имеет аналогов в культуре, является совершенно новым, чего не было ранее. На пути объективации творческий акт приспособляется к существующей культуре, расширяет ее границы. На самом деле это

две стороны одного и того же процесса. Человек стремится к вечности, а создает ценности данного времени, стремится выразить невыразимое, а создает продукт, произведение, которое лишь условно, однобоко и односторонне выражает это невыразимое, поскольку иначе оно не получило бы статуса культурной ценности. Но в истинно великом произведении культуры все равно просвечивает его ноуменальная сущность, его трансцендентная природа.

Сравнивая творчество и его результаты, Н. А. Бердяев полагает, что творчество всегда неадекватно творению, что творчество в творении остывает, кристаллизуется, в нем пропадает творческий огонь. В этой связи культура есть всегда нечто ставшее, омертвевшее в сравнении с творческим вдохновением. Но культура – это не только продукты творчества – книги, машины, идеи, но это также сложившиеся формы мышления, стили искусства и т. д. Форма культуры – это атмосфера духовности, существующая в данную эпоху. Она подобна явлению природы, ее нельзя поломать, она может только сама себя изжить, когда кончается ее историческое время.

Творчество не там, где стремятся к выражению себя, что бы то ни стало, но – к выражению объективно истинного и объективно прекрасного. Так, художественный канон никогда не служил помехой настоящему художнику, а, наоборот, освобождал его от необходимости повторения известного, пробуждал творческую энергию к тому, чтобы с полной силой выразить господствующую культурную форму.

Художник, отмечает П. А. Флоренский, воображающий, будто он без канонической формы сотворит великое, подобен пешеходу, которому якобы мешает почва под ногами и который мнит, что, висая в воздухе, он ушел бы дальше. Понятие канона есть, с точки зрения П. А. Флоренского, ощущение связи с человечеством.

Важно отметить, что помимо антагонизма между творчеством и культурой Н. А. Бердяев выявляет антагонизм творчества и личного совершенства. На вершинах культуры человека мучит противоположность между тем, чтобы создавать что-то и тем, чтобы быть чем-то. Гении творили, считает Н. А. Бердяев, но недостаточно были; святые были, но мало творили. Творчество рождается из несовершенства и из недостатка. Слишком совершенные перестают творить. «Есть трагический антагонизм между человеком совершенным как делом Божьего творчества и человеческим совершенным творчеством как делом активности самого человека. Вступите на путь йоги, или православной святости, или толстовства, на путь собственного совершенствования – и вы перестанете творить. Существует двоякая трагедия творчества, двустороннее раскрывающая ту истину, что в мире не было еще религиозной эпохи творчества. Творчество антагонистично, с одной стороны совершенству человека, а с другой – совершенству культуры» [2, с. 357].

В этом вопросе можно возразить Н. А. Бердяеву, так как самосовершенствование, т. е. творчество человеком самого себя и есть в чистом виде трансцендентное творчество, поскольку никаких культурных продуктов здесь не творится. Но зато творится главное условие культуры – творческий человек. Только совершенный человек и творит, так как только он и является человеком в подлинном смысле этого слова, и творчество является его естественным состоянием.

Определяя творчество как свободу, культ которой на экзистенциалистский манер установлен в мире, Н. А. Бердяев хочет избежать возможных неприятностей: пустотелости этой свободы и ее «безбожности». Н. А. Бердяев делит свободу на две части: на свободу негативную, пустую и положительную, творческую – дает здесь свою знаменитую (опирающую на дистинкцию, введенную Кантом) формулировку о свободе «от» и свободе «для». Первая свобода – это свобода в грехе, это дьявольская свобода отрицания, вторая – божественная свобода в творчестве. Содержанием положительной творческой свободы должны быть любовь, добро и истина, воплощенные в образе Христа. Однако провозглашенная независимость творческого акта, от какого бы то ни было содержания («Творческий акт есть самооткровение... не знающее над собой внешнего суда») сводит вторую свободу к первой.

Философ утверждает, что подлинное творчество – это творчество религиозное, однако божественную истину его критерием он не признает, поскольку в христианской этике нравственная жизнь подчинена общеобязательному закону, а задача творчества – творение нового бытия, свободного и просветленного. Мощь творить из ничего – это свобода. В положительном своем утверждении свобода и есть творчество.

В философии творчества Н. А. Бердяева разворачивается, как мы видим, ожесточенная борьба между романтически-экзистенциалистским бунтарем и христианским аксиологом. Здесь решается непосильная задача согласования абсолютного императива творчества с добром. Философ не хочет, чтобы под его пером пострадал нравственный закон. Он обосновывает «мораль творчества», которая якобы не противоречит морали как таковой, покоящейся на «этике закона», но и является как бы еще более нравственной. Таким образом, человечество, по Н. А. Бердяеву, не должно жить идеей нравственного исправления, а должно «оправдываться» взлетом творческих сил.

Для русской религиозной философии начала XX века характерно противопоставление этики закона и этики творчества [5, с. 51–64]. Этика закона не дает гарантии нравственного усовершенствования человека, закон принуждает ему подчиняться, но он не вырабатывает нравственного иммунитета личности. Когда закон отменяют, личность оказывается способной на любые зверства и подлости. Истинная этика может быть только творческой. Только этика творчества преодолевает кошмар конечного,

кошмар порядка жизни, из которого никуда нельзя вырваться. Только в этой этике становится ясным, что злые страсти нельзя победить через отрицание, через запрет. Их можно пробудить только через пробуждение творческой духовной силы. По поводу задач, поставленных жизнью, человек должен постоянно делать нравственные изобретения и открытия. Не просто принимать закон добра, а индивидуально творить его. В каждом неповторимом индивидуальном акте творится новое добро, не бывшее еще в мире, которое является изобретением совершающего творческий акт. Не существует статического застывшего нравственного порядка, подчиненного единому, общеобязательному нравственному закону.

Обращается к проблеме творчества и С. Л. Франк. Философ также отмечает, что творчество, творческое отношение ко всей жизни есть не право, а обязанность человека. Творческое напряжение есть нравственный императив и при том во всех сферах жизни, но особенно ярко оно, с точки зрения русских мыслителей, проявляется в такой сфере культуры, как мораль.

С. Л. Франк считает, что подлинное исполнение воли Божьей доступно только в форме свободного творчества, всякое слепое, рабское, механическое выполнение этой воли есть непонимание ее истинной сущности. Человек как раб Божий, по С. Л. Франку, – просто саботажник, ибо Бог призвал человека быть не рабом, а сотрудником»[7, с. 294–295].

Таким образом, для этики творчества борьба со злом – это не столько пресечение и уничтожение сил зла, сколько творческое осуществление добра и творческое преображение злого в доброе. Например, любовь к врагам, непротивление злу возможны не от слабости, а от творческой силы духа. Только она преодолевает дурную бесконечность зла, перерезает цепь зла, переводя людей в другой план бытия.

Личность, развивает эту тему Н. А. Бердяев, должна вести постоянную борьбу за первородность, чистоту нравственной совести и нравственной мысли при постоянном сопротивлении духа времени, уже застывшей, омертвевшей коллективной нравственной совести и мысли. Только этика творчества может победить искажение и иссушение человеческой души отвлеченной добродетелью, превращенной в норму и правило. Нравственная жизнь, говорит Н. А. Бердяев, должна быть вечным творчеством, свободным и огненным, то есть вечной юностью и девственностью духа. Она должна покоиться на первородных интуициях, в которых человек свободен от окружений и наслоений жизни, парализующих свободу его нравственных суждений.

Этика может быть только творческой, поскольку этому соответствует сама природа человека. Всякая духовная сила исходит, по С. Л. Франку, из того средоточия и первоисточника реальности, которую мы называем Богом. Постигая метафизический смысл творчества, философ считает, что, творя, человек испытывает действие в себе Бога как творческого начала. В опыте творческого вдохновения сверхчеловеческое творческое начало

непосредственно переливается в творческое усилие. Осознавая себя творцом, человек понимает свое соучастие в таинственном процессе творчества. Здесь он более всего осознает себя «образом и подобием Божиим». Следовательно, Бог не только творит бытие, но он еще творит творцов. В лице человеческого духа, пишет С. Л. Франк, мы встречаемся с таким сотворенным существом, которому Бог как бы делегирует частично свою собственную творческую силу, которого он уполномочивает быть активным соучастником Своего творчества. Тот самый момент, который конституирует человека как личность – момент автономности, самоопределения – обнаруживается одновременно как носитель творчества» [8, с. 291–292].

Человек как таковой, считает С. Л. Франк, есть творец. Нигде его богочеловеческая сущность не проявляется отчетливо, как в этой роли. И особенно в области нравственно-религиозной, в области творческого усилия человека внедрять, воспринять в собственное бытие святость Бога. Человеческое творчество есть вольное выполнение целостной воли Божьей.

Н. А. Бердяев в своих поисках и утверждениях смысла жизни, человеческого призвания более радикален. С его точки зрения, в христианстве должна быть преодолена детская младенческая религиозность, которая видела основной долг человека в послушании. Но послушание не есть последнее в религиозном опыте, грех будет окончательно побежден и преодолен подвигом творчества. Церковность закрывает для человека героический, горный, жертвенный путь самого Христа, снимает с человека бремя ответственности и обеспечивает духовную жизнь, в которой «минует чаша сия». Это покупается смирением и послушанием, но смирение в христианском мире переродилось уже давно в холопство. Преодоление религиозного сервилизма есть первая задача христианского возрождения. Ее выполнение подведет человека к осознанию себя не рабом Божиим, а свободным участником Божественного процесса.

Учение П. А. Флоренского о культе есть в определенном смысле теория творчества. Высшая суть человека – видеть иной мир, входить в него с помощью культа. Человек есть существо, отправляющее культ. Если в христианской онтологии мир рассматривается как падший, пораженный фундаментальным несовершенством, то культ, с точки зрения П. А. Флоренского, оказывается той универсальной активностью, которая одна способна преодолеть, снять это онтологическое повреждение. Культ как бы снимает глухую заслонку между бытием и культурой, между феноменом и ноуменом. Например, в духовной зрении, вырабатываемом с помощью культа, в иконописи, есть непосредственное созерцание ноуменов, скрытых от зрения чувственного. «В более расширительном понимании пограничной активностью следует полагать и всякое творчество, поскольку оно, будь то в искусстве, науке или философии, также направляется к раскрытию смысловой, ноуменальной стороны явлений. При такой трактовке

творчество также оказывается под эгидой культа и требует культовой предпосылки» [9, с. 540].

В контексте проблемы творчества как способа реализации культуры, С. Н. Булгаков дает различия понимания культуры и цивилизации и уточняет свое видение культуры. С его точки зрения, цивилизация есть приспособление к условиям природной жизни, а культура – творческое отношение человека к миру и к самому себе, когда человек на свой труд в мире налагает печать своего духа. Истинно христианская жизнь есть непрерывная борьба с миром, борьба за духовное существование. Если люди в этой борьбе уступают, то тем самым они жертвуют культурой ради цивилизации. Победу же в этой борьбе приносит творчество культуры.

Бог сотворил человека, чтобы он образ Божий осуществлял в своем подобии. Человек, по установке С. Н. Булгакова, сам себе задан для того, чтобы творческим усилием осуществлять свой предвечный образ. Но творчество не тождественно божественному творчеству – Божье творчество извлекает бытие из пустоты, а человек творит из божественной полноты. Человек призван быть со-творцом мира (не в смысле сотворить что-либо, не созданное Богом), а он продолжает раскрытие божественного замысла о себе. Поскольку человек не в состоянии творить бытие, то он творит культуру, в которой виден замысел Божий относительно человека.

В христианстве существует два понимания мира: мир как космос и мир как падшестъ, как болезненное состояние, как соблазн. Такой мир должен быть спасен. Борьба с последним проходит через аскетизм, через отказ от соблазнов. Это есть борьба за истинную культуру. Аскетизм и культура не противоположны понятия, это одно единое духовное начало. «Человек сотворен в мире и плоти, это необходимое условие существования, и никто не может от этого оградиться, пока он живет, то есть творит. Но если человек не творит, не делает, если он безответствен перед своим делом, если он не влагает в дело силы своей мысли, силы любви, то оно осуществляет не аскетизм, а нигилизм. И если это называть аскетизмом, то аскетизм есть плен миру, это признание мира даже в большей степени, чем признает его цивилизация. Нигилистическое понимание аскетизма выражается в освобождении себя от ответственности за мир. Подлинный же аскетизм является величайшей культурной и творческой силой в мире» [3, с. 640].

Задача культуры, считает С. Н. Булгаков, дело богочеловечества, то есть очеловечивание мира и обожение человека. Эта задача бесконечная. Но мы должны идти по пути, хотя и знаем, что никогда не достигнем цели. Мы должны творить, религиозно любя то дело, которое делаем, чтобы «наши дела были камнями в строительство Царства Божия».

Таким образом, взгляды русских религиозных философов по вопросу творчества основаны на поиске пути приобщения человека к абсолютным ценностям. Истоком такого понимания данного феномена, как было отмечено, является идея Вл. Соловьева о том, что перед человеком стоит теур-

гическая задача творения мира, и творческий акт есть продолжение дела творца.

Систематизируя выдвинутые положения, характеристики творчества Н. А. Бердяевым, С. Н. Булгаковым, П. А. Флоренским, С. Л. Франком, выстроим с учетом особенностей их взглядов понимание данного феномена.

1. Творчество – это нравственный долг, императив, обязанность и, в конечном итоге, – назначение человека (Н. А. Бердяев, С. Л. Франк). Творчество – это победа над объективированным миром (Н. А. Бердяев). Высшая суть человека – видеть иной мир, входить в него с помощью творчества и в этом его богочеловеческая сущность (П. А. Флоренский).

2. Творческим усилием человек осуществляет свой предвечный образ, творя из божественной полноты. Человек, следовательно, со-творец мира, он раскрывает божественный замысел в себе (С. Булгаков). Этика творчества утверждает ценность индивидуального, единичного, она профетическая, обращена к будущему (Н. А. Бердяев).

3. Исполнение воли божьей доступно в форме свободного творчества (С. Л. Франк). Подлинное творчество – это свобода (Н. А. Бердяев). Творчество всегда трансцендирование, выход за пределы наличного мира (С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев). Выйти за пределы культуры, к высшему бытию способен только творческий человек.

4. На пути трансцендирования происходит обогащение культуры (Н. А. Бердяев). Задача культуры – очеловечивание мира (С. Н. Булгаков). Задача творчества – творение «нового бытия». Смысл творчества – преобразование мира (Н. А. Бердяев)

5. Подлинное творчество – творчество религиозное (С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев). Культура, следовательно, вводит человека через творчество в актуальное общение с божественным миром.

Как видно, русские религиозные философы осмысливают механизмы, благодаря которым развивается и совершенствуется культура. Осмысление путей и возможностей реализации творчества в культуре, противоречивость процесса, в котором утверждается трансцендирование и объективация, соотношение внешнего и внутреннего творчества, т. е. самотворчества, имеет культурно-философское значение для понимания динамики культуры в начале XX столетия, а также способов совершенствования культурной среды в условиях современного общества.

Библиографический список

1. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. – М., 1991. – С. 76-77.
2. Бердяев Н.А. Собраний сочинений. – Париж: ИМКА_ПРЕСС, 1991. – Т. 2 (Смысл творчества. 3-е изд.). – С. 357.
3. Булгаков С.Н. Догматическое обоснование культуры // Сочинения в 2-х томах. Т. 2. – М., 1993. – С. 640.
4. Губин В.Д. Культура и творческая деятельность. – М., 1987.

5. Назаров В.Н. Нравственная мудрость как творчество жизни // Философские науки. – М., 1991. – № 11. – С. 51-64.
6. Поляков Л.В. Философия творчества Николая Бердяева // Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. – М., 1989. – С. 3-8.
7. Франк С.Л. Свет во тьме // Франк С.Л. Духовные основы общества. – М., 1992. – С. 294-295.
8. Франк С.Л. Реальность и человек. Метафизика человеческого бытия. – Париж, 1956. – С. 291-292.
9. Хоружий С.С. Философский символизм П.А. Флоренского // П.А. Флоренский: Pro et contra. – СПб., 1996. – С. 540.

ОБРЯДЫ ПЕРЕХОДА В БАЛЕТЕ «ВЕСНА СВЯЩЕННАЯ» И. Ф. СТРАВИНСКОГО

О. А. Подшивалова

*Преподаватель,
Саратовский областной
колледж искусств,
г. Саратов, Россия*

Summary. The historical period of the end of 19th – beginning of the 20th centuries is considered to be the critical time in arts, social life in Russia and abroad. I. F. Stravinsky's ballet «The Riot of Spring», which was written and put in 1913, has become a peculiar symbol of those transitional times. Among the numerous researches which are devoted to this work, there is an unaffected question about influences of «transitivity» on musical content of the ballet. The purpose of the article is to find out some characteristics of a ceremony of transition in musical dramatic arts «The Riot of Spring». The main research targets are to form the structure of the transition ceremony, to analyse the score of the ballet «The Riot of Spring» in a foreshortening of transition ceremonies.

Keywords: Stravinsky; liminality; Genep van Arnold; a rite; «The Riot of Spring».

Со дня премьеры балета И. Ф. Стравинского «Весна священная» прошёл уже век и с тех пор интерес к уникальной личности композитора и его балету не ослабевает. «Весне священной» посвящено немало научных работ как в отечественном, так и зарубежном музыковедении. В монографических работах прошлого столетия часто изучаемыми были вопросы, связанные с особенностями метроритмической и мелодической основы балета, структуры сюжетной фабулы. В настоящее время изучение балета «Весна священная» И. Ф. Стравинского по-прежнему актуально и наряду с вопросами, связанными с особенностями музыкальной речи произведения, более часто затрагиваются проблемы, касающиеся рассмотрения произведения в контексте той эпохи, когда оно было создано. Среди таких работ выделяются статьи А. Аракеловой [1], Н. Зайцева [5], А. Королёвой [6], А. Демченко [3].

Создание балета «Весна священная» относится к весьма непростому историческому периоду, когда во всём мире начинают происходить гранди-

озные события переходного характера – Первая мировая война, стремительный прогресс в науке и технике, урбанизация. Изменения в обществе не могли не повлиять на искусство начала XX века. В исследовательских работах незатронутым остаётся вопрос, каким образом процесс «переходности» отразился в музыкальной ткани произведений, на гармонических и мелодических структурах, логике их последовательности и взаимодействия.

На наш взгляд, процесс переходности, заложенный в фабуле «Весны священной», может быть спроецирован на музыкальную ткань балета. Целью нашей работы является выявление характерных переходных признаков в партитуре «Весны священной». Для этого необходимо, во-первых, сформулировать общую структуру обряда перехода, во-вторых, проанализировать музыкальный материал балета в ракурсе обряда перехода и найти признаки переходности в музыкальном языке балета.

В произведении разворачивается ритуальное таинство, где древнее языческое племя во главе со Старейшиной приносят в жертву богу весны молодую девушку – Избранницу. В широком значении данный календарный обряд направлен на совершение «правильного» перехода от зимнего времени года к весеннему – инсценировка пробуждения от зимнего сна, сцены игр, гаданий, хороводов, имитация процесса втапывания зерна, – а жертвенный дар должен положить начало новому циклу жизни на земле. С другой же стороны чертами переходности наделён образ Избранницы, поскольку сначала она отделяется от всего рода, становясь жертвенным даром, и уже потом переходит из смертного существа в бессмертное, исполняя ритуальный жертвенный танец. Какова же структура обряда перехода?

Одной из ранних работ посвящённой теории переходности была работа А. Геннепа [2]. По его убеждению в любом обряде перехода обязательно совершаются действия отделяющего и приобщающего характера. Концепция перехода лежит в основе теории «о вечном возвращении» М. Элиаде [8], считавший, что в космогонии заложены источник энергии и возможность начинать «историю» заново. Размышляя о современной культуре, Н. Хренов [7] указывает, что конец XIX – начало XX веков характеризуется как переходный, переломный период не только в искусстве, но и во многих сферах общественной жизни.

В данной статье мы будем опираться на теорию А. Геннепа, поскольку она основана на цельной модели обряда перехода, где подробно описывается каждый его этап. Геннеп выделяет три категории обрядов, образующих структуру обряда перехода. Первыми совершаются прелиминарные обряды (обряды отделения), во время которых происходит отделение от привычных условий. После чего следует выполнение лиминарных (промежуточных) обрядов – стадия, во время которой предполагается частичное приобщение к новым условиям. Завершающим этапом являются постлиминарные обряды (обряды включения), действия которых происходит в обновлённом качестве.

Осмелимся предположить, что некоторые свойства обрядов перехода имеют рельефное воплощение в музыкальной ткани балета Стравинского. Попробуем разобраться, при помощи каких приёмов в партитуре «Весны священной» может совершаться обряд перехода.

Прелиминарный обряд нацелен на «искажение» исходного образа или состояния. Им соответствуют такие церемонии как отделение от прежнего местопребывания, к примеру, изоляция или нанесение отличительных знаков – рисунков на теле, всевозможных незначительных увечий, облачение в другую одежду, стрижка волос. То есть действие данных обрядов не вносит кардинальных перемен, оставляя образ узнаваемым в прежнем облике.

В партитуре балета функцию «искажения» на наш взгляд могут выполнять энгармонической замены звуков в созвучиях, где один и тот же по акустике звук «облачается» в разные ноты. При этом звучание повторяющихся гармонических вертикалей на слух воспринимается без изменений, однако в нотном тексте в результате энгармонизма мы наблюдаем изменение гармонической функциональности аккорда. Примеров использования энгармонических приёмов в партитуре балета «Весна священная» немало. Приведём некоторые из них.

Второе проведение основной темы у солирующего фагота из Вступления первой части балета (с ц.1) сопровождается дуэтом кларнета и басового кларнета. Звучат нисходящие параллельные кварты. Обратившись к партитуре, обнаруживаем, что цепочка интервалов основана на чередовании уменьшенной терции и чистой кварты (пример № 1).

Пример № 1. И. Ф. Стравинский. «Весна священная». Ч. I. Вступление

Подменяя интервалы с помощью энгармонических звуков, композитор создаёт иллюзию чередования терций и кварт, в то время как на самом деле мы слышим звучание только параллельных чистых кварт. Возможно, используя подобные приёмы звуковой «маскировки» Стравинский «играет» со слуховым восприятием, демонстрируя игровое начало обрядового действия.

Приведём ещё некоторые примеры. Энгармонизм в оstinatном аккордовом сопровождении у первых и вторых скрипок в начале «Игры умыкания» (ц.37); оstinатная тема у двух труб – теноровой и басовой в номере «Шествие Старейшего – Мудрейшего» (ц.67) (пример № 2):

Пример №2. Ч. I. Шествие Старейшего – Мудрейшего

Обратим внимание на соотношение интервалов в двухголосии. Заметно, что в партитуре мелодия записана параллельными уменьшенными нонами, которые звучат как чистые октавы. Парадокс в следующем: очевидная «видимость» ноны, как диссонирующего интервала, никак не соотносится со звучанием совершенного консонанса – октавы.

Удивительным видится ещё тот факт, что композитор, воспроизводя в оркестре «архаические» звучности в виде кварт, октав, начинает заменять их на энгармонически «искажённые» диссонирующие или консонирующие интервальные созвучия. Возможно, это происходит потому, что композитор стремится обмануть слуховое восприятие, создать иллюзию архаичности (октавы, квинты, кварты, тритоны), используя при этом диссонансы (ноны) или несовершенные консонансы (терции).

Ещё к одному свойству прелиминарности в партитуре балета можно отнести «передачу» мелодического напева от одной партии инструмента к другой внутри одной тембровой группы. Услышать момент перехода практически невозможно, поскольку в данных случаях мелодический напев повторяется в одном и том же регистре, по одним и тем же звукам, но исполняют его поочерёдно разные партии одной инструментальной группы.

Такие примеры находим во Вступлении балета. После одноголосного проведения темы фагота, в сопровождении заключительной фразы появляется нисходящая хроматическая мелодия, рассмотренная выше (см. пример № 1). Далее замечаем, что в следующей фразе (4-ый такт после ц.1) акустически почти ничего не изменилось. Но, оставляя прежние тембры, композитор меняет партии инструментов между собой. Если до этого звучали первый кларнет и второй басовый кларнет, то теперь тема переходит в партии второго кларнета и первого басового кларнета.

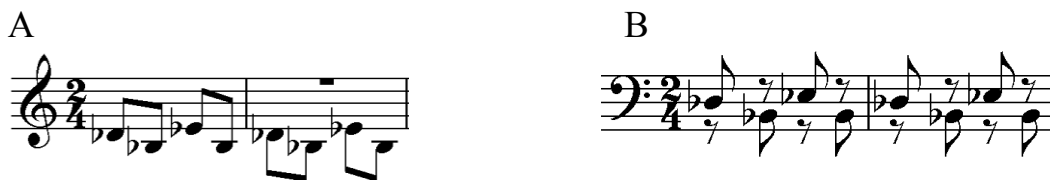
В номерах «Весенние гадания» и «Пляска щеголих» подмене голосов внутри одного тембра подвергается оstinatный мотив «перестука» (термин А. И. Демченко). Первоначально в разделе «Весенних гаданий» тема звучит у английского рожка.

Пример № 3. Ч. I. Весенние гадания

В следующем разделе (начиная с ц.28) мотив смещается на чистую квинту вниз. И здесь мы видим «перебрасывание» мелодической линии от одной партии к другой. В первой верхней строке партитуры (пример 4а) поочерёдное звучание мелодической фразы исполняется двумя тромбонами, в строке, которая находится ниже тромбонов (пример 4в), где тема «перестука» «дробится» на отдельные звуки, звучит в партиях трёх литавр.

Пример № 4. Ч. I. Весенние гадания

В партитуре балета Стравинский, ловко «жонглируя» мелодическими фразами, практически незаметно перебрасывает их от одного инструмента к другому. В наибольшей степени данный preliminary приём в балете по звучанию воспринимается как нечто статическое, где не происходит никаких изменений. Однако выясняется, что статика в рассмотренных эпизодах на самом деле оказывается мнимой.

Итак, типичными элементами preliminary переходного обряда в партитуре балета обладают такие музыкальные приёмы, как: энгармонические замены звуков и подмена инструментальной партии внутри одной тембровой группы, создающие иллюзию слышимого.

Лиминарным обрядам свойственна пограничность, «серединность», пребывание в «промежуточном» состоянии. Согласно Геннепу, во время лиминарных обрядов совершаются следующие действия: прохождение через условную границу, которая могла быть представлена в виде двух частей целого разделённого надвое; прохождение под предметом или через порог, дверь, мост; всевозможные обменивания предметами между представителями противоположных сторон.

Балет «Весна священная» представляет собой единую музыкальную композицию, состоящую из двух частей («Поцелуй земли» и «Великая жертва»), звучащих без перерыва. Каждая из частей балета делится на отдельные номера, в которых звучит собственный мелодический материал. Осмелимся предположить, что было бы вполне естественно обнаружить признаки лиминарности между номерами балета, поскольку именно рубеж между номерами может ассоциироваться с условной границей.

Так в первой части «Весны священной» Вступление и «Весенние гадания» скреплены мотивом «перестука», который неожиданно появляется в конце Вступления в виде предыктового эпизода (ц.12, такт 4), и затем служит лейтмотивом в «Весенних гаданиях» (ц.14) (пример №3). Или другой пример: от «Весенних гаданий» к следующему за ним «Игре умыка-

ния» переходит аккорд *Es-dur'ного* квинтсектаккорда (партия трубы, ц.37), таким образом, становясь своеобразным лейтаккордом.

Кроме обрядов «обменивания» в лиминарности существует традиционное прохождение через промежуточную границу, связывающую противоположные полюса в ситуации переходности. Так, тема «шествия» из номера «Шествие Старейшего-Мудрейшего» (ц.67, партии двух туб) (пример №2) берёт своё начало из предыдущего номера «Игра двух городов» (ц.64). Здесь буквально одна лейттема, звучащая в партиях двух туб, не прерываясь, переходит от одного номера к другому, являясь объединяющим переходным «мостиком». Подобный сквозной материал в виде выдержанного тремолирующего звука *es* виден и между «Игрой умыкания» и «Вешними хороводами».

Таким образом, к лиминарным свойствам относится сквозной музыкальный материал, представленный в виде лейтмотива, лейтаккорда, огранного пункта, либо тонально-гармонической функциональностью.

В *постлиминарных обрядах*, как правило, совершаются жертвоприношения. На завершающем этапе обряда перехода осуществляются различного рода приобщения, выраженные в преподношениях, совместной трапезе, взаимных приветствиях или в непосредственном контакте.

Совершение постлиминарного обряда предполагает включение объекта в новую среду или возвращение его к прежнему местопребыванию, но уже в обновленном качестве. В партитуре «Весны священной» таким объектом, в отношении которого совершается обряд, становятся мелодические напевы некоторых номеров балета, которые звучат в крайних разделах номера. В процессе развития музыкальной ткани произведения, первоначальный тональный центр начинает обретать альтерированные варианты, которые расщепляют устойчивый тон и тем самым буквально подготавливают основу для перемещения мелодического образа на другой тональный уровень. Рассмотрим примеры постлиминарного обряда в балете.

Вступление первой части «Весны священной» открывается одногласной мелодией неширокого диапазона, которая звучит у фагота соло в тональности *a-moll*. В основе темы – одно интонационное ядро (первые две доли такта), которое начинается с тонического терцового тона, переходящего в нисходящее трезвучие натуральной доминанты с последующим разрешением в тонику *a-moll*.

Пример 5. Ч. I. Вступление

Со второго такта к теме фагота присоединяется напев у валторны, которая исполняет мелодический оборот *cis – d – cis*. Явно, что здесь до-

минирует тон *d* с повторением собственного вводного тона *cis*. По отношению к главной тональности, звук *d* является субдоминантовым тоном. И таким образом, исполнение «архаической темы» вместе с хроматическим напевом у валторны образуют комплекс главных гармонических функций – тонику, субдоминанту и доминанту.

Обратим внимание, что в данном отрывке появление звука «*cis*» (у валторн), который с одной стороны диссонирует с «*c*» в мелодии у фагота, с другой стороны добавляет в гармоническое звучание мажорный оттенок. На данном этапе мы обнаружили противопоставление двух одноимённых тональностей – *a-moll* и *A-dur*.

Далее к теме фагота (ц.1), в которой появляются II и VII пониженные ступени (*b* и *gis*), добавляются партии кларнета (со звука *cis*) и басового кларнета (со звука *as*). В начале и в конце четвертого такта образуются следующие аккордовые созвучия – *as – cis – c*; *g – c – b*. Теперь к первоначальному *a* (мажорному и минорному) добавляется его пониженный вариант – *as*, который в сочетании со звуком «*c*» образует тональную окраску *As-dur*. Начинает функционировать сфера бемольности.

В результате мы начинаем наблюдать идею «звуковысотной борьбы», в которой соперничают тональности *a-moll*, одноимённый к нему *A-dur*, также однотерцовый (по отношению к главной тональности) *As-dur*. Соотношение звуков таково, что здесь усматривается идея пространственного неравенства – сфера понижения и повышения. Посмотрим, в каком направлении совершится обряд перехода основной *a-moll*’ной темы фагота. Для этого нам потребуется рассмотреть репризный раздел Вступления.

В момент кульминации (перед ц.12) музыкальное развитие резко останавливается и вся партитура «повисает» на аккорде, звуки которого, если собрать их вместе, образуют хроматический звукоряд (от *h* до *b*), в котором отсутствует тон «*a*» и его альтерированные варианты. Появление ожидаемого «*a*» происходит в следующем такте (ц.12), когда возвращается тот самый архаический мелодический образ в исполнении фагота. Однако перед нами теперь «переоблачившаяся» мелодия, которая звучит не в *a-moll*, а полутоном ниже – в *as-moll*.

Перед нами исходный мелодический образ, который в процессе развития музыкальной ткани всей партитуры преобразовался посредством нанесения отличительного характеризующего знака в виде бемоля и тем самым понизился в звуковысотном плане.

В «Вешних хороводах» центральным мелодическим образом является вступительная тема «хоровода». Её изложение представляет собой как бы постоянно «вращающийся» мотив, который не имеет ярко выраженных тяготений, разрешений в тонику. К тонике мелодия приходит в конце своего изложения (в т. 6). В тональном отношении для темы свойственна ладо-тональная переменность – она начинается с субдоминантовой гармонии, заканчивается на тонике *f-moll*. Первые два такта звучат в тональности

субдоминанты, особенность которой – ладовая неопределенность. Из-за отсутствия VI ступени (*des*), субдоминанта не имеет ни мажорной, ни минорной окраски. Вновь тема «хоровода» повторится только в репризном эпизоде. В отличие от первого изложения, где мелодия исполнялась малым кларнетом и басовым кларнетом, теперь она звучит у малого кларнета и альтовой флейты. Существенным изменением темы с третьего такта (т.5 ц.56) является неожиданный сдвиг напева на тон выше.

Постлиминарность, таким образом, в партитуре «Весны священной» в буквальном смысле сопряжена с перемещением и закреплением на новом звуковысотном «уровне».

Подведём итоги. Выявлены следующие свойства переходности музыкальной драматургии балета: акустическая «иллюзия» в виде энгармонизма и тембровой подмены (прелиминарность), сквозной тематизм (лиминарность), транспозиция (постлиминарность). Данные элементы переходности в партитуре имеют тесную связь с драматургией балета «Весна священная», в основе которого лежат два обряда перехода: календарно-земледельческий и обряд жертвоприношения. Во Вступлении балета концентрированно аккумулируется модель перехода. Дальнейшее совершение этапов перехода выглядит на первый взгляд несколько беспорядочно – после постлиминарности во Вступлении следует прелиминарность и лиминарность в «Весенних гаданиях». Это можно объяснить тем, что внутри одного обрядового этапа возможны также деления на прелиминарность, лиминарность и постлиминарность.

Безусловно, перечень признаков переходности, выявленных при анализе «Весны священной», может быть дополнен другими элементами музыкального языка других произведений того периода (кантата «Весна» С. В. Рахманинова, оперы «Снегурочка» Н. А. Римского-Корсакова). На наш взгляд, что результаты данного подхода позволят расширить аналитическую основу некоторых произведений.

Библиографический список

1. Аракелова А. Стравинский и философские искания в России конца 19 – первой трети 20 вв. // И. Ф. Стравинский. – М.: 1997. – С. 5–16.
2. Геннеп А. Обряды перехода. – М.: Восточная литература, 1999. – 198 с.
3. Демченко А. Картина мира в музыкальном искусстве России начала XX века. – М.: Композитор, 2005. – 264 с.
4. Демченко А. Космогония авангарда // Венок Яворскому: Сборник научных статей по материалам Всероссийских научных чтений, посвящённых Б.Л. Яворскому. – Саратов: Саратовская государственная консерватория им. Л. В. Собинова, 2006. – С. 69-107.
5. Зайцев Н. Балет И. Ф. Стравинского и другие "картины языческой Руси" в русском искусстве начала XX века // Научный потенциал города XXI века. – Самара: Самарский государственный технический университет, 2008. – С. 147-148.
6. Королёва А. Художественно-эстетические взгляды И.Ф. Стравинского в свете некоторых тенденций развития русской культуры конца XIX – начала XX столетия //

Материалы Международной научно-практической конференции "VI Серебряковские научные чтения" – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2008. – С. 134-140.

7. Хренов Н. Культура в эпоху социального хаоса. – М. Едиториал УРСС, 2002. – 448 с.

8. Элиаде М. Миф о вечном возвращении. – СПб.: Алетейя, 1998. – 256 с.

АРХЕТИПИЧЕСКИЙ ОБРАЗ КОНЯ В СЛАВЯНСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ, ТВОРЧЕСТВЕ А.С. ПУШКИНА И Р. Л. СТИВЕНСОНА

Т. А. Хитарова

*Кандидат филологических наук, доцент,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И. Т. Трубилина,
г. Краснодар, Россия*

Summary. The article is devoted to the archetype Horse in the Slavic folklore, in the creative work of A. Pushkin and R.L. Stevenson. The archetype is vital in different spheres of human's activity in ancient and contemporary world. The article includes the introduction, aims of investigation, the analysis, the conclusion.

Keywords: archetype; poetry; poetics; symbol.

Материалом исследования послужили баллады Александра Сергеевича Пушкина «Песнь о вещем Олеге» (1822) и Роберта Луиса Стивенсона «Вересковый мёд» (1890), а также славянский фольклор. Цель статьи – провести компаративистский анализ в сфере архетипов, а именно, архетипического образа Коня, найти общее и различное.

Актуальность исследования обусловлена тем, что рассматриваемый архетипический образ Коня является притягательным для человека вне зависимости от времени, национальности, религии, языка. Данный архетип встречается во многих сферах жизни: социальной, бытовой, духовной. Большой пласт в фольклоре разных народов занимают пословицы, посвящённые Коню. Особенно сильны они у казаков. «Без коня нет жизни у казака»; «Казак голоден, а конь его сыт»; «Булы б кони, казаки найдутся»; «Бережёного коня и вовк нэ бэрэ»; «Конь да ночь казаковы товарищи»; «Гладь коня не рукой, а мукОй»; «Без коня казак кругом сирота»; «Сначала накорми коня, а потом себя» [5; 7; 9]. Славянская культура встраивает этот образ и в игровую форму, одной из наиболее популярных и бережно хранимых игрушек-оберегов является лошадь.

«Конь – в славянской традиции одно из наиболее мифологизированных священных животных. Конь – атрибут высших языческих богов (и христианских святых) и одновременно *хтоническое существо*, связанное с культом плодородия и смертью, загробным миром, проводник на «тот свет». Соответственно Конь наделялся способностью предвещать судьбу» [1].

В славянской мифологии былинный герой не расстаётся с конём, ряд святочных гаданий, свадебных, семейных обрядов связан с присутствием коня. Святой Великомученик Георгий Победоносец изображается на иконах восседающим на белом коне и поражающим копьём змея. Георгий Победоносец на коне – символ победы над тёмными силами, его изображение включено в древний герб города Москвы.

В творчестве А. С. Пушкина присутствие архетипического символа Коня естественно и ненавязчиво. Баллада «Песнь о вещем Олеге» вводит читателя в контекст битвы славян с кочевым народом – хазарами. Читатель «Песни о вещем Олеге» видит превосходство князя: «С дружиной своей, в цареградской броне, // Князь по полю едет на верном коне». Образ Коня является символом богатства, наградой. Обращаясь к провидцу: «Открой мне всю правду, не бойся меня: // В награду любого возмёшь ты коня». В следующих строках автор предлагает описание Коня, характеризуя его, по сущности, очень положительно: «Твой конь не боится опасных трудов; // Он, чуя господскую волю, // То смирный стоит под стрелами врагов, // То мчится по бранному полю, // И холод, и сеча ему ничего». Главный герой произведения называет его «верный друг», «мой товарищ», «мой верный слуга», «друг одинокий», «верный», «игривый». И отправляя его в ссылку, даёт указания своим подчинённым содержать животное по высшему рангу. Расставание с конем печально: «В молчанье, рукой опершись на седло, // С коня он слезает угрюмо».

Для автора образ Коня символичен. Можно задуматься над вопросом – кто на самом деле является главным героем песни?

Думается, именно в данном произведении исследуемый образ чётко отражает такие понятия, как сила, верность, честь, трудолюбие, здоровье и, по сути, трагическая гибель героя происходит не по вине коня, то есть образ остается незапятнанным.

Произведение Р. Л. Стивенсона «Вересковый мёд» демонстрирует в поэтической форме борьбу народа пиктов с шотландцами. Здесь образу уделено меньше внимания по количеству обращений к нему, но не по значимости. «Король по склону едет // Над морем на коне, // А рядом реют чайки // С дорогой наравне» – «эти строки указывают на желаемое превосходство королевского трона над природой, даже птицы не поднимаются ввысь и море по своей сути находится ниже верховной власти» [6]. «Сидел король шотландский // Не шевелясь в седле. // А маленькие люди // стояли на земле». Данные строки указывают на то, что Конь придаёт больше величия королю.

Не иссякает интерес и наших современников к архетипическому образу Коня. И в настоящее время рассматриваемый архетип не теряет своей актуальности. Незамужние девушки ждут «принца на белом коне», то есть молодого, любящего, не боящегося трудностей, не бедного жениха. В текстовом песенном творчестве Конь одушевлён, его наделяют яркими чело-

веческими качествами, образ его абсолютно всегда положителен, он – верный товарищ, ему можно доверять свои чувства, не боясь предательства, а его выносливость и сила способна защитить и спасти.

Так, в революционной песенной романтике диалог героя с животным вполне реалистичен: «Ты, конёк вороной, передай дорогОй ...» (автор Н. Кооль, 1924). В. Высоцкий надрывно умоляет коней: «Кони привередливые, вы тугую не слушайте плеть ...» (1972). Для Цезаря Солодаря кони – истинные победители в войне с ненавистным врагом: «По берлинской мостовой кони шли на водопой ...» (1945) [8]. В репертуаре Кубанского казачьего хора одним из ярких и особенно любимых слушателями и зрителями текстов, переложенных на музыку, является рассказ о любви и о коне: «И снова конь мой вороной меня выносит из огня ...» [3]. Песенное произведение стилизовано под старинную казачью песню (автор музыки Виктор Столяров) и несёт в себе огромную смысловую нагрузку – нет казака без коня, а Родина сильна казачьей удалью и защитой её рубежей.

Символ Коня – яркий пример коллективного бессознательного понимания данного архетипического образа, его «очеловечивание» происходит вне временных рамок, и в XXI веке человек не теряет интереса ко всему, что связано с ним.

Библиографический список

1. Петрухин В. Я. Энциклопедический словарь. Славянская мифология. М: ЭллитЛак, 1995, с. 228.
2. Пушкин А.С. Собрание сочинений в трех томах, М.: Худ. лит-ра. 1987.
3. Самойлов Д. Голоса за холмами. Изд-во Ээсти раамат. Таллин. 1985.
4. Стивенсон Р.Л. Собрание сочинений в 5 томах. М.: Правда, 1981.
5. Ткаченко П. Кубанский лад. Краснодар, «Традиция», 2014.
6. Хитарова Т.А. Архетип Воды в поэтических произведениях Роберта Льюиса Стивенсона. «Классическая и современная литература: преемственность и перспективы обновления», Прага, 2016.
7. URL: Nsportal.ru (дата обращения 28.02.2017)
8. URL: Pesni.net (дата обращения 28.02.2017)
9. URL: Russkie-kazaki.ru (дата обращения 28.02.2017)

СУЩНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОДА КУЛЬТУРЫ

Е. А. Царева

*Доктор философских наук, доцент,
Курский государственный университет,
г. Курск, Россия*

Summary. The article is devoted to the identification of the essential characteristics of the culture code and comprehension strategies research of this phenomenon.

Keywords: culture code; semiotic phenomena; interdisciplinary approach; philosophical analysis.

К объяснению истоков и особенностей той или иной культуры можно подойти разными путями, применяя методы философского и культурологического анализ. Философский подход, включая познавательный и прогностический аспекты, ориентирован, прежде всего, на ценностное осмысление культуры, он ставит исследователя перед окончательными вопросами, которые не имеют решения и актуальны в любую эпоху. Культурологический анализ также включает ценностную компоненту, но он более конкретен, направлен на получение и обоснование эмпирических данных. Одним из актуальных направлений исследования культуры предстает изучение ее знаково-символического пространства. Необходимо отметить, что в философском и в культурологическом знании семиотическая проблематика проработана достаточно глубоко, но представлена разнопланово. Междисциплинарная оптика изучения культуры в русле семиотического подхода охватывает разные предметные поля, соотносимые с конкретными целями, и вырабатывает различные стратегии исследования, но интересы и философов и культурологов в целом направлены на изучение знаков и символов в культуре, естественных языков как знаковых образований, «вторичных моделирующих систем» в определенных аспектах. Знаково-символическая трактовка культуры с необходимостью включает осмысление понятия «код». Словосочетание «код культуры» в настоящее время стало общеупотребительным, им оперируют в публицистических статьях, оно встречается в постах блогеров. Достаточно продуктивно это понятие анализируется в культурологии, поскольку большой пласт культурологического знания как гуманитарного, конкретного сопряжен с анализом локальных культур в их историческом становлении и своеобразии.

Теоретическое обоснование кода культуры в философском знании связано с выявлением базовых смыслов культуры, что позволяет понять, почему ее носители ориентируются на определенные ценности, воспроизводят определенные нормы поведения, отдают предпочтение определенному культурному опыту, способам его трансляции и приоритетным смыслам, который интегрируется и передается от поколения к поколению. Концептуализация понятия «код» в философии культуры расширяет когнитив-

ное поле семиотических исследований, задает целостное видение культуры, помогает «вжиться» в ее смысловое единство. В этой связи, следует отметить, что проблема выявления сущностных характеристик кода культуры базируется на следующей установке: в семиотическом пространстве данный феномен занимает особое место, поскольку организует культурные миры, оформляет рождение смыслов в культуре и является ключом к их пониманию. Анализ кода культуры включает большой комплекс вопросов, связанных с языком и его влиянием на коммуникативные процессы, с культурой повседневности, образованием, искусством, с религиозными верованиями, особенностями отношения к труду, передачей трудового опыта и многие другие. То есть, специфику социальных практик, в которых человек определенным образом реализует и раскрывает себя, которые в тоже время организуют его деятельность как социального субъекта, обеспечивают устойчивое функционирование и воспроизводство культурных смыслов можно объяснить, применяя понятие кода культуры.

Что же такое код культуры? Определение этого термина в словарях часто отсутствует [1]. В этой связи исследовательская установка на выявление свойств и признаков кода предвещает его целостное видение, закладывает основы понимания роли и функций, делает доступным изучение особенностей как объекта культуры. Вырисовывается стратегия изучения кода культуры: от описания свойств данного феномена к обоснованию его значения, а далее, – к обнаружению и осмыслению конкретных кодов в различных культурах.

В рамках философского анализа интерес представляют следующие характеристики кода. С одной стороны, коды культуры уникальны, так как возникают в процессе историко-культурного развития, следовательно, имеют причины своего появления и всегда обусловлены историческим контекстом. С другой стороны, комбинаторика причин и предпосылок, всякий раз уходящая своими корнями в предшествующую эпоху, характеризует код как случайно сложившийся феномен. Вместе с тем, комплекс предпосылок, задает содержательную определенность кода и способствует его оформлению. В своей смысловой модальности код фиксирует и обуславливает разнообразные культурные феномены, удерживает их в связях и обеспечивает самоорганизацию культуры.

Философское осмысление кода в сочетании с семиотическим анализом дает цельную картину понимания данного феномена. В такой исследовательской направленности актуальны положения У. Эко, который «отвергает метафизику некоего Кода Кодов» и рассматривает любой факт культуры как факт коммуникации. С точки зрения философа, код, прежде всего, устанавливает некоторое соответствие между означающим и означаемым и «предполагает наличие репертуара символов» [3, с. 47, 49.]. В контексте положений теории информации У. Эко выявляет «упорядочивающую функцию кода», которая позволяет осуществлять коммуникацию.

Философ подчеркивает, что без этой функции передача информации неосуществима [3, с. 56]. Вместе с тем, с точки зрения У. Эко, код ограничивает информационное поле источника [3, с. 59]. С введением кода число альтернатив высокоэнтропийного источника сокращается, «определенное означающее связывается с определенным означаемым» [3, с. 57, 69, 71]. Философ приводит пример пишущей машинки, подчеркивая, что знание кода итальянского языка «делает невозможным присутствие в моем сообщении таких последовательностей знаков, как «wxwxhsdewvwxhs», невозможных в итальянском языке» [3, с. 57]. То есть, код, с одной стороны, предусматривает разнообразные комбинации, но, с другой стороны, существенно ограничивает число возможных выборов. Подводя итог, У. Эко дает определение кода «как системы, устанавливающей 1) репертуар противопоставленных друг другу символов; 2) правила их сочетания; 3) окказионально взаимооднозначное соответствие каждого символа какому-то одному означаемому» [3, с. 57].

С целью актуализации собственно семиотического понимания кода У. Эко предлагает термин S-K, или семиотический код, смысл которого заключается в том, что любое высказывание организовано по определенным правилам комбинаторики и с определенной точки зрения. Например, классификации, осуществленные художником и математиком, могут включать одни и те же единицы, но организованы они совершенно по-разному, согласно своим целям. Как видно общая посылка заключается в том, что всякая информация корректируется кодом. Таким образом, У. Эко рассматривает код, прежде всего как семиотический феномен, трактуя культуру как коммуникативное пространство, в этой направленности код предстает основой коммуникативных взаимодействий. Характеризуя знаково-символическое пространство как коммуникативное, философ отмечает: «Всякий коммуникативный акт перенасыщен социально и исторически обусловленными кодами, и от них зависит» [3, с. 38].

Как было отмечено, формирование кодов зависит от складывающихся предпосылок. В сложном процессе социального, экономического, культурного развития коды оформляются и начинают «работать». Что это значит? Они устанавливают соответствия означаемых и означающих в знаково-символическом пространстве культуры, упорядочивают социально-культурную информацию, сохраняют первообразы культуры и обуславливают ее смысловую определенность. Например, мифы народов мира, при наличии общих тем и мотивов (идеи творения, развития) содержат специфические образы и сюжеты, содержание которых помогают выявить отношение к миру, жизни, смерти, хозяйственной деятельности, героическим деяниям, способам передачи опыта. Расшифровка мифологического кода – ключ к пониманию истоков и нравственно-культурных доминант того или иного народа.

Рассматривая коды как некие правила поведения, А. Н. Уайтхед обращает внимание на следующие особенности. «Коды... – суть попытки навязать систематическое действие, которое в целом должно обеспечивать благоприятные символические взаимосвязи» [2, с. 62–63]. Социальные отношения развиваются и поддерживаются с помощью знаково-символических средств и код в их ряду – выступает способом организации и передачи социально-культурного опыта. Взаимопонимание между людьми обуславливается тем, насколько они владеют родным языком и собственными кодами культуры.

Библиографический список

1. Аванесова Г.А., Купцова И.А. Коды культуры: понимание сущности, функциональная роль в культурной практике // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии / Сб.ст. по материалам XLVII междунар. науч.-практ. конф. № 4 (47). Новосибирск: Изд «СибАК», – 2015. – С 28-37
2. Уайтхед А.Н. Символизм, его смысл и воздействие. Томск: Водолей, 1999. – С. 62–63.
3. Эко Умберто. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: «Симпозиум». – 2004. – 544 с.

V. TECHNOSPHERE AND NOOSPHERE: INTERRELATION, CONTRADICTIONS AND PROBLEM OF KNOWLEDGE INTEGRATION

ОПАСНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ТЕХНОКРАТИЗМА В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ

М. А. Антюфеева

*Кандидат философских наук,
преподаватель,
Миасский филиал,
Челябинский государственный
университет, г. Миасс,
Челябинская область, Россия*

Summary. The article considers the risk of technocratic thinking dominance in society. Prospects of humanistic person appearing is reflected. Possibility of the noosphere thinking composing is considered.

Keywords: technocratic thinking; noosphere; humanistic personality.

Сегодня в условиях системного кризиса как никогда актуален вопрос о развитии такого способа мышления, который всегда обращен к человеку. Человек ценен сам по себе, а не как средство для достижения каких-либо целей.

Долгое время в субъектно-объектной культуре происходило расслоение фактов, методов и законов, с одной стороны, и человеческих ценностей, жизненных «личностных смыслов», с другой. Наука и образование утратили человеческие измерения, в них преобладает «рассудочное» рассмотрение разума, абсолютизируются различные познавательные начала и тенденции. Вернуть «нравственные смыслы» в процесс познания и «присвоения» культуры можно лишь исходя из гуманистической сущности человека.

Одним из следствий научно-технического прогресса оказалось то, что забота о создании «формального» интеллекта стала намного острее, чем забота о развитии духовного потенциала общества. Под влиянием зарождавшихся общих технократических ориентации в научном и общественном сознании стал преобладать бытовой слой мышления, который на долгие годы определил тип исследований: поведение, реакции, механизмы запоминания. Возобладало пренебрежение гуманитарно-творческим потенциалом сознания, вера в легкость его формирования и «перековки», как будто оно лишено собственной логики и инерции внутреннего движения и самодвижения. Развивалась, так называемая, сознательность, а не сознание. Для сознательности вовсе не обязательно наличие собственного мне-

ния, приобретение личностного знания. Достаточно прочитать и поверить в то, что скажет книга, а еще лучше последняя газета. Человек же, обладающий вселенским сознанием и самосознанием, не может быть винтиком. Он опасен для неэффективной власти. В чём же опасность формирования «негуманного» «технократического» человека и что он собой представляет? Это прекрасно описал Андрей Платонов в своих «Записных книжках» уже в конце 20-х годов прошлого века: «Типичный человек нового времени: голый, без души и имущества, в предбаннике истории, готовый на всё, но не на прошлое». [6] Технократический подход в развитии личности делает ставку на развитие интеллекта, но интеллекта бездуховного. Технократическое мышление освобождает личность от всевозможных внутренних препятствий и ограничений, ей известны только одни препятствия – внешние. Каждый предмет осмысливается только с точки зрения его полезности или вредности; мир озадачивает технократическую личность только с внешней, технической стороны. Знаменитый тезис всех европейских психотехник: «Не «Что»? а «Как»? «Как сделать? Как достичь?» Для достижения желаемого хороши все средства и методы. Технократическое мышление однолинейно и узко направлено. А «неподвижной» идее некуда двигаться потому, что она заполняет собой все поле сознания. Однонаправленность разрушает личность и калечит душу. Бездуховность – основная черта технократически развивающихся личностей. Большую роль в предотвращении технократических тенденций в развитии личности мы отводим синергийной культуре и синергийному образованию, основная цель которого не только приобщить человека к системе накопленных в культуре, знаний, но и стремиться сформировать человека как творца новой культуры.

Начинается такое формирование с приобретения личностного опыта, который надо выстрадать. Затем необходимо осмысление своего опыта с помощью философских понятий и соотнесение личностного опыта с исторически накопленным опытом общечеловеческих переживаний.

Но что мы имеем в действительности? Полное оберегание себя от каких-либо усилий, стремление к сохранению себя вчерашнего, потому что так удобнее и так безопаснее, потому что додумывание до конца вечных философских вопросов ставит под вопрос нас самих. Мы не извлекаем опыт, не проходим путь до конца, не разрешаем «смыслы», остаемся детьми. Мы живем вне отработанной грамотно структуры сознания. А предотвращение технократических тенденций в развитии личности – это тяжелый труд по присвоению общечеловеческих культурных ценностей. Следует трезво осознать, какой ценой дается освоение этих ценностей. Культура – это труд. Ее приобретение – труд не меньший. Ведь для того, чтобы что-то создать, в том числе в сфере духа, нужна работа, а работа всегда, в конечном счете, выполняется мускулами. Можно, если угодно, говорить о мускулах души, ума, гражданственности, историчности.

Б. Пастернак писал, что «культура каждому встречному в объятия не бросается». В культуре воплощается не только труд, но и дух человеческий. Душу человека создает культура. Вся проблема культуры сводится к следующему: «Можем ли мы позволить себе быть такими, как есть или мы должны постоянно возвышаться над собой?» В сущности, к решению этого вопроса и сводится призвание европейской культуры. Наш вопрос не только о культуре, а о реальных духовных запросах человека. И если мы его задаем, то спрашиваем себя о своих истоках, ищем воссоединения с нашей духовной родиной, а именно, с христианской духовной культурой, где предназначение человека состоит в том, чтобы исполниться по образу и подобию Божьему. Образ и подобие Божье – это образ, стремясь приблизиться к которому, человек исполняется в качестве Человека [1].

В процессе становления личность постоянно находится в ситуации выбора своей жизненной линии. В зависимости от того, что выбирает личность в свои критические периоды развития, она начинает развиваться либо в гуманистическом, либо в дегуманистическом направлении. Главная особенность гуманистически направленного человека – это переживания не столько о себе, сколько о других, мука не только о своих, но и о чужих переживаниях. По художественной мысли Ф. М. Достоевского, подлинная жизнь личности помещается как бы в точке несовпадения человека с самим собой, в точке выхода его за пределы «сего, что он есть как вещь бытие». [4]. Гуманистически развивающейся личности, помимо манипулятивных способов познания действительности, которые опираются на аналитическую картину мира, свойственны еще и не аналитические методы познания действительности, которые основываются на символах, образах, смутных догадках и мечтательном предчувствии.

Развитие мышления человека не просто образованного, а просвещенного, именно с гуманитарным мышлением – это дело очень сложное. Оно внутренне связано с идеей диалогизма. И это проблема не только мышления, но проблема бытия каждого современного человека.

Гуманитарное мышление готово жить в неоднозначном и неопределенном мире, оно не требует, в отличие от технократического мышления, грубой, примитивной определенности во всем. Методы для гуманитарного мышления имеют предположительный и вероятностный характер, теории и фундаментальные принципы подвергается пересмотру и проверке в свете следующих исследований, любые идеи рассматриваются как гипотезы. Сегодня, как никогда, очевидно, что реальности современного мира требуют отказа от старых стереотипов и штампов, выработки нового мышления, которое способно диалогически учитывать как сложность, противоречивость, многообразие мира, так и его единство, целостность, взаимозависимость народов и государств, личностей и даже явлений и предметов.

М. Хайдеггер утверждает, что самое страшное, чего боятся люди, уже произошло, хотя и не с такой апокалиптической откровенностью. А

виновником наступившего конца света он считает прагматично утилитарное отношение к миру. Это ведет к отчуждению личности, агрессивности, к выведению принципов этики из природных начал человека, к возрастанию процесса нивелировки личности [7].

Необходима программа противостояния технократизму. Общество просто обязано выработать средства развития сознания иной доминанты, развития гуманитарного мышления в его потенции стать всеобщей формой человеческого разума. Оно всегда обращено к человеку. Оно всегда кому-то, на чей-то голос, на чей-то вопрос отвечает, всегда кого-то спрашивает, а поэтому, оно всегда является выходом за собственные пределы. Выходом в диалог.

Цель гуманистической культуры – поиски путей и средств для проявления высшей человеческой сущности каждого человека. Основные принципы гуманистической культуры исходят из тезиса о том, что бытие каждого человека – высшая онтологическая ценность. Каждый человек соматически наделен способностью к самоактуализации. Вся совокупность его жизненного опыта – основа для профессионального взаимодействия с ним объективированной культуры, которая принимает внутренний мир человека во всей полноте и напряженности его жизненных проблем.

Гуманистическое сознание не снимает проблемы неизбежности человеческого страдания, но видит необходимость творческого выхода из переживаний, которые бы заканчивались духовным преодолением собственного уровня культурного развития.

Метазадача синергичной культуры – помочь человеку принять самого себя, раскрыться и преодолеть собственное «Я» путем выхода к эмпатийному пониманию мира.

Библиографический список

1. Абрамов, Ю.Ф., Емельянов, Б. В., Н. О. Лосский о русском философском интуитивизме: учеб. пособие по курсу «Три века отечественной философии: философия в России XVIII-XX вв.» / Ю. Ф. Абрамов, Б. В. Емельянов. Иркутск: Изд-во Иркут. Ун-та, 1992. 72 с.
2. Авенариус, Р. Человеческое понятие о мире / Р. Авенариус. М.: Тип. Суворина, 1909. 436 с.
3. Акулинин, В.Н. Философия всеединства: от В. С. Соловьева к П. А. Флоренскому / В.Н. Акулинин. Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1990. 158 с.
4. Бахтин, М.М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин. М.: Худ. лит., 1972. С. 234 с.
5. Бердяев, Н. А. О русской философии: в 2ч. / Н. А. Бердяев; / сост. Б. В. Емельянов, А. И. Новиков, Свердловск: Изд-во Уральского ун-та. Ч.1. 1991. 288 с.
6. Платонов, А. Записные книжки / А. Платонов: Кн - М.: ИМЛИ РАН, 2006. 426 с.
7. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер, Пер. с нем В. В. Биbihина, М.: Наука, 2010. 452с.

ИЗМЕНЕНИЯ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕ РИСКА

В. И. Слок

*Аспирант,
Бакирский государственный
университет,
г. Уфа,
Республика Башкортостан, Россия*

Summary. Author describes differences between social management, management of organization and leadership. On the earlier stage social management has been reduced to production management. Today machinery is becoming more "sociable", because it responses to commands more variably, and "teachable".

Keywords: social management; management of organization; production management; leadership.

Социальное управление до сих пор рассматривается лишь как менеджмент, организационная деятельность. Оно определяется как процесс организации взаимодействия субъектов, деятельность по организации деятельности. Еще Ш. Фурье рассматривает управление как перевоспитание «нетрудовых классов», мобилизацию ресурсов и инвестирование капитала в «фаланговый» слой [6, с. 13]. Управление обществом здесь сводится к управлению производством, практический опыт которого формировал у авторов эпохи развития индустриализма определенное представление о социальном управлении.

Менеджмент есть система регулирующих воздействий для оптимизации и повышения эффективности деятельности организации [2]. Сегодня даже представители власти именуются менеджерами. Однако следует признать менеджмент лишь одним из уровней социального управления, формой рациональной оптимизации практической деятельности самостоятельных индивидов. Ведь слово «управление» также говорит о существовании правил, иерархии видов деятельности на предприятии, являющихся основой для объединения элементов управляемой системы и обеспечения ее бесперебойной работы.

Кроме того, в последнее время популярны концепции лидерства, также являющегося частным аспектом управленческой деятельности. Менеджмент организации решает вопросы администрирования, выполняя технические функции обеспечения управленческого цикла как совокупности действий по планированию, прогнозированию, согласованию и контролю; лидеры занимаются ценностным обоснованием деятельности группы, общности или организации – разработкой и сохранением общей идеи, конкретизирующейся в плане или программе деятельности. В связи с этим К. Ходжкинсон пишет о «философских обязанностях» лидера [цит. по 3, с. 40]. Менеджмент более связан с вопросами обеспечения и мониторинга

формального руководства, контроля, а лидерство – с мобилизацией вокруг общих задач, сферой этики. Тот, и другой аспекты управленческой деятельности сводится к решению социально-психологических и экономических задач организации. Менеджмент и лидерство, как и остальные формы управления, направлены на совершенствование организационных условий человеческого существования, их упорядочение, сохранение, совершенствование и развитие.

Редукция понятия социального управления к управлению производством была связана с популярностью концепции оптимизации 1940–50-х гг. и усилением командно-административных методов управления [см. 1]. В технике управляемость связывается с устойчивым подчинением объекта управления, функционированием его по заданным правилам. Эта концепция хорошо работала в области техники, где естественные факторы риска в высокой степени поддаются контролю с помощью искусственных регуляторов.

Успешное применение технических мер привело к попыткам распространить данный опыт на социальную сферу, однако планирование общественной жизни имеет объективные пределы, что в течение определенного периода списывалось на случайности и субъективные факторы. Притягательность данного подхода и попытки реализовать его в социальном управлении объясняется как его простотой, так и меньшей затратностью в материальном и временном отношении, ведь техника не имеет сознания и связанных с ним «проблем» мотивации и несовпадения интересов и мнений. Не последнюю роль в признании недостатков модели оптимизации и изменение идеала управляемости сыграли открытия в области физики, химии, биологии, кибернетики.

На сегодняшний день происходит противоположный процесс, который действительно можно оценить как совершенствование систем управления: техника становится более: «коммуникабельной», т. е. расширяется спектр вариантов ее ответов на различные команды, и «обучаемой» [5, с. 207]. На глобальном уровне изменения социального управления связаны с влиянием созданного при помощи информационно-коммуникационных технологий нового измерения социального пространства. С одной стороны, их массовое распространение способствует повышению прозрачности государственного управления и делает возможным широкий обмен накопленными теоретическим знанием и опытом. С другой стороны, новейшие достижения науки находят применение в продвинутых технологиях манипуляции сознанием и осуществления «оранжевых революций» [см., напр., 4].

Ослабление роли прежних вариантов социального управления, повышение роли сетевых структур и сопровождающий эти процессы рост коррупции приводит к дисфункционированию институтов ряда обществ.

Библиографический список

1. Гастев А.К. Как надо работать. – М.: ЧеРо, 2011. – 477 с.

2. Друкер П. Задачи менеджмента в XXI веке. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2007. – 376 с.
3. Кудряшова Е.В. Лидер и лидерство. Исследование лидерства в современной западной общественно-политической мысли. – Архангельск: Изд-во Поморского междунаро. пед. ун-та, 1996. – 256 с.
4. Лукманова Р.Х., Петрунина Р.Р. Идеи мультикультурализма // О вечном и преходящем Сборник научных статей. Башкирский государственный университет. Уфа, 2010. С. 25-37.
5. Сиразетдинова М.Ф. Социально-гуманитарное знание и искусственный интеллект // ITIDS+RRS. 4 2014. С. 207-209.
6. Фурье Ш. Новый промышленный и общественный мир, или Изобретение метода привлекательной и естественной индустрии, организованной по сериям, построенным на страстях. – М.: Соцэкгиз, 1939. – 675 с.

VI. PHILOSOPHICAL ISSUES OF POLITICAL PROCESSES

СПУСТЯ ШЕСТЬ ЛЕТ ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ: КТО УПРАВЛЯЕТ ЙЕМЕНОМ?

М. М. Ба Алави

*Аспирант
Курский государственный университет,
г. Курск, Россия*

А. М. Ба Алави

*магистр,
Иорданский университет,
г. Амман, Иордания*

Summary. The article considers the transition process in Yemen six years later and who governs the country. Analyzes the current situation in the country and who controls it.

Keywords: Yemen; Houthis; Arab Spring; revolution.

В конце 2010 г. начале 2011 г. по арабскому миру прошли массовые протестные движения, получившие название "Арабской весны", в результате были свергнуты многолетние лидеры. Шесть лет спустя после начала арабских революций, Ближний Восток стал центром мирового внимания, чья судьба определяется доминирующими западными державами. Политическая ситуация в регионе очень сложна, некоторые страны стали ареной гражданских войн.

Спустя шесть лет йеменской революции против его режима, бывший свергнутый президент страны Али Абдулла Салех все еще находится в самом центре политической сцены, в стране, раздираемой войнами и разделением. Многие наблюдатели полагают, что присутствие Салеха на йеменской политической сцене свидетельствует о провале этой революции.

Переходный период в Йемене ознаменовался разными событиями, важным из которых является событие 21 сентября 2014 г. В этот день проиранское вооружённое движение Аль-Хути взяли под свой контроль столицу страны Йемена – город Сана, а также все государственные институты, в том числе и военный. В результате вооруженного вмешательства был изменен не только политический строй государства, но и политическая карта страны. В октябре того же года вооруженное движение Аль-Хути берут под свой контроль крупнейший морской порт Йемена – Ходейда, расположенный на берегу Красного моря, который считается крупнейшим перевалочным пунктом по торговле оружием [3].

Мнение о данных событиях разделились, в то время как сами Хуситы и их сторонники называют ее революцией, правительство Йемена и международное сообщество называют данные события переворотом на леги-

тимной власти. В связи с этим российские исследователи Л. Исаев и А. Коротаев в работе «Йемен: неизвестная революция и международный конфликт» отмечают, что события 2014–2015 гг. в Йемене, а не 2011–2012 гг., попадают под определение революции. Изменения 2011–2012 гг. не привели к появлению новых политических институтов, а события 2014–2015 гг., наоборот, привели. Таким образом, события 2011–2012 гг. трактовать как «революции» российские исследователи с научной точки зрения считают неверным. Однако хуситы правы в толковании событий 2014–2015 гг., используя термин революция [5].

Тем не менее, эскалация событий в Йемене приобрели новый характер, уже 25 марта 2015 г. арабские коалиционные силы в главе Саудовской Аравии начали проводить воздушные удары по мятежникам Аль-Хути и силам лояльных бывшему президенту Салеха [8]. Важно отметить, что данная операция началась в ответ на просьбу йеменского президента Абед Раббо Мансур Хади, после нападения Аль-Хути и силы Салеха на временную столицу Адана [7].

Безусловно, что Йеменская гражданская война и интервенция со стороны арабских коалиционных сил в главе Саудовской Аравии является результатом неспособности йеменских политических элит к воплощению народной воли по достижению демократических перемен, в свете растущих региональных противоречий, которые сказываются непосредственно на внутренней ситуации в стране из-за географической и стратегической важности Йемена.

Йеменский кризис характеризуется сложным, многогранным и взаимосвязанным процессом, который состоит из внутренних и внешних политических игроков. Внутренний проявляется в борьбе за власть между йеменскими политическими силами, а внешний в противоречиях и региональных конфликтах, в частности между Саудовской Аравией и Ираном, которые конкурируют за региональную роль и стремятся расширить свое влияние в регионе в условиях процесса постепенного перехода к новому многополярному мировому порядку.

Несмотря на поддержку США, Великобритании и Франции военной компанией, которая ведется Саудовской Аравией, данная операция по мнению многих наблюдателей не привела к конкретным результатам.

Политический исследователь Адам Барон отмечает: «Хотя Аль-Хути и их союзники были вынуждены отказаться от своих стремлений в контроле над Аданом, самый важный город на юге Йемена, и, отступая в ряд других областей в провинциях Аль-Джауфе и Марибе на северо-западе страны, они по-прежнему остаются самой сильной силой в Санае, а также в важных частях города Таиз и на побережьях красного моря» [6].

Стоит отметить, что несмотря на успехи на местном уровне, которые добиваются Аль-Хути и их союзники в сохранении контроля над широкой частью Йемена, включая столицу, не привело к международному призна-

нию. Они осознают, что резолюция ООН явно признает правительство Хади как единственную законную власть в стране.

В свете происходящих событий в Йемене и при изменении политической игры в стране, становится трудно определить, кто правит Йеменом?

На сегодняшний день легитимная власть в Йемене имеет сильную поддержку со стороны соседних стран. На самом деле, регионализация конфликта было неизбежна. Саудовской Аравии чувствует себя ограниченной, в некоторой степени, сдерживать внешнюю политику Ирана, по крайней мере, в двух больших вопросах. Первый, иранское ядерное соглашение с западом. Второй, иранская роль в Ираке. Первый вопрос был решен без прямого вклада со стороны Саудовской Аравии, в то время как иранская роль в регионе является самым большим вызовом в ближайшем будущем, после приветствия западных держав вмешательства Тегерана в Ирак.

Йеменский аналитик Абу Удел С. отмечает, «что существует два правителя, управляющих Йеменом, Южная часть страны находится под контролем и управлением легитимной власти президента Хади, а Северная часть на сегодняшний день разделена на три части. Первая часть под контролем партии Ислаха (Братья-мусульмане), контролирующая нефтяной город Мариб, данная партия является союзником арабской коалиции во главе Саудовской Аравии. Вторую часть можно охарактеризовать как зону вооруженных конфликтов, что происходит в Таизе, Иббе и Байде. Третья часть это йеменская столица Сана и другие города, где проживают в основном «Зейд́иты»¹, находящиеся под контролем Аль-Хути и их союзников, силы бывшего президента Салеха» [1].

Важно подчеркнуть, что Южная часть Йемена, де-юре находится под контролем правительства легитимного президента Хади, де-факто арабской коалиции (Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты), в частности, речь идет о таких важных городах как Адан и Хадрамаут.

Если сравнить успехи правительственных сил и их союзников за 2015–2016 гг., то в середине 2015 г. они могли вернуть под свой контроль временную столицу Адан и другие города, как Лахдж, Абьян и Дали, а в течении 2016 года эти силы не достигли необходимого прогресса. Освобождение города «Аль-Мукалла», столицы провинции Хадрамаут, от Аль-Каиды, остается самым выдающимся прогрессом за прошедший год [4]. К началу 2017 г. началась боевая операция под названием «Золотое Копье» при поддержке арабской коалиции, данная операция увенчалась успехом для правительственных войск результатом которой стало возвращение под свой контроль города Мокко и Дубаб, находящиеся к западу от провинции Таиза на берегу Красного моря, тем самым обеспечивалась безопасность стратегического пролива Баб аль-Мандеб и коридора международного судоходства [2].

¹ Зейд́иты — приверженцы одной из умеренных шиитских сект.

Очевидно и несомненно, что для правительственных войск важно начинать новый год с успехом и контролем над большой территорией страны, (см. Карту) при этом, данный успех будет лишать Аль-Хути от самого важного козыря при будущих переговорах, который на протяжении долгого времени угрожал международному сообществу – международные судоходные пути.

С другой стороны, при анализе зоны контроля Аль-Хути и силы Салеха в Йемене, то можно сказать, что в начале 2017 г. данные силы защищают только контролируемые ими районы с первых месяцев войны и не расширяют свои зоны контроля. Одной из причин уменьшения расширения Аль-Хути является сильные удары, нанесенные арабской коалицией. Важно отметить, что потеря береговой линии вдоль Красного моря, которая раньше была источником силы Аль-Хути и их союзников, существенно повлияет на их дальнейшие действия, поскольку порт являлся одним из самых важных пунктов по поставке оружия.

Следовательно, стало ясно и очевидно, что по своей структуре йеменский кризис сложный и отличающийся от тех событий, которые происходят в Сирии, Ираке и Ливии. Отличие заключается в политическом, географическом и военном измерении, также по количеству игроков в данном кризисе. Некоторые рассматривают Йемен как пригодной ареной для экскрементов оружия и лучшей проверкой боеготовности, или как карта для давления и получения политических выгод, а другие для утверждения своего права руководствовать регионом.

Таким образом, можно сказать, что присутствуют все условия для продолжения йеменского кризиса. Правительственные силы добились большего успеха при возврате территориального контроля, также растут их военные возможности, благодаря растущим поставкам оружия, военной и гуманитарной помощи через контролируемый правительственными сила-

ми районы. Но Аль-Хути и их союзники продолжают бороться в условиях военной кампании против них. Вместо этого, они предпочитают присутствие иностранных сухопутных войск, чтобы нанести сильные удары по арабской коалиционной силы во главе Саудовской Аравии. Тем не менее, арабская коалиция не откажется от своей политики в достижении баланса между силой йеменских групп, и тем самым восстановить стабильность в стране.

Библиографический список

1. Абу Удел Салех. Кто управляет Йеменом? // Saspost [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sasapost.com/opinion/who-rules-yemen/> (дата обращения 20.01.2017). На арабском языке.
2. Аль-Камали Закария. Карта контроля и влияния в Йемене. Кто что контролирует? // агентство Anadolu. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://v.aa.com.tr/746432> (дата обращения 11.02.2017). На арабском языке.
3. Ба Алави М.М., Кнапп А.М. Причины и последствия эскалация конфликта в Йемене. // “European Applied Sciences: challenges and solutions”: Papers of the 2nd International Scientific Conference. May 25, 2015, Stuttgart, Germany. С. 81-86.
4. Карта контроля в Йемене в начале 2017 г.. Кто что контролирует? // Yemensaeed [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.yemensaeed.com/news79537.html> (дата обращения 18.02.2017). На арабском языке.
5. Исаев Л. и Коротаев А. Йемен: неизвестная революция и международный конфликт». Мировая экономика и международные отношения, 2015, № 8. - С. 78-88.
6. Откажется ли «Крестного отца» йеменского кризиса от своих амбиции спустя шесть лет революции? // Yemen-press [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://yemen-press.com/news89739.html> (дата обращения 1.02.2017). На арабском языке.
7. Khaled Abdallah and Sami Aboudi. Yemeni leader Hadi leaves country as Saudi Arabia keeps up air strikes // Reuters. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.reuters.com/article/us-yemen-security-idUSKBN0ML0YC20150326> (дата обращения 2.02.2017).
8. Saudi ‘Decisive Storm’ waged to save Yemen // Al Arabiya. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://english.alarabiya.net/en/News/middle-east/2015/03/26/GCC-states-to-repel-Houthi-aggression-in-Yemen-statement-.html> (дата обращения 8.02.2017)

ОБРАЗ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ И ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЯХ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ Г. ЯКУТСКА

П. М. Егоров

*Кандидат политических наук,
научный сотрудник,
Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных
народов Севера СО РАН,
г. Якутск,
Республика Саха (Якутия), Россия*

Summary. The article presents the results of a sociological survey conducted among students in the Republican Lyceum of Yakutsk on their attitude to the events taking place in Ukraine and Syria, Russia's participation in these conflicts. A high level of interest exhibited by the students to the subject has been identified. The influence of local media on the position occupied by students about the role of Russia in this conflict is shown. The main elements of the Ukrainian and Syrian conflicts in the minds of students are analyzed. The importance of the formation of stable interest of young people to politics for development of their civil position is concluded.

Keywords: Modern political process; the military conflict in Ukraine and Syria; public opinion; youth; citizenship.

На основе официальных статистических данных и отчетов государственных органов власти изучена социально-демографическая характеристика молодежи Якутии. По данным статистики среди молодежи республики наиболее многочисленны возрастные группы лиц от 20–24 лет – 36 % и от 25–30 лет – 35,7 %, возрастная группа от 14–19 лет составляет 29 %. При этом если в целом по республике наблюдается преобладание женского населения над мужским, то для молодежи наоборот характерно превышение численности мужчин (51 %) над численностью женщин (49 %).

Для выяснения эмоционально-ценностного компонента гражданской идентичности нами были проведены эмпирические опросы среди учащейся молодежи Якутии. Исследования проводились автором в апреле-мае 2014 г. и в октябре-ноябре 2015 г. касающихся событий в Украине и вооруженного противостояния, в Сирии. Опрос проводился среди учащейся молодежи г. Якутска, об их оценке ситуации и возможном сценарии развития, с целью определения их политической осведомленности и уровня гражданской идентичности.

В качестве исходного теоретического материала автору послужили мониторинги общественного мнения среди россиян, периодически проводимые ВЦИОМ касательно украинских и сирийских событий [2].

В своем исследовании мы решили ограничить точку опроса Республиканским лицеем-интернатом при Северо-Восточном федеральном университете им. М. К. Аммосова, в связи с тем, что там обучаются уроженцы

разных районов Республики Саха – Южной Якутии, Западной Якутии, Северной Якутии и Центральной Якутии. Сбор первичной информации осуществлялся путем сплошного анкетного опроса среди учащихся 10 и 11 классов. Сбор первичной информации осуществлялся путем сплошного анкетного опроса среди учащихся 10 и 11 классов. В 2014 г. объем выборки составил – 100 респондентов, в том числе 60 юношей и 40 девушек в возрасте от 14 до 17 лет. В 2015 г. объем выборки составил – 102 респондента, в том числе 52 юноши и 50 девушек в возрасте от 14 до 17 лет.

В 2014 г. с целью определения уровня интереса учащихся к современным политическим процессам и к событиям в Украине в частности мы задали вопрос: «Следите ли Вы за ситуацией на Украине?». С полученных ответов выяснилось, что лишь четверти (24 %) респондентов все равно, что твориться на Украине. Остальная часть респондентов в той или иной мере следит за происходящими событиями в Украине. Так постоянно следят за происходящими событиями 17 % респондентов, время от времени 39,5 % и ответ: «про это все пишут и говорят – даже если не хочешь, будешь следить» дали 20 %.

В 2015 г. нами был задан аналогичный вопрос с целью определения уровня интереса учащихся к данной проблематике мы задали вопрос: «Следите ли Вы за ситуацией в Сирии?». Однако в отличие от событий в Украине за ситуацией в Сирии следит гораздо меньше молодежи. С полученных ответов выяснилось, что трети (32 %) респондентов все равно, что твориться в Сирии. Остальная часть респондентов, в той или иной мере следит за происходящими событиями в Сирии. Так постоянно следят за происходящими событиями 5 % респондентов, время от времени 39 % и ответ: «про это все пишут и говорят – даже если не хочешь, будешь следить» дали 24 %.

В 2014 г. основным новостным источником информации об украинских событиях для молодых якутян является телевидение 47 %. Также высок уровень информативности из интернет изданий 45 % и социальных сетей 43 %. По каналам радиовещания только 4 % респондента узнает новости, так как на сегодняшний день радиовещание не является сколько-либо значимым информационным каналом для получения контента молодежью. Лишь 12 % молодых якутян ответили, что они не следят за событиями в Украине и не читают новости.

Главным новостным источником информации о сирийских событиях для молодых якутян является телевидение 53 %. Также высок уровень информативности из интернет изданий 30 % и социальных сетей 15 %. По каналам радиовещания только 1 % респондентов узнают новости, так как на сегодняшний день радиовещание не является сколько-либо значимым информационным каналом для получения контента молодежью. Однако 30 % молодых якутян ответили, что они не следят за событиями в Сирии и не читают новости. Результаты нашего исследования в целом коррелируют

с данными полученными ВЦИОМ в ходе социологических опросов касающихся событий в Сирии [5].

Важнейшим событием на тот момент в Украине стало проведение 16 марта 2014 года референдума о присоединении АР Крым к Российской Федерации. Как видно из рис.1. это событие в той или иной мере поддерживали 83 % учащихся, были против 7 % и затруднились ответить 11% респондентов. Результаты нашего исследования в целом коррелируют с данными полученными ВЦИОМ и ФОМ в ходе совместного опроса проведенным в канун референдума в марте 2014 года, когда 91 % россиян одобряли присоединение Крыма к России, 5 % были против, остальные не смогли определиться [6].

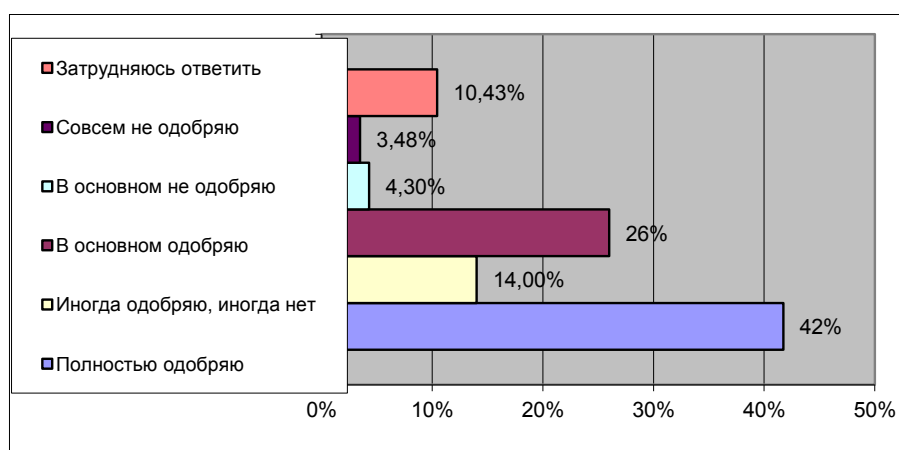

Рис. 1. Как Вы относитесь к присоединению Крыма к России?

Положительно на вопрос: «Считаете ли Вы Крым Россией?» ответили 75 % молодых якутян. Лишь 4 % учащихся посчитали, что Крым это еще не Россия, четверть респондентов (47 %) затруднилась сказать что-то определенное в этой связи.

Но при этом согласно большинство школьников (60 %) затруднилось ответить на вопрос: «Поддерживаете ли Вы территориальную целостность Украины?». Лишь 21,4 % ответили, что они не поддерживают территориальную целостность Украины.

Одним из важных этапов в эскалации конфликта в Украине, стала катастрофа малазийского Боинга 777 в небе над Донецком, обе противостоящие стороны обвинили в подбитии самолета друг друга. Страны Запада обвинили при этом Россию и незамедлительно ввели дополнительные санкции. Однако как мы видим из рис. 2. большинство молодых респондентов считают виновными в этом Украинских военных и НАТО.

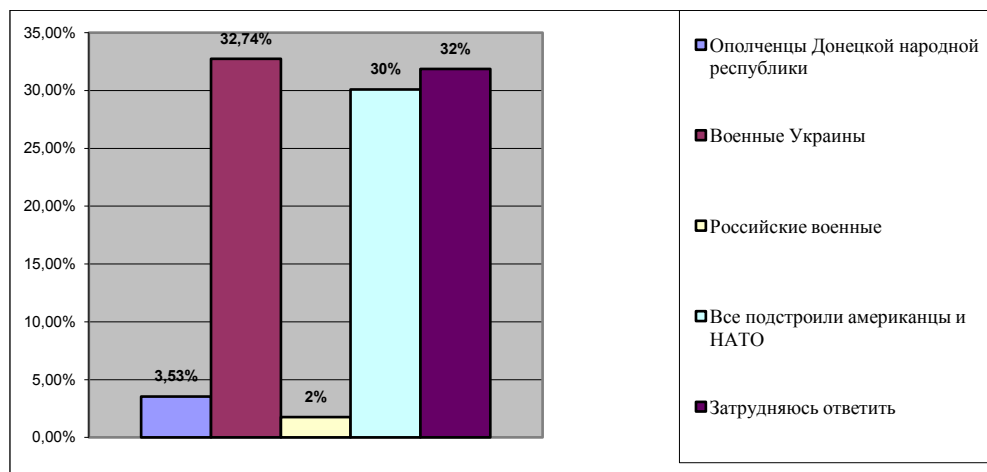

Рис. 2. Как Вы считаете кто сбил малазийский Боинг 777 в небе над Донецком?

Теперь обратимся непосредственно к оценке деятельности Президента РФ В. В. Путина по украинскому вопросу, что позволит выявить не только мотивы критических настроений респондентов, но и ожидания молодежи в отношении новых приоритетов в его деятельности. Результаты опроса показывают, что в спектре мнений опрошенного массива отражается вся сложность социально-политической ситуации.

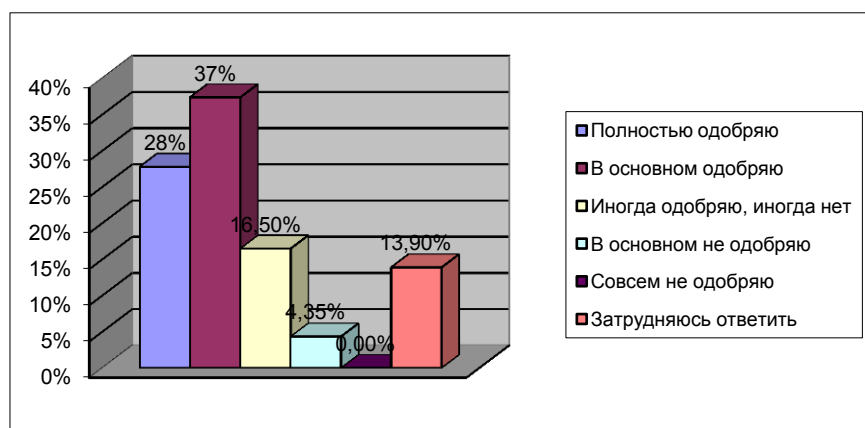

Рис. 3. Одобряете ли Вы деятельность Президента РФ В.В. Путина по украинскому вопросу?

Как видно из графика на рис. 3 большинство молодежи 81,5 % в той или иной степени поддерживает политику Президента России.

Существенная поддержка политики Президента России по украинскому вопросу стимулировал интерес к другому аспекту общественного внимания к более активному участию России по предотвращению гражданской войны в Украине. С этой целью мы задали учащимся вопрос: «Как Вы считаете должна ли Россия вмешаться для того чтобы остановить гражданскую войну в Украине?» Опрос показал существенный разброс мнения молодых якутян на данный вопрос. 34,5 % – опрошенных уверены

в том, что Россия должна вмешаться, 39 % – нет и 27 % еще не определились со своим ответом.

Весной 2014 года западные страны, обвинив Россию во вмешательстве внутренние дела Украины стали вводить экономические санкции. Нам представилось интересным как отреагируют молодые люди на данные действия Запада. Мы получили довольно таки большой разброс мнений учащихся на данный вопрос. Большинство учащихся – 39 % не боится введения санкций, четверть опасается их введения, 12 % – уверены, что санкции коснутся только высших должностных лиц и 26 % затруднились, что-либо ответить по этому поводу.

Большинство школьников затруднились ответить на вопрос о том «Чем завершиться вооруженное противостояние в Донецке?» (рис. 4). Это можно объяснить тем, что на момент опроса, зима 2014 года в течение лета и осени произошла эскалация конфликта, и он перешел в активную фазу открытого военного противостояния. В начале сентября 2014 года было заключено соглашение о перемирии, после чего интенсивность боевых действий снизилась, однако на отдельных направлениях столкновения и обстрелы продолжались.

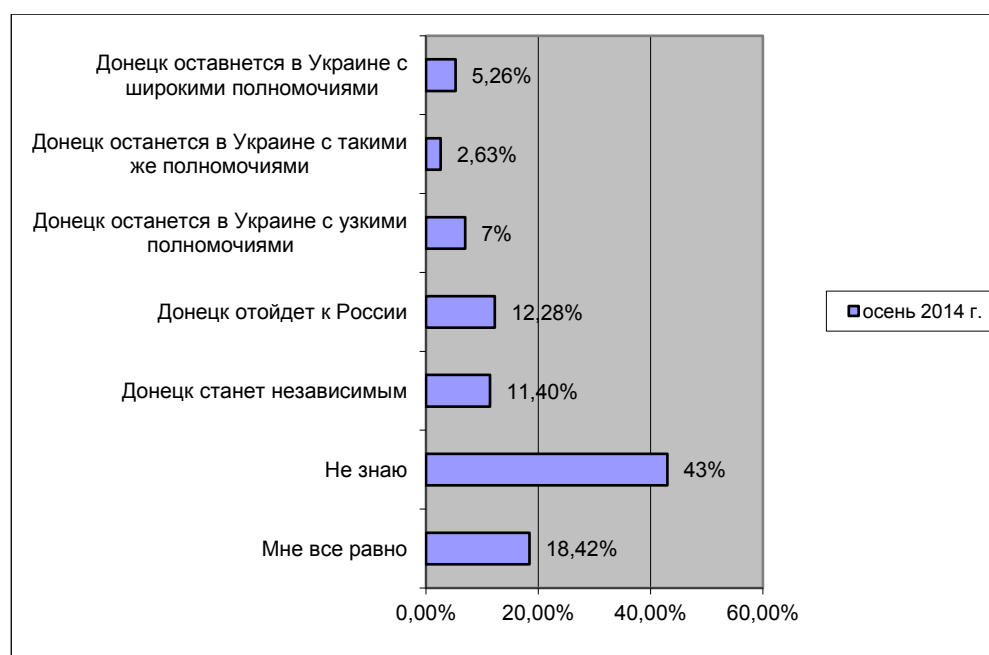

Рис. 4. Чем завершиться вооруженное противостояние в Донецке?

Волна «арабской весны» прокатившись чередой революций по арабскому миру, докатилась до Сирии и перешла затем в открытое вооруженное вторжение, на протяжении нескольких лет с участием различных государств, и привлекает все большее внимание наших граждан. Настоящая статья обобщает результаты исследования проводившегося автором в октябре-ноябре 2015 г. после эскалации конфликта в Сирии и перерастания ее в открытое вооруженное противостояние с участием различных госу-

дарств региона, а также с началом участия Военно-космических сил Российской Федерации в бомбардировках террористического Исламского государства. Однако фигура сирийского лидера Башара Асада не вызывает никаких эмоций у большинства респондентов – 63 %, сочувствуют ему как союзнику России 7 %, симпатизируют ему как политику 5 % ответивших и относятся отрицательно всего лишь 2 % молодых респондентов, а также затруднились с ответом почти четверть – 23 %. Положительно на вопрос: «Способен ли Башар Асад найти выход из сложившейся в Сирии ситуации?» ответили всего 20 % молодых якутян. Лишь 9 % учащихся посчитали, что он не способен это сделать и большинство респондентов (71 %) затруднилась сказать что-то определенное в этой связи. Ответы на эти вопросы говорят о том, что Башар Асад, как политический лидер и как личность малоизвестен молодому поколению России в целом.

Также большинство школьников (51 %) затруднилось ответить на вопрос: «Должна ли Россия, на Ваш взгляд, поддерживать режим Башара Асада?», 17 % опрошенных учеников выбрали ответ, что России лучше дистанцироваться от ситуации в Сирии и не поддерживают территориальную целостность Сирии, и 28 % ответили, что его надо поддержать так как он является законно избранным президентом и борется с ИГИЛ, и лишь 4 % ответивших выбрали ответ «нет, существование диктатуры – одна из причин, по которой война не заканчивается».

Участие российских Военно-космических сил в ударах по позициям боевиков в Сирии привлекло наше внимание непосредственно к оценке деятельности Президента РФ В. В. Путина по сирийскому вопросу. Теперь обратимся непосредственно к оценке деятельности Президента РФ В. В. Путина по сирийскому вопросу, что позволит выявить не только мотивы критических настроений респондентов, но и ожидания молодежи в отношении новых приоритетов в его деятельности. Результаты опроса показывают, что в спектре мнений опрошенного массива отражается вся сложность социально-политической ситуации.

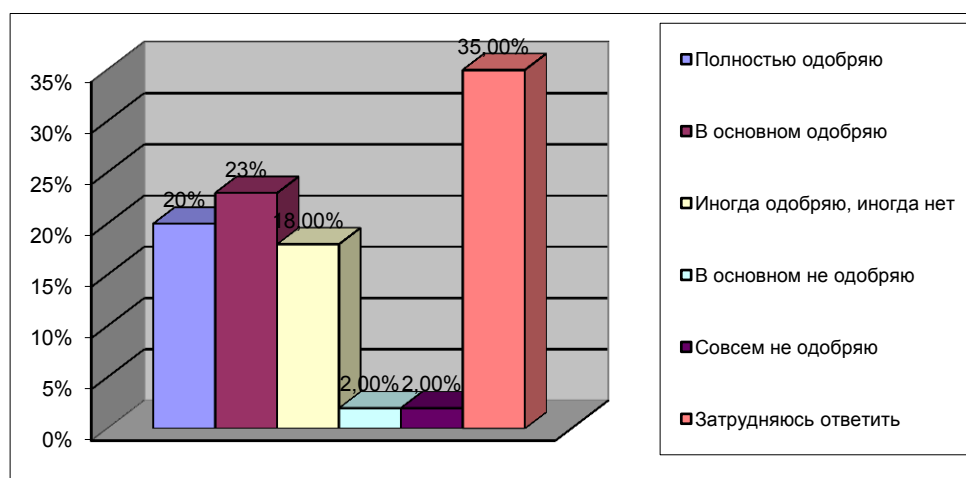

Рис. 5. Одобряете ли Вы деятельность Президента РФ В.В. Путина по сирийскому вопросу?

Как показало исследование большинство молодежи 61% в той или иной степени поддерживает политику Президента России. Так полностью одобряют деятельность Президента РФ В. В. Путина по сирийскому вопросу 20 % опрошенных, 23 % ответили, что в основном одобряют, и одобряют в некоторых отдельных вопросах 18 % молодых граждан и не одобряют в целом и частично деятельность Президента РФ 4 % ответивших. Затруднились со своим ответом 35 % учащихся.

Существенная поддержка политики Президента России по сирийскому вопросу вызвало у нас интерес к другому аспекту общественного внимания к участию России по предотвращению гражданской войны в Сирии. С этой целью мы задали учащимся вопрос: «Как Вы считаете должна ли Россия вмешаться для того чтобы остановить гражданскую войну в Сирии?» Опрос показал существенный разброс мнения молодых якутян на данный вопрос. 39 % – опрошенных уверены в том, что Россия должна вмешаться, 26 % – что Россия не должна вмешаться и 35 % еще не определились со своим ответом.

Для того, чтобы понять, какого рода помощь Сирии молодежь считает наиболее допустимой респондентам был задан следующий вопрос. Можно было выбирать несколько вариантов ответов. Так большинство учащихся считает приемлемым оказание гуманитарной помощи Сирии – 38 %, участие в спецоперациях против ИГИЛ – 26 %, дипломатическая поддержка в переговорах – 26 %, поддержку военными экспертами – 18 %, продажу оружия выбрали по 18 % опрошенных.

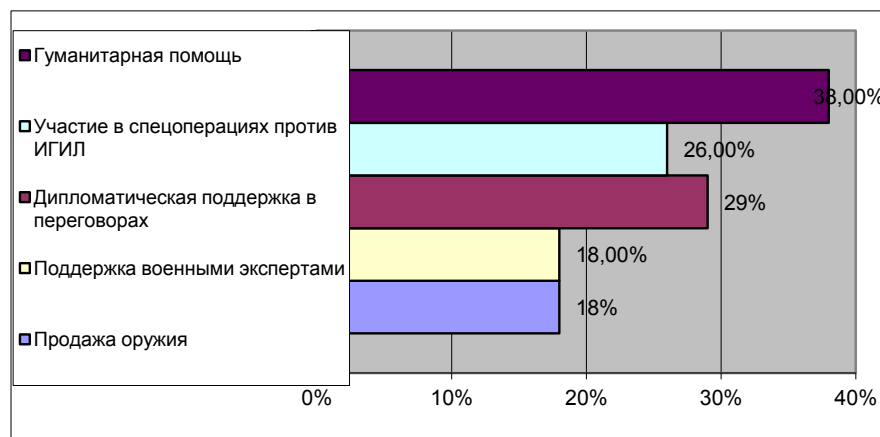

Рис. 6. Какого рода помощь Сирии Вы считаете допустимой?

Судя по ответам большинство респондентов выбирают оказание гуманитарной и дипломатической помощи народу и правительству Сирии, возможно опасаясь развития ситуации по афганскому сценарию из-за дальнейшего активного военного участия России, или возможных ответных терактов внутри страны со стороны ИГИЛ.

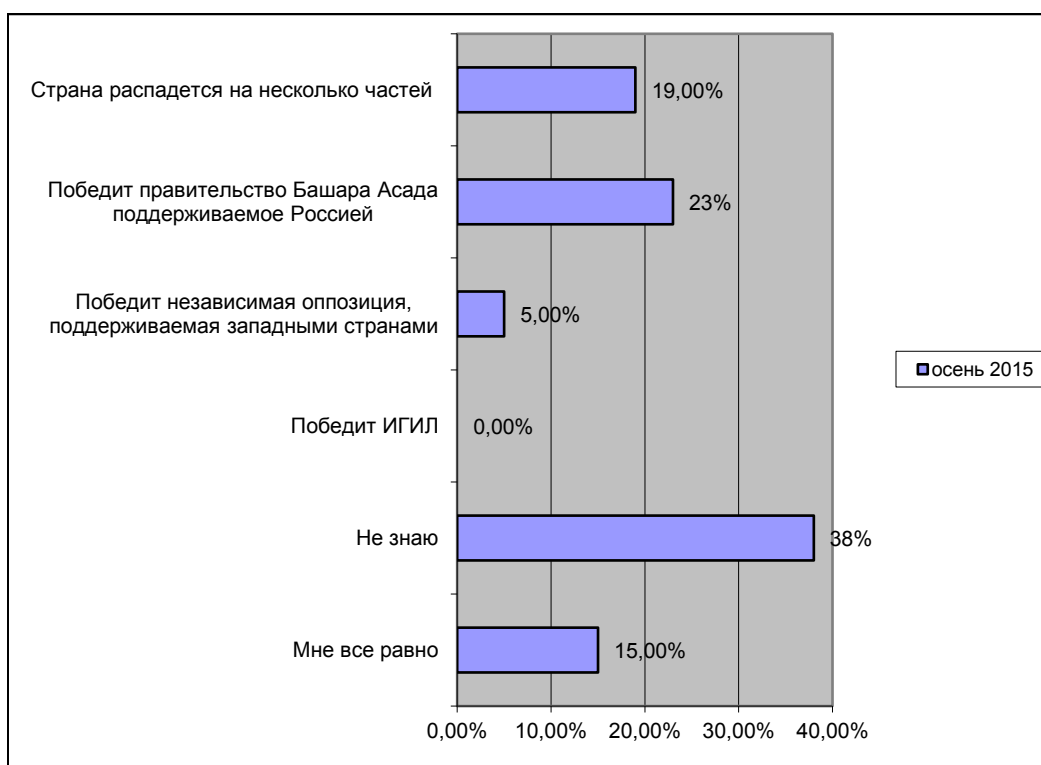

Рис. 7. Чем завершиться вооруженное противостояние в Сирии?

На вопрос о том «Чем завершиться вооруженное противостояние в Сирии?». В победу правительства Асада верят 23 % молодых граждан, в реальность победы его противников не верит никто. Это можно объяснить тем, что в начале октября 2015 года в вооруженном конфликте на стороне правительственных войск и для поддержания режима Башара Асада стали участвовать Военно-космические силы России, после чего правительственные войска перешли в наступление. Зато почти четверть 19 % респондентов полагает, что Сирию ждет продолжительная гражданская война и страна, скорее всего, распадется на несколько частей или победит независимая оппозиция, поддерживаемая западными странами – 5 %. Сторонников обеих точек довольно много.

При этом 15 % респондентов все равно, что происходит в Сирии, а большинство школьников (38 %) не определились в своей позиции. Эти два последних показателя говорят о высокой степени аполитичности молодых граждан, об отсутствии интереса в целом на происходящие геополитические процессы в стране и в мире.

Как правило, любая гражданская война является не просто военным столкновением двух сторон в данной стране, но происходит при поддержке и заинтересованности тех или иных иностранных государств. На сегодняшний день военный конфликт в Сирии давно мог бы быть завершен победой правительственной армии верной Башару Асаду, если бы заинтересованные в смене власти в Сирии внешние силы открыто бы не поддерживали оппозиционные и радикально настроенные исламистские группи-

ровки в материальном, кадровом, и в военно-техническом отношении, что понимают в целом все опрошенные респонденты [1].

В целом, результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о том, молодые якутяне в основном получали информацию о событиях в Украине и Сирии через Телевидение и Интернет, большинство из числа учащихся поддерживало присоединение Крыма к России. Учащиеся надеялись на прекращение конфликта в Украине, переход к мирному сосуществованию. В связи с этим они ждали от политического руководства страны энергичного решения вопросов безопасности, защиты интересов и спокойствия населения России. Следует отметить, что в настоящее время во всех развитых странах мира безопасность и стабильность существования стала одним из основных приоритетных требований населения к власти, в т. ч. и молодежи.

Библиографический список

1. Густерин П.В. Сирия без Асада- Сирия без суверенитета // Arabinform: The International Journal of Arab Studies. URL: http://arabinform.com/publ/sirija_bez_asada_sirija_bez_suvereniteta/113-1-0-1117 (дата обращения: 3.12.15).
2. Конфликт в Сирии и политика России // сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения ВЦИОМ. Пресс-выпуск №2438. 24 октября 2015. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114576> (дата обращения: 12.11.15).
3. Лобанов К.Н., Моисеев В.В. Гражданская война в Сирии и геополитические интересы России в ближневосточном регионе // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. № 6. Т. 10. С. 103-106.
4. Махнев С.Д. Угрозы конфликта в Сирии для национальной безопасности РФ // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 1 (2). С. 345-350.
5. Наши в Сирии: первый опрос // сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения ВЦИОМ. Пресс-выпуск №2949. 9 октября 2015. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115423> (дата обращения: 12.11.15).
6. Российское общественное мнение о Крыме. Совместный телефонный мегаопрос ФОМ и ВЦИОМ о Крыме // Сайт Фонд Общественное Мнение ФОМ. 17 Марта 2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/Mir/11401> (дата обращения: 8.12.14).
7. Степанова Е.А. Вооруженный конфликт в Сирии и политика России // Пути к миру и безопасности. 2012. № 2 (43). С. 7-25.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕКЛАМА НА ОСНОВЕ ИНСТРУМЕНТАРИЯ МАРКЕТИНГА СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

О. В. Иванченко
А. А. Кузнецова
Д. А. Алтанец

*Кандидат экономических наук, доцент,
студенты,
Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ),
г. Ростов-на-Дону, Россия*

Summary. The article discusses the development of modern political advertising on the basis of social media marketing. The authors describe examples of successful use of social media in election campaigns. For politicians all over the world the Internet and social networks are an effective tool to communicate with voters. The development of social media marketing leads to the fact that the modern politician must have all media channels impact on voters – the website and pages on popular social networks.

Keywords: political advertising; social network social media marketing; promotion.

Политическая реклама – это сообщение рекламного характера с целью рассказать и повлиять на мнение (выбор) общества (избирателей) в пользу того или иного политического объекта, личности, события. Она призвана формировать общественное мнение или призывать к чему-то, формировать имидж людей или программ, взгляды и даже просить поддержку или помощь у населения по какому-то общественному вопросу. При этом, одними из основных объектов политической рекламы являются политические деятели и партии.

В настоящее время политической рекламе присущи все основные черты и тенденции развития коммерческой рекламы. С распространением современного информационно-коммуникационного пространства и формированием информационного общества актуальность политической рекламы на основе инструментария маркетинга социальных медиа (SMM) приобретает особое значение. SMM – это новый, но очень перспективный способ продвижения политических идей или кандидатов при помощи форумов, блогосферы, социальных сетей, сервисов мгновенных сообщений, то есть всех доступных на сегодняшний день социальных медиа-каналов [2]. В этой связи изменения, происходящие в социальной сфере общества, требуют от политических лидеров активных действий в информационном поле всемирной сети.

Для политиков всего мира Интернет в целом, и социальные сети в частности, давно стали инструментом взаимодействия с избирателями, с помощью которого можно выиграть выборы, рассказать электорату о новом политике, освятить, как решаются актуальные проблемы государства. Преимущество использования социальных сетей для политиков всего мира заключается, прежде всего, в том, что с их помощью можно воздействовать на широкие массы максимально эффективно [6].

Примером активного использования социальных медиа в избирательной кампании является 45 президент США Дональд Трамп, который заявил, что Facebook и Twitter помогли ему победить. В целом, победа Дональда Трампа на президентских выборах в США стала настоящей бомбой в социальных сетях, где, по мнению экспертов, 90 % процентов контента в день объявления результатов было посвящено именно этому событию [1].

Во время избирательной кампании страница Д. Трампа в Facebook была самая многочисленная по количеству подписчиков. Почти в два раза меньше подписчиков было у кандидата Б. Сандерса, а у Х. Клинтон ещё меньше. Страница Д. Трампа также является безусловным лидером с точки зрения вовлечённости, то есть по общему количеству комментариев, лайков и перепостов к публикациям, по сравнению с конкурентами. Эффективное использование Д. Трампом социальных медиа помогло ему выиграть выборы, преодолев насмешки как внутри партии, так и со стороны демократов, к тому же для всего мира он стал самым узнаваемым человеком, ещё задолго до объявления результатов выборов [5].

Социальные медиа играют все большую роль и в нашей стране, поэтому присутствие политиков в социальных сетях во многом уже имеет место в России, хотя их развитие находится на более низком уровне, чем в других странах.

Среди российских политиков наиболее активно использует социальные сети Председатель Правительства РФ Д. А. Медведев. Как известно, команда политика прилагает немало усилий для создания эффективного имиджа в социальных сетях. Например, количество подписчиков страницы Д. А. Медведева в социальной сети «ВКонтакте» на сегодняшний день составляет 2,2 миллиона человек, в русскоязычном Twitter более 5 миллионов, в сети Facebook более 1,5 миллионов подписчиков.

Профиль политика в сети «ВКонтакте» можно рассматривать как «образцовый» по следующим причинам. Во-первых, наличие подробной анкеты, где содержится информация и о личных интересах и увлечениях, во-вторых, – качественный аватар, а также содержательный и постоянно обновляемый контент (текстовые посты сопровождаются фотографиями, ссылками, видеозаписями), наличие на странице фотоальбомов, видеозаписей, примечательна и подборка «Интересных страниц» (среди них наиболее популярные Интернет-СМИ и официальные паблики органов государственной власти) [6].

При рассмотрении профилей политиков регионального уровня или политических партий, можно сделать вывод об очень низкой активности российских политиков в социальных сетях.

По мнению экспертов, политтехнологи и руководители избирательных кампаний так и не смогли освоить новые медиа, которые активно используются на Западе, но в отечественном политическом процессе до сих пор воспринимаются с большим скепсисом. Эксперты Проектного центра

«Инфометр» провели исследование аккаунтов политических партий в социальной сети «ВКонтакте» в 2016 году, которое показало низкую активность партий, большое количество ботов в сообществах, а также отсутствие мобилизационного потенциала данных пабликов [4].

Региональные политики, к сожалению, редко используют социальные сети как инструмент взаимодействия с избирателями. Например, Губернатор Ростовской области Голубев В. Ю. имеет страницу только в социальной сети Twitter, где у него почти 72 тысячи подписчиков. Ни Глава Администрации г.Ростова-на-Дону Кушнарев В.В., ни Председатель Законодательного собрания Ростовской области Ищенко А. В. не зарегистрированы в популярных социальных сетях.

Резюмируя вышесказанное укажем, что социальные медиа играют все более существенную роль в политической рекламе. Важность изменений, которые происходят в медиа и маркетинге, носит глобальный и непрекращающийся характер. Маркетинговая деятельность в Интернет-пространстве постоянно развивается с появлением новых информационно-коммуникационных технологий [3]. Поэтому, современный политический деятель должен иметь все основные каналы воздействия на аудиторию – собственный сайт и собственные страницы в социальных сетях: в Вконтакте, Facebook, Instagram, блог в ЖЖ, Twitter. Наличие всех вышеперечисленных каналов трансляции информации в интернете позволит поддерживать постоянное взаимодействие с аудиторией с целью формирования необходимого имиджа политика, поддержания интереса к медийной персоне и в конечном итоге привлечет потенциальных избирателей.

Библиографический список

1. Facebook и Twitter помогли победить Д.Трампу URL: <https://3dnews.ru/942663>(дата обращения 02.03.2017г.)
2. Иванченко О. В., Ранняя А. Г., Бессонова А. А. Маркетинг социальных медиа на основе платформы Instagram // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 11. С. 3126–3130. URL: <http://e-koncept.ru/2016/86661.htm> (дата обращения 02.03.2017г.)
3. Иванченко О. В. Развитие Digital-маркетинга в современном информационно-коммуникационном пространстве // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2016. № 21. С. 64-67.
4. Карягин М. Асоциальные сети: почему политики не работают в новых медиа URL: <http://www.forbes.ru/mneniya/vertikal/328571-asotsialnye-seti-pochemu-politiki-ne-rabotayut-v-novykh-media> (дата обращения 03.03.2017г.)
5. Социальные сети помогли Трампу стать президентом URL: <http://www.cossa.ru/152/145969/>(дата обращения 02.03.2017г.)
6. Электоральные технологии в мире URL: <http://elect-assist.ru/elektoralnye-texnologii-v-mire/>(дата обращения 02.03.2017г.)

ФЕНОМЕН ПОЛИТИКИ ОБЕЗЛИЧИВАНИЯ И УНИФИКАЦИИ МАСС, УТВЕРЖДЕНИЯ ПРОНАЦИСТСКИХ И НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ: НА ПРИМЕРЕ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

Е. И. Кубракова

*Кандидат исторических наук, доцент,
Волгоградский государственный
социально-педагогический университет,
г. Михайловка, Волгоградская область,
Россия*

Summary. This article focuses on the processes of formation of Nazi and nationalist regimes in Western and Eastern Europe in the twentieth century, the problem of rebirth in the twenty-first century in the Ukraine, the main causes and consequences.

Keywords: Nazism; nationalism; youth organizations; psychology of the masses; ideology; religion.

Феномен обезличивания масс изучается не одно десятилетие. Наибольший эмпирический материал предоставляет история Германии, а именно период связанный с возникновением и развитием Третьего Рейха. Весь период, с момента становления национал-социалистического режима в 1933 г. до его гибели в 1945 г. составляет двенадцать лет. В масштабах истории не самый долгий период существования политического режима. Например: режим Салазара в Португалии и Франко в Испании просуществовали 36 лет. Но, не один из существовавших пронационалистических режимов, кроме Третьего Рейха не сформировал все элементы, позволяющие определить их в качестве нацистских (Например: Франко отказывался принимать антисемитское законодательство – прим. автора). Нацистский режим успешно дополнялся тоталитарным устройством государства в Германии в 1933–1945 гг. Одним из факторов становления подобного рода политических систем является процесс обезличивания и унификации масс [5; 6]. Для достижения подобного результата оформляется две схемы действия, которые условно можно определить как «обезличивание нации-носителя идеи (этнической группы)» и «обезличивание наций-антиподов». Первым этапом для унификации и обезличивания нации, которую определили в качестве носителя идеологии национализма, является процесс культурной изоляции, или формирование «закрытой культуры», неспособной к полноценному обмену информацией и отличающейся определенной агрессией. Для этого выдвигается идея «нации – врага», с которым необходимо бороться до полного уничтожения. В Третьем Рейхе подобными врагами определили евреев, поляков, цыган и т. д., постепенно расширив круг и разделив все нации по принципу «ариец» и «неариец» [3]. При этом к последней категории относилось большинство наций планеты. Борьба с «врагом» становится необходимым условием формирования нацистской «уни-

системы». Этапы эволюции тоталитарного общества и государства неоднократно подвергались анализу и описанию [2]. Выделим только наиболее важные, на наш взгляд, элементы, такие как единый центр управления и координации, проведение единой «молодежной политики» и устранение всех потенциальных «внутренних» врагов.

Процесс обезличивания наций – антиподов, «наций-врагов» достаточно точно представлен в работе российского психолога И. Латынова «Как из личностей сделать биомассу». Основными этапами выступают: выполнение «бессмысленной работы», введение принципа действия взаимоисключающих правил, который обязательно приведет к нарушению, принцип коллективной ответственности, вера в то, что от человека или коллектива ничего не зависит, принцип самоустранения, преступление личностью «последней внутренней черты» [4].

В XXI веке, после объявления окончательной победы либеральных и демократических ценностей и принципов в большинстве государств Европы, Северной и Южной Америк, Азии, проблема возрождения ультранационалистических движений, партий и государственных режимов становится одной наиболее актуальной. Апрель 2014 г. считается отправной точкой начала гражданской войны на Украине. Её предысторией можно считать активизацию националистических движений в республиках СССР в конце 80-х гг. XX в., и в частности, на Украине. Определенного рода предпосылкой считается и раскол Украины на два типа культуры «закрытую» – западно-украинскую, и «открытую» – восточно-украинскую. Данная ситуация всегда определяла два типа легитимизации власти – по принципу национальной идентичности для Западной Украины, и по принципу рационализма для Восточной Украины. Политическая победа в феврале 2014 г. закрытого западно-украинского типа культуры привела к становлению националистического режима на Украине и, как следствие, процесса унификации и обезличивания масс (марши и митинги националистов в городах Украины, создание Института национальной памяти и героизация представителей националистических движений 30–40-х гг. XX века и т. п.). Определили и «нацию-врага» – русских. Подобная ситуация привела к активизации гражданской позиции на Востоке Украины, в местах компактного проживания русского и русскоязычного населения, и военным столкновениям между представителями украинских националистов и защитниками «русского мира». Украина как поликультурное и полиэтническое государство перестала существовать.

Пример национал-социалистической Германии 30–40-х XX века доказывает бесперспективность существования подобного рода режимов, при всем внезапном успехе, основанном на обезличивании масс. Личность и нации утрачивают творческую энергию, способность созидать, что приводит к краху государства.

Библиографический список

1. Кнопп Г. «Дети» Гитлера. URL:http://royallib.com/book/knopp_gvido/deti_gitlera.html (дата обращения: 02.02.2017)
2. Кормилицын С. Третий рейх. Гитлер-юнгенд//URL: <http://profilib.com/chtenie/19391/sergey-kormilitsyn-trety-reykh-gitler-yugend.php> (Дата обращения: 27.01.2017)
3. Кунц К. Совесть нацистов// URL: http://krotov.info/lib_sec/11_k/kun/z.htm (дата обращения: 21.11.2016)
4. Латыпов И. Как из личностей сделать биомассу//Живой журнал. URL: <http://tumbalele.livejournal.com/56518.html> (дата обращения: 02.02.2017)
5. Райх В. Психология масс и фашизм // URL:<http://www.e-reading.by/book.php?book=4757> (дата обращения: 02.02.2017)
6. Смит Энтони Д. С 50 Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма / Пер. с англ. А. В. Смирнова, Ю. М. Филиппова, Э. С. Загашвили и др. – М.: Праксис, 2004. – 464 с.
7. Шейнов В.П. Скрытое управление человеком (психологи манипулирования)/В. П. Шейнов. – М.: ООО "Издательство АСТ", Мн.: Харвест, 2001.-848 с.

СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ НАПОЛНЕННОСТЬ НАЦИОНАЛЬНОГО СТЕРЕОТИПА «АМЕРИКАНЦЫ» У СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Л. А. Юшкова

*Кандидат психологических наук, доцент,
Новосибирский государственный
педагогический университет,
Сибирский государственный
университет путей сообщения,
г. Новосибирск, Россия*

Summary. This article presents an analysis of the substantive content of the national stereotype of "Americans" of modern Russian students. Representations identified through association experiment. The survey took place in Novosibirsk, in autumn 2016. Analysis showed the most frequency associations and attitudes of respondents to them.

Keywords: representations of America; representation of Americans; national stereotypes; modern youth.

Сложно переоценить роль национальных (этнических) стереотипов в межэтнических отношениях. Являясь своеобразным социальным конструктом, представление о людях другой национальности во многом определяет отношение людей, не занимающихся профессиональной политикой, к этой национальности и, соответственно, к их стране. Выявлению содержательных компонент национальных стереотипов «американцы» у представителей современной студенческой российской молодежи посвящено настоящее ис-

следование. Данная работа является продолжением изучения образа России и русских, Америки и американцев, проводимых нами ранее [2].

Изучение представлений об американцах проводилось нами методом ассоциативного эксперимента в письменной форме, анонимно. Выборку составили 86 студентов Новосибирского государственного педагогического университета и Сибирского государственного университета путей сообщения, обучающихся по разным направлениям подготовки, возраста 18–20 лет.

Для выражения представлений об Америке и американцах мы попросили студентов, вслед за С. Я. Тер-Минасовой [1], ответить на следующие вопросы:

1. Что вам приходит в голову, когда вы слышите или произносите: Америка?

2. Черты характера американцев?

3. Современная жизнь Америки?

4. Природа, пейзаж Америки?

5. Америка. Имена собственные...

Рассмотрим подробнее ответы студентов на каждый из этих вопросов.

Всего на первый вопрос было получено 432 ассоциации, отказов не было. Наиболее частотными ассоциациями на вопрос **об Америке** стали: 1) Обама – 37 %; 2) Фаст-фуд / еда / гамбургеры и газировка / бургеры / гамбургеры / сэндвичи / картошка фри – 30 %; 3) Кинематограф / кино (хорошее) / Голливуд / голливудские фильмы – 17 %; 4) Американский флаг (флаг) – 16 %; 5) Нью-Йорк (ночной) – 14 %; 6) Свобода / равенство / независимость – 10 %; 7) Штат(ы) – 9 %; 8) Статуя Свободы, Страна – по 8 %; 9) Доллары / деньги / валюта, Выборы, Ожирение / жирные люди / полные люди – по 7 %.

Из приведенных ассоциаций видно, что молодые люди в значительной степени соотносят образ страны с ее президентом, следующими по популярности предстают образы американского образа жизни: еда, кинематограф, флаг и другие. Из психологически значимых описаний можно выделить, пожалуй, лишь «свобода-равенство-независимость», однако сложно однозначно описать этот ответ: остается неясным, описывают студенты декларируемые американские ценности или же действительно так оценивают современную жизнь американцев.

Ответы на вопрос, посвященный описанию **характерологических черт американцев**, распределились так: 1) Доброта – 10 %; 2) Наглость, Патриотизм, Толерантность (временами доведенная до абсурда) – по 7 %; 3) Жадность, Высокомерие, Злость (к русским, озлобленность), Хитрость, Самолюбие / себялюбие – по 6 %; 4) Агрессия / агрессивность, Беспечность / беззаботность, Общительность / коммуникабельность / разговорчивость, Открытость (внешняя), Лицемерие, Целеустремленность – по 5 %; 5) Эгоизм / я во главе, Веселые, Вежливые, Улыбчивость, Зависть, Акку-

ратность, Предприимчивость, Целеустремленность, Скрытность, Свобода, Дружелюбие, Гостеприимность, Грубость – по 3 %

Всего было получено 235 реакций (меньше всего), 8 отказов. В одной анкете была сформулирована причина отказа: «Не знаю, не могу судить о людях, с которыми не общалась лично». Таким образом, видно, девушка, описывая характеристики страны, не довольствуется возможностью абстрактных обобщений социальных стереотипов, а старается описывать свои переживания, связанные с общением с реальными людьми.

В ответах на данный вопрос наблюдается большой разброс ответов, максимально сконцентрированный процент достигает только десяти. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что современные молодые люди стремятся в большей степени анализировать свой опыт, нежели полагаться на распространенные национальные стереотипы. Эта тенденция нам представляется заслуживающей внимания и крайнего поощрения, поскольку именно такая позиция способствует уменьшению негативного влияния стереотипных представлений о какой-либо национальности.

Третий вопрос был о **современной жизни Америки**. На него получено всего 229 ответов, 8 отказов. Ответы распределились так: 1) Технологии (новые) – 8 %; 2) Выборы (президента), Вечеринки / пикники / тусовки / клубы / рестораны, Прогресс (технический), Работа / труд – по 7 %; 3) Рост / развитие, Свобода (выбора во всем), Еда / бургеры / фаст-фуд; 4) Богатство / богатая, Образование (отличное) / учеба, Власть / борьба за власть / смена власти, Война(-ы), Игра политиков / политические проблемы / политика, Спорт, Скорость / темп / гонка, Трудная / тяжело / трудность – по 3 %.

Как видно, молодым людям еще сложнее представить себе современную жизнь Америки. Количество одинаковых ответов не превышает 8%, что говорит о большом разбросе ассоциативных представлений.

Четвертый вопрос был посвящен описанию лексико-семантической группы **«природа, пейзаж Америки»**. На него было получено по всей выборке 274 ответа, было 6 отказов.

Наиболее частотные ответы распределились следующим образом: 1) Города-небоскребы / высотки (закрывающие небо) / многоэтажные дома / высотные здания / города (красивые, большие) – 29 %; 2) Каньоны (большой) – 14 %; 3) Леса(хвойные, красивые) – 12 %; 4) Горы – 10 %; 5) Пляжи(шикарные) – 9 %; 6) Красивая / красота / красиво, Реки, Океан, Пальмы – по 7 %; 7) Парки, Озера(горные), Пустыни, Дома\домики, Водопады (застывшие, Ниагарский), Газоны (ухаженные) – по 6 %; 8) Море, Мегалополисы (шумные, все поглотили), Песок, Поля (кукурузные) – по 5 %.

Нам представляется любопытным, что при описании природы Америки на первое место с большим отрывом (в 15 %) вышло описание городской среды, в то время как при описании природы России современные молодые люди давали ассоциации, связанные с природной средой [3].

И, наконец, последний вопрос был посвящен выявлению ассоциативных реакций в области **имен собственных**. На него всего было получено 265 ответов, отказов не наблюдалось. Ответы на него распределились так: 1) Обама – 53 %; 2) Нью-Йорк – 37%; 3) Вашингтон – 20 %; 4) Дж. Буш – 13 %; 5) Техас – 12 %; 6) Лос-Анджелес – 9 %; 7) Статуя Свободы – 8 %; 8) Кеннеди, Клинтон – по 7 %; 8) Белый Дом, Линкольн, Лас Вегас, Стив Джобс, Трамп – по 6 %; 9) США, Чикаго – по 5 %.

Как и в первом вопросе, наиболее частотным явился образ президента страны, далее студенты назвали два столичных американских города, затем – прежнего президента страны, названия наиболее известных в России городов и штатов. Только по 6 % набрали фамилии современных медийных персон: Д. Трамп, С. Джобс, что, видимо, может косвенно свидетельствовать о том, что мы имеем дело с выражением социального стереотипа, сложившегося ранее, но открытого для коррекции реалиями современности.

В заключение данного исследования можно сказать о том, что современные молодые люди имеют, на наш взгляд, весьма усредненный образ Америки, являющийся в значительной степени отражением национального стереотипа.

Библиографический список

1. Тер-Минасова С.Я. Язык и межкультурная коммуникация. Учебное пособие. – М.: Слово/Slovo, 2000. – С. 624.
2. Юшкова Л.А. Представления современной молодежи о России и Америке: сравнительная характеристика результатов исследований 1992, 1995, 1998 гг. и 2015 г. // Сибирский педагогический журнал. – 2016. – №6. С. 73-78.
3. Юшкова Л.А. Анализ представлений современной российской молодежи о России // Наука вчера, сегодня, завтра: сб. ст. по матер. XLV междунар. науч.-практ. конф. № 4(38). – Новосибирск: СибАК, 2017.

VII. TOPICAL ISSUES OF THE PHILOSOPHY OF RELIGION AND LAW

RELIGION AS A FORM OF CULTURE IN SOCIETY: SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS

V. N. Goncharov

*Doctor of Philosophy, associate professor,
North Caucasus Federal University,
Stavropol, Russia*

Summary. Intensity and heat of polemic led atheists to exaggeration of the religious factor in the cultural and historical development, to an unconditional conclusion that the impact of religion on development of society doesn't promote cultural development. This tendency had extreme forms when the atheism was brought to the level of state policy. Religion was considered as something which was subject to immediate extirpation from public system. Any cultural revolutions, ideological campaigns which are under the aegis of the government break natural process of change of cultural and historical forms, lead to the nihilistic crossing of many cultural layers, to the moral and intellectual impoverishment of development of public system.

Keywords: historical and cultural process; religion; culture; consciousness; morals; socio-political relations; spiritual system of society; social system of society.

Ideological attitude of development of the public relations, as a rule, in most cases of historical and cultural process, assumed to consider religion as something obviously negative and interfered with objective studying of this social phenomenon [7, p. 123–128].

Certainly, there are many facts which are not in this scheme. It is high models of religious art, monastic libraries storing and accumulating knowledge in the Middle Ages. It is also evangelical morals which, despite sharp atheistic criticism, which are still attractive. The thesis about incompatibility of science and religion was resisted by the life itself. However in the conditions of ideological monopoly for the truth it was easy to all these facts to find suitable interpretation or not to notice them at all [8, p. 87–93].

There was also an opposite tendency considering religion as exclusively philanthropic. It is characteristic feature of not only theologians, but also many social scientists, politicians, publicists. The attempt to impose atheism as a compulsory symbol caused the back reaction expressed in the growing interest in religious practices and traditions, theological compositions, temple architecture and painting [15, p. 177–182].

Polemic around the problem of the place and the role of religion in the system of culture of society had a broad public interest and reflected two line items in the relation to religion which had developed in the history of social thought [14, p. 39–44].

The theoretical aspect of this problem assumes that it is easy to enforce both polar estimates of the role of religion in culture by numerous facts, historical examples. So, in particular, denial of positive nature of the Bible moral standards is based on that circumstance that in the Bible there are many texts and judgments which can't be considered moral and humanistic in any way, not to mention that these regulations have a reactionary focus as from olden days protected interests of the people in power. It is simple to give an opposite number of the examples indicative of the positive role of religion.

Probably, it is necessary to look for other solutions of the problem, and not to be limited to a set of accusations or glorifications to religion. For the record, it is hardly fair to allocate the Bible or any other religious moral for the scientific objective analysis. Moral is always human. The Bible has informed us of moral ideas and regulations of the previous generations. Owing to the concrete historical reasons the form of their expression was mainly religious. It can be explained with the fact that the link with the divine origin of moral standards is necessary for giving much bigger authority to them. But, being the proof of relative backwardness of moral consciousness of the certain era, this circumstance can't serve as an argument in support of the thesis about depravity of religion.

The fact that religion has appropriated simple standards of morality is equally doubtful. Religion is a phenomenon of public and individual consciousness and in such quality it is inseparable from other forms of consciousness including morals [13, p. 102–107]. It is more to the point to consider the problem of interrelation and interference of various forms and levels of consciousness, but in any way not to oppose them through concepts, to impose or to appropriate. At the same time it is possible to speak about the same methodological mistake – isolation of religion, its consideration out of the complete context of culture [9, p. 29–31]. There is a possibility to discuss both negative and positive influence of religion on culture and history as certain external factor.

Without trying to give complete definition of religion, we will note that it can be considered as the way of development by the person of the world and understanding of himself in this world. At the beginning of human history this way is almost unique owing to its universality and availability. As development of material bases of activity advances the mankind develops new ways of development of the world; new scientific means of perception have appeared [3, p. 80–85]. They expand possibilities of the person, but they are not exhaustive. Therefore the sphere in which limitation of rational type of thinking is in some way filled up is quite natural [16, p. 12–18]. In this sense the question of a ratio of religion and culture can be solved as follows: the religion is a cultural development form. Each cultural era generates new religious systems or modifications of already existing which reflect features of attitude of people of this era, help them to form consecutive and complete idea of meaning of life and content of historical development of society [1, p. 95–100].

Such understanding of religion allows not only removing a problem of positive or negative impact on culture, but also has another look at relations of religion and moral, religion and art, religion and science. For a certain period of time both the moral, art and science have developed in the context of religious consciousness [5, p. 6–9]. The history gives a set of proofs. So, writing is connected with the need to count temple wealth. The person realized himself at first in images of gods and mythical heroes. Commonly believed that the Christianity brought new vision of the person and society, new outlook. But, probably, it would be more correct to claim what the new humanistic ideas and in general all complex of ideas of the world and the person connected with Christianity is a result of deep historical process in which the religion is a necessary form, but not content. Christianity is not some outgrowth on a culture body, but culture in its concrete historical manifestation.

As we know religious studies claimed the idea that religion has a compensatory function. Religion compensates immaturity not only of public practice, but also morals, science, political and legal consciousness.

In the research devoted to the Reformation ideology, E. Yu. Solovyov convincingly showed a formation of the idea of human freedom and autonomy of the personality within the Protestant theology. The new theology in its own way «uncharmed» the nature, having given to natural sciences an opportunity to learn the world. In the further development the European social and political and natural-science thought practically dumped from itself religious attires and developed on its own basis; it was expressed not in turned, but in a form adequate to content. Secularization affected practically all parties of public life. This process, however, was difficult. Loss of former supporting frameworks could be perceived as a certain disaster.

Thus, gradually the culture is exempted from a religious form. It is possible to speak about a tendency of release from a religious form in the European culture since Modern age. The culturological analysis of processes, occurring in culture, allows drawing also a conclusion on the religious form of consciousness itself [6, p. 68–71]. It would be an obvious mistake to speak about its unconditional and final disappearance. The mankind doesn't lack the bases for reproduction of religious consciousness. It is possible to assume, however, that religious attitude will manifest not only in the socio-political relations, but also in the sphere of art, in traditions, rituals and customs. At an early stage of human history there was such form of religious attitude as spiritualizing of the nature which, anyway, was a basis of the esthetic sphere of consciousness. It was shown in visiting of temples, participations in religious holidays, more and more turning into a ritual and cultural tradition.

Something similar happens also in the Evangelical plots about the wonderful birth, death and resurrection of Jesus Christ. Quite often they become a part or a basis of works of secular literature, or are mentioned in the context which isn't connected with art, morals, the right, policy, economy [10, p. 7–11].

The way to it lies through free cultural development during which its forms will change; some of them will die off, others will evolve, appearing as collision of old and new forms of development of the world by the person and comprehension of himself. This struggle is a vital condition of real historical and cultural process [12, p. 282–284]. The religion is created as an organic part of culture, being initially in syncretic unity with other methods of reflection and development of the world by the person. During evaluation a form of consciousness are differentiated, but their generic connection at the same time isn't lost, they develop in fixed interaction with each other [4, p. 118–124]. Religion as the most universal form helps to keep succession and integrity of such development, but gradually it loses the dominating influence, though it doesn't vanish from spiritual and social system of society [11, p. 164–169]. In the richest field of culture the religion occupies the space, satisfying those searches and requests on which the mankind doesn't find answers in other spheres of culture yet [2, p. 168–177].

Bibliography

1. Бакланова О. А., Бакланов И. С., Ерохин А. М. Методологические конструкты исследования социальности современного общества // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2016. - Т. 8. - № 3-1. - С. 95-100.
2. Бакланова О. А., Бакланов И. С. Современная российская социальность в контексте социального конструкционизма // Вопросы социальной теории. - 2015. - Т. 7. - № 1-2. - С. 168-177.
3. Болховской А. Л., Говердовская Е. В., Ивченко А. В. Образование в глобализирующемся мире: философский взгляд // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2013. - № 5. - С. 80-85.
4. Говердовская Е. В., Добычина Н. В. Взаимные референции между реальным и виртуальным пространством: новая коммуникационная среда // Социально-гуманитарные знания. - 2014. - № 7. - С. 118-124.
5. Daraganova Yu.S. Философия науки // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2011. - № 4. - С. 6-9.
6. Дараганова Ю. С. Культурологический анализ репрезентативности эволюционной выборки // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2010. - № 6. - С. 68-71.
7. Ерохин А. М. Научно-информационный аспект исследования социокультурного развития общества в области культуры и искусства // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2015. - № 2. - С. 123-128.
8. Камалова О.Н., Карпун А.Б. Основные структурные элементы политической власти // Гуманитарные и социальные науки. - 2010. № 1. - С. 87-93.
9. Камалова О. Н. «Созерцание» в философско-культурологических построениях И. Ильина // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2012. - № 6. - С. 29-31.
10. Колосова О. Ю. Социально-экономические аспекты информатизации общества // Сборники конференций НИЦ Социосфера. - 2014. - № 1. - С. 7-11.
11. Колосова О. Ю. Социальная сфера общества: философский анализ // Наука и современность. - 2015. - № 35. - С. 164-169.
12. Лобейко Ю.А. Социальная активность личности в обществе: социально-педагогические аспекты формирования // European Social Science Journal. - 2014. - № 7-2 (46). - С. 282-284.

13. Лобейко Ю. А. Педагогическая деятельность и педагогическое сознание: социальный аспект // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. - 2014. - № 13. - С. 102-107.
14. Матяш Т.П., Несмеянов Е.Е. Православный тип культуры: идея и реальность // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2015. - № 3 (82). - С. 39-44.
15. Несмеянов Е. Е. Соотношение религии и науки в гуманитарном знании и современном обществе (по материалам монографии К.В. Воденко и А.А. Мекушкина «Христианство и наука: история и современность» (М., 2014)) // Гуманитарий Юга России. - 2015. - № 1. - С. 177-182.
16. Шумакова А. В. Кризис системы образования в контексте глобальных проблем общества: обоснование образовательной парадигмы // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2013. - № 1. - С. 12-18.

АКТУАЛЬНОСТЬ ФИЛОСОФИИ ПРАВА ИВАНА ИЛЬИНА

С. Г. Рюмин

*Кандидат философских наук, доцент,
Российский государственный
университет имени С. А. Есенина,
г. Рязань, Россия*

Summary. The article analyzes the views of the Russian philosopher Ivan Ilyin (1883–1954) on the problem of the sense of justice. It reveals the importance of the sense of justice for the spiritual and moral upbringing of the young generation in Russia. It is shown in the article that the sense of justice lets one to be guided by the rules of the law in an everyday life, finding a compromise with the norms of morality at the same time. Thus, the foundations of the achieving the unity of morality and law in the daily live are established, the problem of the spiritual and moral development of the personality is solved.

Keywords: sense of justice; morality; law.

Построение и развитие правового государства в России в XXI веке требует осмысления и креативного использования богатого культурного наследия русской философии. Анализируя творчество выдающегося русского мыслителя И. А. Ильина, можно прийти к выводу об актуальности рассмотренной им проблемы правосознания для духовно-нравственного воспитания молодого поколения России. Существует такая точка зрения, которая приравнивает правосознание к простому знанию права. Но было бы ошибочным сводить правосознание лишь к формальному изучению законов. Именно правосознание позволяет в повседневной жизни руководствоваться нормами права, находя при этом компромисс с нормами морали.

Правосознание тесно связано и с моралью, и с правом, оказывает непосредственное влияние на поведение индивида в социуме. В творческом наследии И. А. Ильина оно занимает особое место. Правосознание философ называл «правовым чувством» человека, констатируя, что его часто сводят только к сознанию, хотя оно затрагивает «и чувство, и волю, и воображение, и мысль, и всю сферу бессознательного духовного опыта» [2, с. 350].

И. А. Ильин описывал правосознание как естественное чувство права и правоты, как «особую духовную настроенность инстинкта в отношении к себе и к другим людям», в нем он видит «инстинктивное правочувствие», благодаря которому индивидуум ратифицирует духовность свою и других людей. По мнению мыслителя, отсюда вытекают аксиомы правосознания: «чувство собственного духовного достоинства, способность к самоуправлению, взаимоуважение и доверие людей друг к другу». Данные аксиомы способствуют «самостоянию, свободе, совместности, взаимности и солидарности, духовной воле» [1, с. 231].

И. А. Ильин особое значение правосознанию придает, объясняя логику общественного исторического развития, указывая, что право не может существовать вне живого правосознания, иначе оно не сможет защитить семью, порядок, государство, экономику. Философ сделал вывод, что надо бороться за укрепление правосознания, иначе оно разложится вместе с мировой культурой [2, с. 350].

Нравственные и правовые коллизии, возникающие в ходе построения правового государства, могут быть разрешены посредством воспитания и развития правосознания. Именно поэтому 4 мая 2011 г. Президент Российской Федерации Д. А. Медведев официально утвердил «Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан». Этим документом определяются принципы, цели, основные направления и содержание государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан, указывается на необходимость формирования правовой культуры населения [3].

Тем самым в современной российской действительности на государственном уровне находят свое воплощение идеи И. А. Ильина, указывавшего на необходимость воспитания правосознания в душах граждан.

Библиографический список

1. Ильин, И.А. О сущности правосознания // Ильин И. А. Собр. соч. В 10 т. – М.: Русская книга, 1993. – Т. 4. – С. 149–414.
2. Ильин, И. А. Путь к очевидности // Ильин И. А. Собр. соч. В 10 т. Т. 3. – М.: «Русская книга», 1993. – С. 227–380.
3. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан // [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://kremlin.ru/news/11139>.
4. Рюмин, С.Г. Значение единства морали и права для правового государства и гражданского общества в философии И.А. Ильина // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. – 2012. – № 36.). – С. 49–60.

VIII. MODERN AESTHETIC CONSCIOUSNESS OF SOCIETY: ARCHETYPAL BASES AND INNOVATIVE TENDENCIES

ОПОРА НА АРХЕТИПЫ И ИГРА НА ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ СТЕРЕОТИПАХ КЛИЕНТА КАК КЛЮЧЕВОЕ УСЛОВИЕ УСПЕШНОГО ДИЗАЙНА УПАКОВКИ ТОВАРА

М. Н. Бычкова
М. О. Балашова

*Старший преподаватель,
студентка,
Национальный исследовательский
Томский государственный университет,
г. Томск, Россия*

Summary. The article reveals the example impact of human stereotypes on perception of PR actions. The most common of these are shown, with particular attention to the importance of the use of archetypes and positive stereotypes, doing advertising and public relations program.

Keywords: archetypes; stereotypes; eternal stereotypes; effect; perception; PR-action.

Вся человеческая жизнь основана на субъективных восприятиях образов целостных предметов, воздействующих на анализаторы индивида и отражающих отдельные свойства предметов. Выявлением особенностей индивидуальных видений им различных объектов занимается такая наука, как психология восприятия.

Теория аналитического психолога К. Г. Юнга имеет большое значение для понимания глубинных механизмов восприятия предметного мира [1]. На основе исследований мифов и сказаний он выдвинул понятие «коллективное бессознательное», включающее в себя весь предшествующий опыт человечества, отражение которого можно найти в различных мифах, сказаниях, общечеловеческой символике и сказках. Данное понятие состоит из устойчивых образов – архетипов, которые управляют нашим поведением в повседневной жизни и проецируют упроченные представления на восприятие тех или иных повседневных явлений.

Учет архетипической концепции К. Г. Юнга значительно облегчает задачу специалистам по рекламе и PR при генерировании имиджа продукта или услуги. Исследователь роли архетипов в рекламном дискурсе А. Р. Галямов в своей статье утверждает [2], что «обращение к истории рекламы, ее истокам убеждает нас в том, что она генетически связана с почвой культуры, с ее архаическими формами, ритуалом и мифом, с социокультурными явлениями, присущими каждой отдельной эпохе».

Бизнес-психолог Р. Дули в книге «Нейромаркетинг. Как влиять на подсознание потребителя» пришел к выводу, что 80 % решений о покупке товара принимается неосознанно, и наше сознание, на самом деле, в ситуации выбора играет лишь небольшую роль [3]. С этим явлением сложно поспорить. Ведь, чтобы создать эффективную рекламу, хороший маркетолог должен обладать не только базовыми знаниями о классовых различиях общества, но и разбираться в психологических особенностях человеческого восприятия. Известный специалист в области рекламы В. В. Ученова в своей работе пришла к такому выводу [4]: «Рекламная продукция базируется на глубинных социокультурных предпосылках и затрагивает разнообразные сферы человеческих контактов – идеологию, религию, быт, эстетическую деятельность, властные устремления и т. п.»

Американский политолог и публицист У. Липпман в своей книге «Общественное мнение» писал [5]: «По большей части, вместо того, чтобы сначала увидеть, а потом определять, мы, напротив, сначала определяем, а потом видим, мы замечаем только то, что уже сформулировано для нас нашей культурой, причем воспринимаем это замечание в форме стереотипов своей культуры» [5]. Данное высказывание очень точно отражает самую важную особенность специфики восприятия потребителем рекламного продукта, неучет которой, обязательно обернется для маркетолога профессиональной неудачей. В подтверждение приведенной точки зрения рассмотрим человеко-ориентированный подход в массовых коммуникациях: «модель минимального эффекта» американского профессора У. Гемсона [6], одним из главных факторов которой является выборочное восприятие. Это означает, что людям свойственно воспринимать только то, что совпадает с их мнением и мировоззрением, а остальная информация элементарно не запоминается, то есть не укладывается в сознании людей.

Обратимся к точке зрения нашего современника И. Л. Викентьева, автора более 5000 креативных рекомендаций и 250 статей, посвященных проблемам решения творческих задач в технике, педагогике и рекламе. Он уделяет особое внимание такому понятию, как «стереотип». По его мнению, стереотип – это образы, убеждения и установки, которые формируются у человека посредством личного жизненного опыта. И. Л. Викентьев убежден, что при создании рекламного продукта PR-профи обязательно должен принимать во внимание стереотипы своей целевой аудитории и, более того, начинать свою работу с учетом корректирования отрицательных стереотипов и усиления положительных. Для масштабного улучшения восприятия и воздействия на потребителя PR-мэну стоит прибегать к учету «вечных стереотипов» своей целевой аудитории, изучение и исследование которых поможет специалисту выйти на нерешенные и волнующие потребителя из поколения в поколение проблемы.

На основе статистического анализа рекламных публикаций в странах СНГ произведений коммерческого искусства за 1993–1995 гг., были выяв-

лены типовые пары «вечных стереотипов». Из полученных данных был сделан вывод, что установка «победил-проиграл» имеет очень важную роль для людей. К такой модели стереотипов относятся различные типовые пары устоявшихся образов, а именно: «жизнь-смерть», «Я Победитель! – а Бывший Герой проиграл...», «свобода-несвобода» и др. [7]. Действительно, процесс дискутирования о «вечных стереотипах» можно сравнить с явлением неразрешенной загадки, которая интригует и вовлекает человечество в поиски истины, создавая ореол тайны.

Таким образом, И. Л. Викентьев пришел к выводу, что применение «вечных стереотипов» в рекламных кампаниях повышает степень психологического воздействия на целевую аудиторию. Ведь такой вид стереотипов имеет эффект неразрешенности и недосказанности, за счет чего решение наиболее проблемных вопросов домысливается самой целевой аудиторией продукта в собственных словах, образах [7]. Каждый из нас мечтает о свободе, подсознательно хочет быть «героем-мудрецом» и «героем-освободителем», который обязательно решит сложную и наиболее проблемную проблему, спасет человечество и даст волю человеческой личности, поэтому над поиском ответов на поставленные задачи бесконечно думают и рассуждают, активно выдвигая и оспаривая различные мнения насчет тех или иных вечно волнующих вопросов.

Таким образом, предполагается, что главным отличием архетипов от стереотипов является то, что архетипы – это универсальные и общепринятые для всех образы, которые с появлением на свет человека уже имеются в его воспоминаниях коллективного бессознательного. Например, божественный ребенок, старый мудрец, предвечная мать и др. А стереотипы – это привычные, навязанные обществом и определенным классом людей явления, устанавливающие рамки, которые ограничивают сознание индивида, что значительно упрощает жизнь, поскольку человеку не приходится раз за разом решать стандартные задачи. Например, «мужчины не плачут», «женщины – слабый пол», «пожилые люди – консерваторы», «французы – любвеобильны» и др.

Чтобы более наглядно показать значимость опоры на общепринятые архетипы и человеческие стереотипы при создании дизайна упаковки, рассмотрим пример оформления коробки шоколадных конфет «Томская птичка» кондитерской фабрики «Красная звезда» – известного томского брендингового агентства «MichelMour».

Для начала исследуем основные стереотипы и архетипы у людей, которые проявляются при упоминании рассматриваемого нами товара. Опрос, проведенный среди жителей Томска в ноябре 2016 года, показывает, что большая часть совокупной выборки покупает данную продукцию по причине явных ассоциаций с праздничными событиями (рис. 1). На вопрос «За что вы любите конфеты «Томская птичка»?» 42,9 % респондентов ответили, что у них создается ощущение праздника от приобретения това-

ра. 40 % жителей Томска утверждают, что ценят продукцию за вкус и качество. 14,3 % опрошенных выбрали вариант ответа «другое», указав, что любят этот товар за стабильность и надежность, которые сложились в результате становления и многолетнего существования кондитерской фабрики «Красная звезда». Лишь только 2,9 % респондентов сказали, что равнодушны к конфетам «Томская птичка».

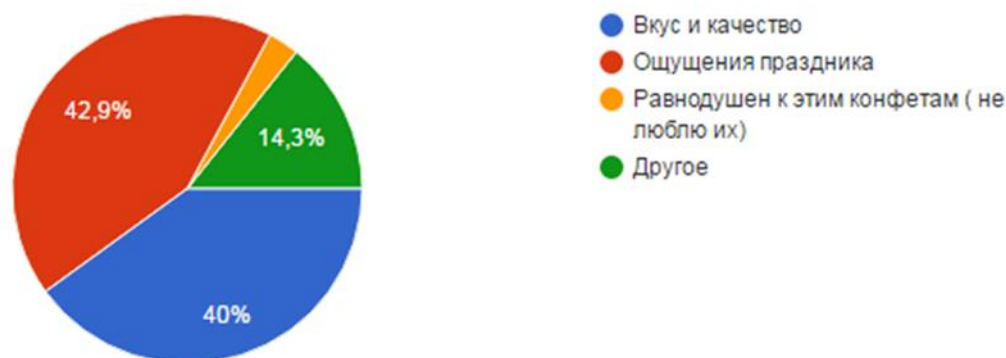

Рис. 1

Исходя из ответов потенциальных покупателей на данный вопрос, становится понятно, что безразличных и равнодушных людей к продукции «Томская птичка» практически нет. Большая часть выборки любит эти конфеты за прочные ассоциации с праздничными событиями. А праздники, как известно, – это важная составляющая человеческих традиций, соблюдение которых играет существенную роль в жизнедеятельности общества. Понятие традиция относится к типовым положительным человеческим стереотипам, согласно статистике рекламных публикаций в странах СНГ за 1990–1995 годы. Действительно, традиции народа – это то, что из поколения в поколение в полной мере отражает его духовный облик и внутренний мир. Еще немецкий философ Э. Гуссерль подметил: «В бесчисленных традициях протекает наше человеческое существование. Весь совокупный культурный пир во всех его формах пришел из традиции» [8].

Человечество по своей архетипической природе обеспокоено соблюдением традиций с максимальной эффективностью, что также является видом положительного вечного стереотипа. Действительно, испокон веков сложилось так, что для русского населения организация семейных праздников, застолий, с огромным количеством вкусной и сытной еды в кругу близких является одним из самых важных, ключевых обрядов, который действует уже в течение веков. Ведь всем нам известно из истории, что православное праздничное застолье с давних времен хранит множество обычаев. Характерной особенностью православных праздников являлось то, что это были семейные праздники. За столом собирались все члены семьи и близкие родственники. Хозяйки придерживались такого мнения:

«Ест человек дома, а в гостях он лакомится». Именно таким лакомством считала конфеты «Томская птичка» вторая часть опрашиваемой выборки, которая ответила, что ценит данный продукт больше всего за вкус и качество. Данный вариант ответа по числу голосов занял второе место в приоритетности ассоциаций с этой кондитерской продукцией.

Можно сделать вывод, что такие ассоциации с конфетами «Томская птичка», как «ощущение праздника» и «вкус и качество» в комплексе помогают решать вечный стереотип человечества «традиция», который, в данном случае, предполагает стремление поддерживать атмосферу тепла и доверия посредством регулярных сборов близких людей, заботливо угощая их проверенным лакомством.

Дополнительно был задан вопрос с демонстрацией изображения (рис.2) продукции совокупной выборке: «Какие два прилагательных вам приходят на ум, когда вы видите упаковку конфет "Томская птичка"?». Наиболее часто употребляемыми описаниями оказались такие: «милая», «простая, но со вкусом», «праздничная», «ностальгический вкус детства», «классическая» и др.

Рис. 2. Дизайн упаковки конфет «Томская птичка»

Из совокупности данных респондентами характеристик следует, что, создавая дизайн упаковки конфет, компания ориентировалась на людей, чей архетип «славный малый», для которого счастье заключается в простоте и наличии душевного равновесия. Данная целевая аудитория предпочитает классические товары, которые не выделяются своей неординарностью. «Славный малый» почитает и уважает традиционные ценности. Для людей с таким архетипом стереотип «просто, но со вкусом» является важным критерием выбора товара.

Действительно, дизайн упаковки «Томской птички» относится к рядам классических, не перегруженных излишествами. Но в то же время упаковка имеет прочные ассоциации с традиционным семейным праздни-

ком. Коробка для конфет имеет классическую прямоугольную форму. В дизайне преимущественно преобладает красный цвет, сверху на который накладывается изображение золотистого подарочного банта, что уже создает ассоциации с праздничным презентом. Из психологии восприятия цветов известно, что красный – настраивает на решительность, способен вызвать у человека сильное желание совершить тот или иной поступок и сделать энергичное усилие и купить, к примеру, рекламируемый товар. Данный цвет, как никакой другой, способен быстро привлечь к себе внимание, зафиксировать взгляд на предмете рекламы. Желтый цвет, напротив, уравнивает эмоции, помогая обрести внутреннее спокойствие, утихомирить душевное волнение. Следовательно, сочетание красного и желтого на упаковке дают нужные гармоничные комбинации, которые ассоциируются с ярким и важным торжеством, но в то же время этот праздник представляется семейным, теплым и душевным.

Таким образом, применяя архетипическую теорию К. Г. Юнга в маркетинге и учитывая общепринятые положительные стереотипы, компания «MichelMour» использует знания о глубинной мотивации своей целевой аудитории для создания успешного дизайна упаковки товара.

Библиографический список

1. Юнг К. Г. Архетип и символ // Renaissance IV Ewo-S&D – 1991 URL: http://royallib.com/book/yung_karl/arhetip_i_simvol.html
2. Галямов А.Р. Архетип как основная формообразующая модель рекламного дискурса. // URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/arhetip-kak-osnovnaya-formoobrazuyuschaya-model-reklamnogo-diskursa>
3. Дули Р. Нейромаркетинг. Как влиять на подсознание потребителя. М.: Издательство «Попурри», 2015
4. Ученова В., Старых Н. История рекламы. – М. : Смысл, 1994. – 336 с. (2-е издание – Санкт-Петербург; Питер, 2002, Санкт-Петербург – 304 с.) // URL: http://www.nazaykin.ru/catalog/ru/istoria_reklamy.htm
5. Липпман У. Общественное мнение. - Перевод с английского Т.В. Барчуновой, Москва; Институт Фонда «Общественное мнение», 2004.
6. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. // URL: http://lib.undub-na.ru/search/files/com_pochepcov_theory_of_com/~com_pochepcov_theory_of_com.htm
7. Викентьев И.Л. Приемы рекламы и PR. –М : Издательство «ТРИЗ-ШАНС», 1995.
8. Горяйнов С.А. Прологомены к философии XXI века. // Самара 2003 URL: <http://philosophystorm.org/tak-budet-kto-nibud-samym-glavnym-v-chelovecheskoi-kulture-zanimatsya-traditsiei>

IX. TOLERANCE AS MORAL IMPERATIVE

ПРАВСТВЕННАЯ СУТЬ ТОЛЕРАНТНОСТИ

У. Р. Кушаев

*Кандидат философских наук,
Ташкентский исламский университет,
г. Ташкент, Узбекистан*

Summary. The article studies the socio-historical essence of tolerance. The main factors influencing the evaluation of various types of behavior are identified. Morality in the traditional interpretation is put forward as the main criterion for a tolerant attitude. In addition, identified some problem points of modern life and suggests ways to address them.

Keywords: Tolerance, intolerance, good and evil, morality and morality, culture, progress, homosexuality.

Верно определяйте слова, и вы освободите мир от половины недоразумений.

Рене Декарт

Современное общество характеризуется последовательно усиливающейся интенсивностью взаимоотношений и взаимосвязи между социальными субъектами. Мультикультурализм, интеграция во всех сферах деятельности, глобализация на различных уровнях и направлениях и т. п. факторы сильно меняют форму и содержание взаимоотношений, подходов и оценок к ним. В силу этого усложняется интерпретация тех или иных действий, стилей поведения и других явлений с точки зрения толерантности.

Несомненно, толерантность – основной залог стабильности общества. Однако, как показывает реальность, позитивный, гуманный смысл данного понятия, на наш взгляд, не всегда и не всеми правильно воспринимается, игнорируется множество моментов его научного осмысления. Разумеется, Декларация принципов толерантности включает в себя основные концептуальные стороны истолкования данного многоликого феномена. Согласно документу, толерантность проявляется в сферах общества и на разных уровнях социального взаимодействия, а также подчеркнуто, что заслуживают уважения любые иные идеи, точки зрения и взгляды [2]. Тем не менее, стоит отметить, что эта декларация имеет всемирный характер и направлена на укрепление взаимопонимания, сотрудничества, диалога и, одним словом, на поддержание мира во всем мире. Соответственно, это общие слова и объяснения, а жизнь, действия, события, которые происходят в отдельно взятом регионе Земного шара, во многих случаях имеют индивидуальный характер, поэтому условия, факторы и критерии поддержания и укрепления мира и стабильности разные.

Из первой же статьи Декларации становится ясно, что толерантность – это, прежде всего, мораль и нравственность, т. е. нравственные идеалы тождественны ценностям толерантности. Это уважение, принятие и правильное понимание различных иных проявлений культуры, а также и самовыражение, открытость и т. п. Одновременно, в той же статье во 2-м пункте излагается: «Толерантность – это не уступка, снисхождение или потворство. Толерантность – это, прежде всего активное отношение, формируемое на основе признания универсальных прав и основных свобод человека. Ни при каких обстоятельствах толерантность не может служить оправданием посягательств на эти основные ценности, толерантность должны проявлять отдельные люди, группы и государства» [2]. Следует отметить, что именно в этом отношении необходимо понимать, истолковывать понятие толерантности. Но многие факты и события, которые происходят в нашей жизни в наше время, свидетельствуют о серьезном непонимании постулатов толерантности. Постараемся немного проанализировать некоторые из них.

Тезис о том, что толерантность, это, прежде всего, нравственность – само собой ясен и общепризнан. А что такое нравственность и мораль? Мораль трактуется как «понятие этики, отражающее совокупность норм поведения человека в обществе, нарушение которых не запрещено законодательно, но порицается общественным мнением. Мораль является особой формой общественного сознания, идеалом гуманистической культуры человека. Она распространяется на все сферы жизни общества: труд, быт, политику, науку, межличностные, семейные, внутригрупповые, межнациональные и т.п. отношения. Моральные принципы отличаются от требований, предъявляемых в каждой из названных сфер тем, что носят универсальный характер. Они одинаковы для всех людей и разных жизненных ситуаций» [4, с. 237]. Из таких рассуждений о нравственности вытекает, что нравственность – главное условие стабильных взаимоотношений между социальными субъектами и залог дальнейшего благополучного их развития. Еще в более общем смысле мораль и нравственность позволяют нам четко определить аморальность и безнравственность поступков, а также служат во благо человечества.

С этой точки зрения различные стремления, которые имеют место в наше время, предназначенные искаженно отражать социально-историческую суть толерантности, абсолютно беспочвенны. Разумеется, добро и зло потеряют свою значимость друг без друга, соответственно, нравственность противопоставляется аморальности, толерантность – интолерантности. Конечно же, такое противостояние двух мощных типов поведения имеет пространственные и временные особенности. Однако отметим, что этим суть нравственности не меняется – она должна служить прогрессу общества, а не деградации и регрессу. Добавим, что слово прогресс здесь носит исключительно позитивный и созидательный характер и озна-

чает обогащение, совершенствование, положительные скачки на новый, высокий уровень и культурный рост. Но ни в коем случае нельзя путать (осознанно или неосознанно) нравственное с безнравственным и наоборот.

Рассмотрим более конкретные примеры. Не секрет, что в современном дискурсе толерантности постоянное место занимают вопросы о гомосексуальных связях, однополых браках и отношении к ним. Так, на сегодняшний день право выбора партнера для сексуальной связи относится к общечеловеческим принципам, а в нескольких странах мира даже узаконены однополые браки. На первый взгляд, такое положение вещей кажется серьезным продвижением вперед в области толерантного отношения к людям и их потребностям. Однако есть другая сторона вопроса – к чему это приведет? С позиции здравого смысла осмелимся утверждать, что действия и стремления в этом направлении никак не могут служить для возвышения человеческого рода как культурного феномена. Много было сказано и написано, и мы еще раз повторим – гомосексуальные отношения по своей сути противоречат толерантности по той первой банальной простой причине, что являются признаком невнимания к противоположному полу, представитель которого физиологически отличается от него (от нее). А официальный юридический статус однополых брачных отношений и гомосексуальных контактов имеет исключительно негативные социальные последствия: подрываются традиционные основы семейных ценностей, при усыновлении и воспитании ими ребенка наносятся непоправимые психоэмоциональные травмы, в несколько десятков раз увеличивается угроза заболевания и распространения тяжелыми венерологическими недугами, усиливается угрозу распространения педофилии и т. п. [1].

Как показывает реальность, под лозунгом толерантности, прав человека и др. идей по всему миру идет пропаганда гомосексуализма в самых разных формах. Это и Интернет-сайты, и те или иные общественные движения, фонды, союзы и т.п. структуры. Создаются специальные площадки для того, чтобы якобы обосновать неотъемлемость однополых связей от жизни общества. Некоторые страны, города, определенные регионы выступают как удобное социальное пространство для групп с гомосексуальными отклонениями. Их жизнь широко освещается в СМИ, им придается чуть ли ни главное внимание через призму заботы о правах человека. А отдельные, конкретные случаи не только противоречат толерантности, а диаметрально противоположны. Например, некоторые служащие культа в рамках определенной мировой религии, ответственные лица за объяснение и донесение подлинных добрых идей своей религии до сознания людей открыто заявляют о своих гомосексуальных влечениях. И, якобы не выдерживая порицательного отношения к себе, перебираются в другие удобные города, где тоже находят себе подобных, однако не перестают проявлять себе и как служащие богатейшего религиозного культа [3]. Искажение идей демократии, неправильное понимание либеральных ценностей, одно-

бокое представление о правах и свободах человека – на наш взгляд, основные причины таких действий, ведь и научному кругу, да и другим людям хорошо известно, что не бывает абсолютной свободы. Каждая свобода – это, прежде всего, ограничения и огромная ответственность.

Все прекрасно знают, что многие нравственные пороки, отрицательные с социальной точки зрения типы и формы поведения имеют место на всех этапах эволюции общества. Иначе говоря, история человека и общества сопровождается наличием одновременно как моральных, так и аморальных поступков. Кража, воровство, измена, гомосексуализм (как среди мужчин, так и среди женщин) имеют свои древнейшие примеры, но суть философии, этики и нравственности заключается во многом и в том, чтобы постоянно вырабатывать глубинные идеи правильного морально-нравственного поведения и механизмов их эффективного применения. Другими словами, добро и зло всегда сопровождают друг друга и находятся в противостоянии.

Проблема того или иного отношения к однополым сексуальным связям – не единственный пример в рамках вопросов обеспечения толерантности. События и явления, которые отражают явные отклонения от морально-нравственных, социальных, правовых и иных норм, сегодня в жизни человечества составляют множество: действия некоторых государств и сил на международной арене, которые разными путями замаскированы принципами демократии, правами человека, но одновременно представляющие собой интолерантное отношение к другим де-юре равноправным членам международного сообщества; все еще продолжающиеся в разных регионах мира действия, ущемляющие права и свободы различных этнических групп, народностей и т. д., которые также, в свою очередь, заслуживают толерантного терпимого отношения к себе, потому что имеют такие же права и свободы на собственную политику, социальную жизнь, экономику и т.п. жизненные основы.

Одним словом, примеров интолерантного поведения предостаточно. Решение этих проблем зависит от множества объективных факторов, и каждый случай является отдельной темой для исследования и практики. Но, тем не менее, хотим отметить, что толерантность в современном понимании необходимо рассматривать с точки зрения здоровья, благополучия и дальнейшего расцвета человеческого рода в общем смысле этого слова. Политико-правовые, социальные нормы обогащаются, меняются, иногда и вовсе исчезают. Но при этом общая благая цель, то есть прогресс – качественные переход на новый уровень – должен стать основным принципом в решении дилеммы толерантность-интолерантность.

В этом ключе крайне важным моментом выступает то, что ни в коем случае нельзя забывать, что излишняя уступчивость в предоставлении прав и возможностей, оценок, отношений и подходов будет разрушительным

образом влиять на имеющиеся теоретические и практические основы толерантности.

Библиографический список

1. Вся правда о гомосексуализме. URL:<http://www.vened.org/information/6243-27112014.html>
2. Декларация принципов терпимости. URL:
http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc
3. Каково быть мусульманским священнослужителем-геем?
<https://www.youtube.com/watch?v=SQTD8W4dlHk&t=25s>
4. Кушаев У. Р., Дорошина И. Г. Толерантность : энциклопедический словарь. – Пенза : Научно-издательский центр «Социосфера», 2014. – 484 с.

X. SPIRITUAL AND MORAL PROBLEMS OF INFORMATION SOCIETY

INFORMATIZATION OF SOCIETY: SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF SPIRITUAL AND MORAL DEVELOPMENT

O. Yu. Kolosova

*Doctor of Philosophical Sciences,
assistant professor
Krasnodar University of the Ministries
of Internal Affairs
of the Russian Federation,
Stavropol branch, Stavropol, Russia*

Summary. Two main theoretic-methodological approaches to informatization of society are allocated: technocratic approach when information technologies are considered to be means of development of labour productivity and their use is limited, generally, by spheres of production and management; humanitarian approach when information technology is considered to be an important part of human life, important not only for production, but also for spiritual development of the social sphere.

Keywords: information; social and economic structure of society; environmental problems; personality; information environment; culture; spiritual culture; information culture; cultural traditions.

The reasons of considerable distribution of technocratic approach, identification of concepts of informatization and computerization have both objective and subjective nature. Objectively development of the new equipment in general develops rapidly and has aggressive nature [1, p. 95–100]. Subjectively there is a number of people unfamiliar with the problem and those to whom implementation in public opinion of this identification brings notable economic and political dividends [10, p. 87–93].

Informatization has accurate connection with ecologically safe, sustainable development of society [4, p. 118–124]. A basis of information economy is knowledge or intellectual and information resource. Knowledge has indisputable advantages in comparison with material resources - the base of the previous stages of development of society [8, p. 68–71]. Material resources strictly submit to conservation law. The social and economic structure of society which is based on information economy even on its essence avoids the majority of social and economic and environmental problems and potentially assumes exponential development of society in its key parameters (knowledge generates knowledge) [2, p. 168–177].

The term of informatization essentially influences approaches to the analysis of the real condition and prospects of development of processes of in-

formatization of society. According to a number of authors, process of informatization includes three interconnected processes: mediatization - process of enhancement of means of collection, storage and distribution of information; computerization – process of enhancement of means of search and information processing; intellectualization – development of the capability of perception and generation of information, that is increase in intellectual potential of society, including use of artificial intelligence techniques [3, p. 80–85].

Specialists note that, unfortunately, social informatization is often understood as a development of information and communicative processes in society based on the latest computer and telecommunication equipment. Informatization of society in principle should be treated as development, high-quality improvement, radical strengthening by means of modern information and technological means of cognitive social structures and processes [13, p. 102–107]. Informatization shall be merged with processes of the social intellectualization significantly increasing the spiritual and moral potential of the personality in sociocultural development [9, p. 123–128], its information environment.

Social prerequisites of informatization should be in the society to begin successful expansion of processes of informatization. Social conditions of informatization are real situation in which there is an informatization process. Social consequences of informatization are real and predicted changes in the society happening under the influence of informatization.

It should be noted that the concept of social is given both in a broad and in a narrow sense of the word. Social in a broad sense is identical to public. Consideration of conditions and prerequisites of informatization in this sense is analysis of real and necessary condition of all spheres of life of society from the point of view of their readiness to apprehend and develop informatization. Social in a narrow sense of the word: in case of this approach we consider information features of various social groups, level of their readiness for informatization process, and we also study social structure in its ratio with informatization process.

Development and a self-organization of modern society requires comprehensive information field. In the scientific literature information environment is quite often treated as technosphere synonym that is reflection of technocratic approach.

The most important concept which needs to be determined when studying the information environment of society is the concept of information capacity of society. Information capacity of society in a broad sense is the information resource which is saved up in the society. Information capacity of society in a narrow sense is an information resource which is active and put into operation. Information capacity of society is an information resource of society in unity with the means, methods and conditions allowing to make it active and use it effectively.

This set of means, methods and conditions should include not only means of technosphere information, but also social means, methods and structures

promoting reproduction and development of information sphere, increase in information culture of society, its intellectual potential [16, p. 12–18]. Thus, the unity of processes of computerization, mediatization and intellectualization is necessary.

Social structures and institutes are necessary for activization of information resources. By analogy with cognitive structures of the person, studied by psychology, it is important to allocate cognitive structures of society and its subsystems. These are structures of social memory, public consciousness, spiritual communication [12, p. 282–284]. At the heart of the last is information culture.

Information culture is a new type of communication giving the chance of free existence of the personality in the information life; freedom of access to information life at all levels from global to local as the intra national, interstate type of information life is also insolvent, as well as national science; the new type of thinking which is created as a result of release of the person from routine information and intellectual work, among the lines determining it, is brightly shown orientation of the last to self-development and self-training [7, p. 6–9].

Let's stop on the main social problems and versions of their decision in the conditions of informatization.

The first includes a problem of language communication. Language communication is the center of informatization. It means that electronic means of informatization should be built in the network of the language environment which naturally developed for each person. In the conditions of Russia, wide circulation of not in-Russian software, forming of public opinion about normality of the similar situation is a social problem, heavy on perspective consequences. Means of informatics and computational linguistics of mass application should be developed. The available means don't correspond to social requirements both on availability level and at the price.

The second includes a problem of information security of the personality. Information security is understood as the condition of security of the information environment of society providing it forming and development for the benefit of citizens, organizations and a state.

Ensuring of information security of the personality means his or her right to the objective information and assumes that information obtained by the person from different sources doesn't interfere with free forming and development of his personality.

As an impact on personality can act: focused information pressure for the purpose of change of world view, political views and moral and psychological condition of people; distribution of doubtful, distorted, incomplete information; use of inadequate perception by people of reliable information.

Information impacts are dangerous or useful not because of themselves but dew to the fact that they manage powerful material and energy processes. The essence of influence of information consists in its capability to control material and energy processes which parameters are much higher than information.

The analysis and forecasting of changes of social structure under the influence of informatization need to be kept in the following directions: changes of social groups (their size, high-quality parameters); change of percentage ratio between various social groups; change of types of interrelations between social groups [6, p. 124–129].

The similar analysis and forecasting of changes of social structure are carried out in the assumption that social communications are expressed in that measure that it is possible to speak about society as a system, changing social and personal spiritual and moral values [15, p. 177–182]. Culture and spiritual culture determine priority position of the personality in the public system [14, p. 39–44].

In the hierarchy of values autonomy of the personality is on one of the highest places, but now it isn't peculiar to traditional society [11, p. 29–31]. In the technogenic civilization there is a special type of autonomy of the personality: a person can and is able to build very flexibly the relations with people, to plunge into different social communities, into different cultural traditions [5, p. 151–155].

The modern science and technical development involve essentially new types of objects which development requires new strategy into the orbit of human activities. It is about the objects representing the spontaneous systems which are characterized by synergy effects. Their development is always followed by passing of system through special conditions of instability (a bifurcation point), and at these moments small accidental impacts can lead to emergence of new structures, new levels of organization of system which influence have already developed existing levels and transformed them.

Bibliography

1. Бакланова О. А., Бакланов И. С., Ерохин А. М. Методологические конструкты исследования социальности современного общества // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2016. - Т. 8. - № 3-1. - С. 95-100.
2. Бакланова О. А., Бакланов И. С. Современная российская социальность в контексте социального конструкционизма // Вопросы социальной теории. - 2015. - Т. 7. - № 1-2. - С. 168-177.
3. Болховской А. Л., Говердовская Е. В., Ивченко А. В. Образование в глобализирующемся мире: философский взгляд // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2013. - № 5. - С. 80-85.
4. Говердовская Е. В., Добычина Н. В. Взаимные референции между реальным и виртуальным пространством: новая коммуникационная среда // Социально-гуманитарные знания. - 2014. - № 7. - С. 118-124.
5. Гончаров В. Н. Современные концепции общества: философский анализ // Культура. Духовность. Общество. - 2015. - № 16. - С. 151-155.
6. Гончаров В. Н. Социально-философский аспект исследования общества // Наука и современность. - 2014. - № 32-2. - С. 124-129.
7. Daraganova Yu. S. Философия науки // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2011. - № 4. - С. 6-9.
8. Дараганова Ю. С. Культурологический анализ репрезентативности эволюционной выборки // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2010. - № 6. - С. 68-71.

9. Ерохин А. М. Научно-информационный аспект исследования социокультурного развития общества в области культуры и искусства // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2015. - № 2. - С. 123-128.
10. Камалова О. Н., Карпун А. Б. Основные структурные элементы политической власти // Гуманитарные и социальные науки. - 2010. № 1. - С. 87-93.
11. Камалова О. Н. «Созерцание» в философско-культурологических построениях И. Ильина // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2012. - № 6. - С. 29-31.
12. Лобейко Ю. А. Социальная активность личности в обществе: социально-педагогические аспекты формирования // European Social Science Journal. - 2014. - № 7-2 (46). - С. 282-284.
13. Лобейко Ю. А. Педагогическая деятельность и педагогическое сознание: социальный аспект // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. - 2014. - № 13. - С. 102-107.
14. Матяш Т. П., Несмеянов Е.Е. Православный тип культуры: идея и реальность // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2015. - № 3 (82). - С. 39-44.
15. Несмеянов Е. Е. Соотношение религии и науки в гуманитарном знании и современном обществе (по материалам монографии К. В. Воденко и А. А. Мекушкина «Христианство и наука: история и современность» (М., 2014)) // Гуманитарий Юга России. - 2015. - № 1. - С. 177-182.
16. Шумакова А. В. Кризис системы образования в контексте глобальных проблем общества: обоснование образовательной парадигмы // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2013. - № 1. - С. 12-18.

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ У ДЕТЕЙ-ИНВАЛИДОВ

Е. В. Слизкова
А. Н. Завьялова

*Кандидат педагогических наук, доцент,
студентка,
Ишимский педагогический институт
им. П. П. Ершова (филиал),
Тюменский государственный
университет,
г. Ишим, Тюменская область, Россия*

Summary. Today, the process of implementation of inclusive education for children with disabilities covers the entire civilized world. According to world statistics, inclusive education is officially accepted direction in the area of special education in 75 % of countries. The article presents the author's position on the efficient development of labor competencies in children with disabilities, based on theoretical assumptions and their subsequent approbation in the educational process.

Keywords: disabled; competence; social competence and labor; inclusive education.

Ратификация Российской Федерацией ряда международных документов: Декларация ООН «О правах умственно отсталых» (1971), Всемирная декларация «О правах инвалидов» (1975), Конвенция ООН «О правах ребенка» (1989), Закон РФ «О социальной защите инвалидов» (1996), тре-

бования родителей и изменившееся отношение общества к детям-инвалидам, позволила расширить систему сопровождения, патронажа и помощи данной категории детей в специальных (коррекционных) общеобразовательных школах VIII вида.

Инвалид – лицо, которое имеет нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности и вызывающее необходимость его социальной защиты. (ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24.11.1995 N 181-ФЗ (действующая редакция, 2016)).

К характерным особенностям детей-инвалидов следует отнести:

- низкий уровень развития восприятия. Это проявляется в необходимости более длительного времени для приема и переработки сенсорной информации, недостаточно знаний этих детей об окружающем мире.

- недостаточно сформированы пространственные представления, дети с ОВЗ часто не могут осуществлять полноценный анализ формы, установить симметричность, тождественность частей конструируемых фигур, расположить конструкцию на плоскости, соединить ее в единое целое.

- внимание неустойчивое, рассеянное, дети с трудом переключаются с одной деятельности на другую. Недостатки организации внимания обуславливаются слабым развитием интеллектуальной активности детей, несовершенством навыков и умений самоконтроля, недостаточным развитием чувства ответственности и интереса к учению.

- память ограничена в объеме, преобладает кратковременная над долговременной, механическая над логической, наглядная над словесной; снижена познавательная активность, отмечается замедленный темп переработки информации; мышление – наглядно-действенное мышление развито в большей степени, чем наглядно-образное и особенно словесно-логическое; речь – имеются нарушения речевых функций, либо все компоненты языковой системы не сформированы;

- игровая деятельность не сформирована. Сюжеты игры обычны, способы общения и сами игровые роли бедны и т. д.

Вследствие этого у детей проявляется недостаточная сформированность психологических предпосылок к овладению полноценными навыками учебной деятельности. Возникают трудности формирования учебных умений (планирование предстоящей работы, определения путей и средств достижения учебной цели; контролирование деятельности, умение работать в определенном темпе).

В нашем исследовании, теоретико-методологическую основу составляют концепции личности (Аргунова М. В., Ушаков Д. Н); идеи в области профессионального обучения (Хуторской А. В.), исследования психического развития детей (Солнцева Л. И., Григорьева Л. П., Кириллова Л. И.,

Литвак А. Г., Земцева М. И.) и идеи овладения коммуникативными способностями (Селевко Г. К.).

По мнению Аргуновой М. В., «компетенция» – это совокупность взаимосвязанных качеств личности (знания, умения, навыки, способы деятельности), относящиеся к определенному кругу предметов и процессов и необходимых для качественной продуктивной деятельности по отношению к ним [1].

Социально-трудовые компетенции означают применение знаний и опыта в сфере общественных отношений, в вопросах экономики, права, в области профессионального самоопределения. (Хуторской А. В.) [1, с. 59].

Социально-трудовая компетенция, по А. В. Хуторскому., означает владение знаниями и опытом в гражданско-общественной деятельности (выполнение роли гражданина, наблюдателя, избирателя, представителя), в социально-трудовой сфере (права потребителя, покупателя, клиента, производителя), в области семейных отношений и обязанностей, в вопросах экономики и права, в профессиональном самоопределении. В эту компетенцию входят умения анализировать ситуацию на рынке труда, владеть этикой трудовых и гражданских взаимоотношений, действовать в соответствии с личной и общественной выгодой. Ученик овладевает необходимыми для современной жизни навыками социальной инициативности и конструктивной грамотности.

В целом для успешной социализации детям – инвалидам необходимо развитие ряда компетенций, а именно: социальной – она поможет таким детям быстрее приспособиться к обществу, научиться общаться со сверстниками; информационной – эта компетенция поможет правильно работать таким детям с любыми видами информации; трудовой – мне кажется, это самая важная компетенция для детей-инвалидов, она полно раскрывает способности ребенка, помогает адаптироваться к дальнейшей самостоятельной жизни и найти себе занятие по душе, которое перерастет в его профессию.

Трудовая деятельность позволяет детям-инвалидам приобрести практический опыт взаимодействия с окружающим миром.

Тем не менее, не следует забывать, что существуют типичные затруднения (общие и психологические проблемы развития) у детей-инвалидов.

Л. И. Солнцевой, Л. П. Григорьевой, Л. И. Кирилловой, А. Г. Литвак, М. И. Земцовой и др. определяют следующие: отсутствует мотивация к познавательной деятельности, ограничены представления об окружающем мире; темп выполнения заданий очень низкий; нуждается в постоянной помощи взрослого; низкий уровень свойств внимания (устойчивость, концентрация, переключение); низкий уровень развития речи, мышления; трудности в понимании инструкций; инфантилизм; нарушение координации движений и т. д.

Преимущества инклюзивного образования для детей-инвалидов весьма существенны, это проявляется, во-первых, дети с особенностями развития демонстрируют более высокий уровень социального взаимодействия со своими здоровыми сверстниками в инклюзивной среде по сравнению с детьми, находящимися в специальных школах.

Характер развития инклюзивного образования напрямую зависит от социально-экономических условий, образовательных традиций и весьма специфичен для каждой отдельно взятой страны. При этом у семьи, имеющей ребенка с инвалидностью, должна быть возможность выбора образовательного пути: либо в условиях специального образовательного учреждения, либо в условиях общеобразовательного детского сада или школы, в рамках инклюзивного образования.

Это становится особенно очевидным, если взрослые в школе целенаправленно поддерживают социализацию, и если количество детей с особенностями находится в естественной пропорции по отношению к остальным ученикам в целом; во-вторых, в инклюзивной среде улучшается социальная компетенция и навыки коммуникации детей с инвалидностью. Это в значительной мере связано с тем, что у детей-инвалидов появляется больше возможностей для социального взаимодействия со своими здоровыми сверстниками, которые выступают в качестве носителей модели социальной и коммуникативной компетенции, свойственной этому возрасту, в-третьих, в инклюзивной среде дети с особенностями развития имеют более насыщенные учебные программы.

Например, развитие трудовой деятельности в дошкольных учреждениях для детей с умственной отсталостью происходит при организации различных режимных моментов, на прогулках, в связи с другими видами детской деятельности, и, прежде всего, игрой, на специальных занятиях, которые предусмотрены учебным планом с младшей группы, а также в семье.

Первым по времени ребенок овладевает самообслуживающим трудом, основной особенностью которого является направленность на себя, а результатом – умение обслужить себя. Начиная с преддошкольного возраста, детей учат соблюдать правила гигиены, самостоятельно есть, одеваться, пользоваться туалетными принадлежностями.

Культурно-гигиенические навыки формируются в течение всего дошкольного периода. В процессе формирования навыков самообслуживания помимо трудовых умений у детей развиваются такие качества, как аккуратность, самостоятельность, желание и умение помогать друг другу. Складываются и некоторые коммуникативные умения: обратиться за помощью к взрослым или другому ребенку, поблагодарить, рассказать или отчитаться о сделанном. Особенность формирования навыков самообслуживания – индивидуальный темп их становления в зависимости от глубины нарушения интеллекта.

Хозяйственно-бытовой труд предполагает умение поддерживать порядок в группе и классе, дома, участвовать в организации бытовых процессов (накрыть на стол, провести уборку в группе и др.). Особенностью этого вида труда является его общественная направленность, так как он направлен на удовлетворение потребностей коллектива.

Основные принципы учебных программ учитывают трудотерапию, основанную на учете пожеланий и интересов самого клиента; требования к труду; возможности клиента: медицинские показания к труду, самоорганизация и внутренние ресурсы; мотивация к труду: заинтересованность и направленность на трудовой процесс; материально-техническое обеспечение: координация основных и вспомогательных трудовых процессов; поощрение или вознаграждение за труд и др.

Социально-трудовая деятельность непосредственно влияет на регуляцию и тренировку основных нервных процессов – процессов возбуждения и торможения, нарушение которых лежит в основе развития психических расстройств. Так же, можно заметить, что социально-трудовая терапия оказывает прямое влияние на психическое состояние детей-инвалидов, изменяя направление их психической деятельности от погруженности в болезненные переживания к сосредоточенности на производственных процессах и результатах своего труда, вызывая чувство уверенности, чувство удовлетворения от соучастия в полезной деятельности, обладание трудовыми умениями.

Очень важно развитие трудовых умений детей, овладение элементарной культурой труда: понимание цели действий, правильный отбор материалов и инструментов, умением пользоваться выбранными инструментами, осуществление действий в определенной последовательности, оценка результатов труда. В зависимости от возраста у детей формируются культурно-гигиенические умения, связанные с трудом по самообслуживанию, хозяйственно-бытовым трудом, трудом в природе, у старших детей складываются некоторые умения по ручному труду.

Мы пришли к выводу о том, что компетентностный подход в воспитании и обучении детей с инвалидностью следует осуществлять дифференцированно с учетом специфики. Овладевая в трудовой деятельности вышеуказанными компетентностями, такие дети смогут научиться самостоятельно, управлять своей деятельностью, одновременно совершенствуя и развивая свои способности к ее осуществлению [3].

Таким образом, изучив теоретические аспекты формирования социально-трудовых умений и навыков, связанных с разными видами труда (самообслуживание и формирование культурно-гигиенических навыков, хозяйственно-бытовой труд, труд в природе, ручной труд) благотворно влияет на уровень развития детей-инвалидов, позволяет эффективно решать задачи социальной адаптации, игровых и социальных проб.

Библиографический список

1. Дементьева Н.Ф. Формы и методы медико-социальной реабилитации нетрудоспособных граждан / Н.Ф. Дементьева, Э.В. Устинова. - М., 1991. - 135с.
2. Социальная работа: теория и практика: Учеб. пособие/Отв.ред. д.и.н., проф. Е.И. Холостова, д.и.н., проф. А.С. Сорвина. – М.: ИНФРА-М, 2002. – 427 с.
3. Слизкова Е.В. Личностный рост подростка посредством психоодраммы // Сборники конференций НИЦ «Социосфера». – № 6. – 2017. – С. 56–61.

**ПЛАН МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ, ПРОВОДИМЫХ ВУЗАМИ
РОССИИ, АЗЕРБАЙДЖАНА, АРМЕНИИ, БОЛГАРИИ, БЕЛОРУССИИ,
КАЗАХСТАНА, УЗБЕКИСТАНА И ЧЕХИИ НА БАЗЕ
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»
В 2017 ГОДУ**

Дата	Название
5–6 апреля 2017 г.	Народы Евразии: история, культура и проблемы взаимодействия
7–8 апреля 2017 г.	Миграционная политика и социально-демографическое развитие стран мира
10–11 апреля 2017 г.	Проблемы и перспективы развития профессионального образования в XXI веке
15–16 апреля 2017 г.	Информационно-коммуникационное пространство и человек
20–21 апреля 2017 г.	Здоровье человека как проблема медицинских и социально-гуманитарных наук
22–23 апреля 2017 г.	Социально-культурные институты в современном мире
25–26 апреля 2017 г.	Детство, отрочество и юность в контексте научного знания
28–29 апреля 2017 г.	Культура, цивилизация, общество: парадигмы исследования и тенденции взаимодействия
2–3 мая 2017 г.	Современные технологии в системе дополнительного и профессионального образования
5–6 мая 2017 г.	Теория и практика гендерных исследований в мировой науке
7–8 мая 2017 г.	Социосфера в современном мире: актуальные проблемы и аспекты гуманитарного осмысления
10–11 мая 2017 г.	Риски и безопасность в интенсивно меняющемся мире
13–14 мая 2017 г.	Культура толерантности в контексте процессов глобализации: методология исследования, реалии и перспективы
15–16 мая 2017 г.	Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия
20–21 мая 2017 г.	Текст. Произведение. Читатель
22–23 мая 2017 г.	Профессиональное становление будущего учителя в системе непрерывного образования: теория, практика и перспективы
25–26 мая 2017 г.	Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества
1–2 июня 2017 г.	Социально-экономические проблемы современного общества
5–6 июня 2017 г.	Могучая Россия: от славной истории к великому будущему
10–11 сентября 2017 г.	Проблемы современного образования
15–16 сентября 2017 г.	Новые подходы в экономике и управлении
20–21 сентября 2017 г.	Традиционная и современная культура: история, актуальное положение и перспективы
25–26 сентября 2017 г.	Проблемы становления профессионала: теоретические принципы анализа и практические решения
28–29 сентября 2017 г.	Этнокультурная идентичность – фактор самосознания общества в условиях глобализации
1–2 октября 2017 г.	Иностранный язык в системе среднего и высшего образования
5–6 октября 2017 г.	Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований
12–13 октября 2017 г.	Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития
13–14 октября 2017 г.	Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях
15–16 октября 2017 г.	Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия
17–18 октября 2017 г.	Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации
20–21 октября 2017 г.	Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
25–26 октября 2017 г.	Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов

28–29 октября 2017 г.	Наука, техника и технология в условиях глобализации: парадигмальные свойства и проблемы интеграции
1–2 ноября 2017 г.	Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия
3–4 ноября 2017 г.	Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования.
5–6 ноября 2017 г.	Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы
7–8 ноября 2017 г.	Классическая и современная литература: преемственность и перспективы обновления
10–11 ноября 2017 г.	Формирование культуры самостоятельного мышления в образовательном процессе
15–16 ноября 2017 г.	Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2017 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования
25–26 ноября 2017 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему
1–2 декабря 2017 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2017 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2017 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ

Название	Профиль	Периодичность	Наукометрические базы	Импакт-фактор
Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера»	Социально-гуманитарный	Март, июнь, сентябрь, декабрь	• РИНЦ (Россия), • Directory of open access journals (Швеция), • Open Academic Journal Index (Россия), • Research Bible (Китай), • Global Impact factor (Австралия), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • International Society for Research Activity Journal Impact Factor (Индия), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия), • Universal Impact Factor, • CrossRef (США)	• Global Impact Factor – 1,687, • Scientific Indexin Services – 1,5, • Research Bible – 0,781, • РИНЦ – 0,279
Чешский научный журнал «Paradigmata poznání»	Мультидисциплинарный	Февраль, май, август, ноябрь	• РИНЦ (Россия), • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия), • CrossRef (США)	• General Impact Factor – 1,7636, • Scientific Indexin Services – 1,04, • Global Impact Factor – 0,844, • РИНЦ – 0,258
Чешский научный журнал «Ekonomické trendy»	Экономический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	• РИНЦ (Россия), • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • General Impact Factor (Индия), • CrossRef (США)	• Scientific Indexin Services – 0,72, • General Impact Factor – 1,5402
Чешский научный журнал «Aktuální pedagogika»	Педагогический	Февраль, май, август, ноябрь	• РИНЦ (Россия), • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • CrossRef (США)	• Scientific Indexin Services – 0,832
Чешский научный журнал «Akademická psychologie»	Психологический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	• РИНЦ (Россия), • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • CrossRef (США)	• Scientific Indexin Services – 0,725
Чешский научный и практический журнал «Sociologie člověka»	Социологический	Февраль, май, август, ноябрь	• РИНЦ (Россия), • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • CrossRef (США)	• Scientific Indexin Services – 0,75
Чешский научный и аналитический журнал «Filologické vědomosti»	Филологический	Февраль, май, август, ноябрь	• РИНЦ (Россия), • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • CrossRef (США)	• Scientific Indexin Services – 0,742

**PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- training manuals;
- autoabstracts;
- dissertations;
- monographs;
- books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic
(in the output of the publication will be registered

Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»

or in Russia

(in the output of the publication will be registered

Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»

We carry out the following activities:

- Editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors),
- Making an artwork,
- Cover design,
- ISBN assignment,
- *doi* assignment,
- Print circulation in typography,
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of Czech Republic,
- sending books to the author by the post.

It is possible to order different services as well as the full range.

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- учебные пособия,
- авторефераты,
- диссертации,
- монографии,
- книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии
(в выходных данных издания будет значиться –
Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
или в России
(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок),
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- присвоение ISBN,
- присвоение doi,
- печать тиража в типографии,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору.

Возможен заказ как отдельных услуг, так как полного комплекса.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Philosophical Society of Uzbekistan
Faculty of Business Administration, University of Economics in Prague
Urgench State University named after al-Khorezmi
Academia Rerum Civilium – Higher School of Political and Social Sciences

MODERN PHILOSOPHIC PARADIGMS: INTERRELATION OF TRADITIONS AND INNOVATIVE APPROACHES

Materials of the IV international scientific conference
on March 3–4, 2017

Articles are published in author's edition.
The original layout – I. G. Balashova

Do sazby 31.03.2017
Formát 60x84/16
Papír bílý standardní
Počet tiskových archů 3,17.
Tiráž 100 ks

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
Identifikační číslo 29133947 (29.11.2012)
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika.
Tel. +420608343967,
web site: <http://sociosphera.com>,
e-mail: sociosfera@seznam.cz